

№8 (62)
АВГУСТ

2018

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный журнал

2018 года
Индекс 54516

Цена подписки:
1 мес. - 88,00 руб.
6 мес. - 528,00 руб.

Лауреат Пончаровской
премии Константин Салоник
Интервью с писателем

стр. 7-10

«Из руин духа исходит Россия»
Памяти писателя Валерия
Ганичска

стр. 39-42

Валерий Кузнецов. По следам
Дона Хуана Австрийского

стр. 45-51

Всероссийское совещание
молодых писателей в
Ульяновске

стр. 65-88

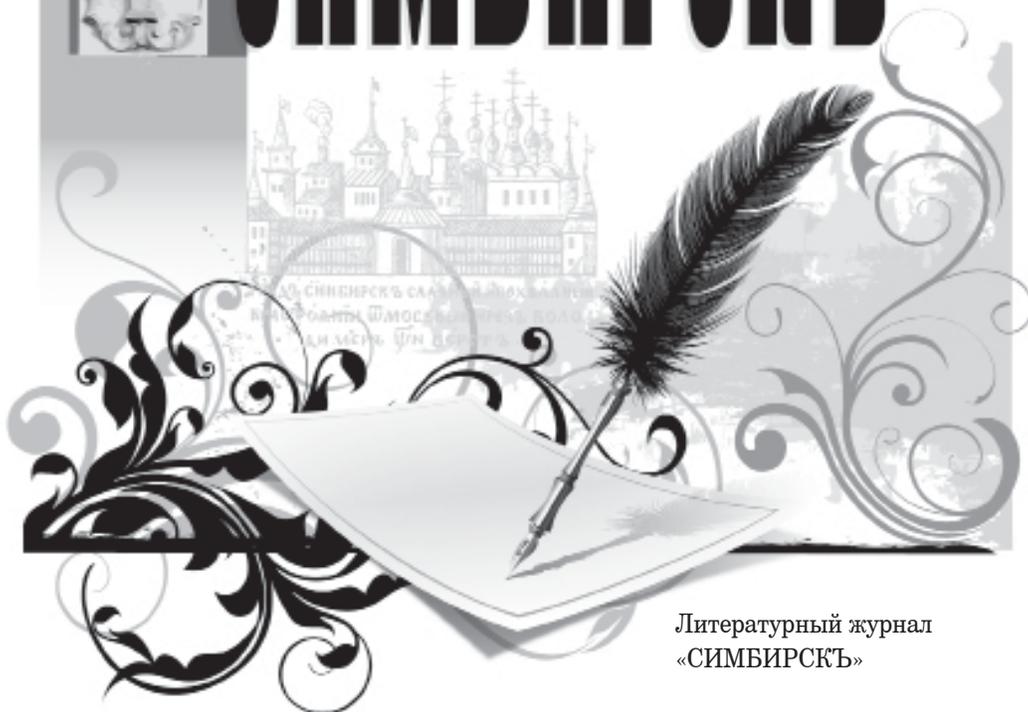

СИМБИРСКЪ

№8 (62)

АВГУСТ

2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 16.08.2018 г.
Дата выхода 24.08.2018 г.
Тираж 700 экз. Заказ №201.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Сити Принт», 610040, г. Киров,
ул. Мостовая, 32/16, т. (8332) 228-297,
сайт: www.printtown.ru

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» №8 (62), 2018

Издание зарегистрировано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа
Корректоры – Ольга Абрамова, Ксения Нечаева

Фотография на обложке: Владислав Никишин. «Сенокос».
На обороте обложки: фотография Ирины Матвеевой.
«Давайте познакомимся».

Радость творческого общения	3
Литературное наследие	
Ирина Маршалова. Круглый стол «Гончаров в восприятии молодых»	4-6
Константин Сазонов. «Лейтмотивом литературы станет возвращение». Интервью с лауреатом Гончаровской премии. Беседовала Гала Узрютова	7-10
Все живое	
Василий Дворцов. Собственная тема. О творчестве Камиля Зиганшина	11-13
Камиль Зиганшин. «Возвращение росамахи». Повесть	14-38
Память сердца	
Памяти Валерия Ганичева	
Ольга Шейпак. «Наши боги сильнейши...»	39-40
«Из руин духа встает Россия...»	41- 42
С любовью ко всему родному	
«Души прекрасные порывы...»	
Пушкинский праздник в с. Языково	43, 55-56
Александра Шадо. Стихи	44
Ветер странствий	
Валерий Кузнецов. «По следам Дона Хуана Австрийского»	45-51
«Фотограф счастливого дар...»	52-54
Владимир Кочетков. «Звезды над Буэнос-Айресом». Фантастическая повесть. Продолжение	57-64
Молодые голоса	
Всероссийское совещание молодых писателей.	
Нина Ягодина. Волга, весна, поэзия!	65
Стихи участников совещания молодых писателей (Александра Лошкарева, Елены Марченко, Мирославы Бессоновой)	66-68
Екатерина Огарева. «Возведем маркиры к бою». Повесть	69-88
Юбилейный календарь	89-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Сибирский», «Сибик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

- 1) Подпишитесь на почте
и журнал принесут вам домой:
– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания 54516
– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания 54526
- 2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами
по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;
пр-т Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).
(цена на 6 мес. – 348,00 руб).
г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107
(тел. 884(235) 3-26-49)
- 3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье»
(тел. 41-01-41)

Журнал «Сибирский» можно приобрести
в киосках «Сибирская печать»
и в отделе распространения по адресу:
ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки
на журнал (в том числе альтернативной) можно
проконсультироваться по телефону

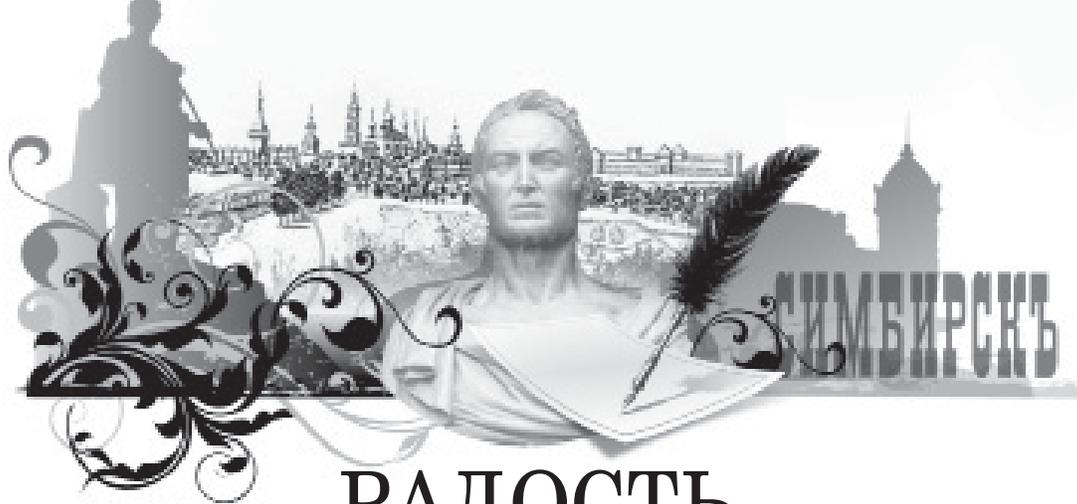
41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность представленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Сибирский» обязательна.

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Летом на Симбирской земле проходит много значимых литературных событий. В преддверии Гончаровских праздников в музее писателя был организован круглый стол «Гончаров в восприятии молодых». Об этом на страницах журнала рассказывает Ирина Маршалова. «Племя младое, незнакомое» влечется к «старинным, длинным» книгам Гончарова вечным, неиссякаемым стремлением к познанию и восчувствованию мира и себя в нем...». Мы имеем возможность убедиться в справедливости этих слов литературоведа Елены Краснощековой.

В рубрике «Литературное наследие» читайте интервью с Константином Сазоновым, лауреатом Гончаровской премии этого года в номинации «Ученики Гончарова». Галя Узрютова побеседовала с писателем о прошлом, настоящем и будущем литературы.

«Русская реалистическая литература не стала слабее или хуже качественно, просто мир стал другой... Возвращение и созидание – вот лейтмотив литературы будущего...».

О другом лауреате Гончаровской премии, Камиле Зиганшине из Уфы, рассказывает Василий Дворцов. Мы начинаем публикацию повести Камилы Зиганшина «Возвращение россомахи». Во вступительном слове знаменитый Николай Дроздов, в частности, пишет:

«Проза Камилы Зиганшина подробна, натуральна и вместе с тем высокодуховна. Звери, птицы, деревья, скалы, реки присутствуют в ней не в качестве фона, на котором разворачиваются действия, а наполненные добротой и талантом художника живут, дышат и разговаривают, пытаются донести до читателя простую мысль: человек не царь природы, а лишь ее часть и, если честно, не лучшая».

В рубрике «Память сердца» мы вспоминаем недавно ушедшего писателя и историка Валерия Николаевича Ганичева, много лет возглавлявшего Союз писателей России. «Православный мир знает его как инициатора канонизации русского адмирала Федора Ушакова. Главное же человеческое качество Ганичева – неравнодушие к судьбе Отечества и к судьбам всех российских писателей».

Пушкинский праздник в селе Языково прошел в 50-й раз. Публикуем заметки об этом событии.

В рубрике «Ветер странствий» читайте очерк Валерия Кузнецова «По следам Дона Хуана Австрийского». Автор делится своими впечатлениями о путешествии по Европе. Рассказы дополняют фотоиллю-

страции на цветной вкладке.

Здесь же представлена подборка фотографий участников областной фотовыставки.

В номере продолжаем публикацию фантастической повести Владимира Кочеткова «Звезды над Буэнос-Айресом».

Раздел «Молодые голоса» посвящен прошедшему недавно в Ульяновске Всероссийскому совещанию молодых писателей. Участниками совещания стали более 50 молодых поэтов и писателей из 18 регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинской, Воронежской, Липецкой, Саратовской, Нижегородской, Омской, Волгоградской, Кировской, Владимирской, Рязанской, Белгородской, Кемеровской, Курганской, Самарской областей, Республики Саха (Якутия) и Республики Башкортостан.

Публикуем статью Нины Ягодинцевой об этом событии, а также стихи и прозу участников совещания.

Молодые писатели ярко заявляют о себе и вместе с тем с волнением вглядываются в будущее.

Участница совещания, молодая поэтесса Елена Марченко из Омска, в стихотворении «Кукушка» вопрошает: «Что мне отмерено и кем?». И просит: «Отмерь, кукушка, счастья мне...» А в повести молодого прозаика Екатерины Огаревой есть такие строки:

«Мне хотелось доказать, что все обратимо: и чувства, и мысли, и даже время. Что, соединяясь снова и снова, мы возвращаем себе юность, надежды и веру в себя. Мы становимся друг для друга живым доказательством относительности любых границ. Мы ширимся, множимся, живем друг в друге. Мы продолжаемся. Мы все еще любим. Несмотря ни на что. Вопреки...».

Желаем молодым талантам любви и радости творчества!

Одна из руководителей поэтического семинара поэт Нина Ягодинцева (Челябинск), написала о своих впечатлениях так:

«Спасибо, гостеприимный Ульяновск, за щедрое летнее солнце, похожее на море бескрайнюю Волгу, за радость творческого общения, за молодые таланты, которые внушают уверенность в будущем нашей культуры и нашей страны!».

Елена КУВШИННИКОВА

Ирина МАРШАЛОВА, заведующая сектором научно-исследовательской работы ИМЦМ И.А. Гончарова

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ГОНЧАРОВ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЫХ» В МУЗЕЕ ПИСАТЕЛЯ

В преддверии традиционных торжественных гончаровских мероприятий в историко-мемориальном центре-музее писателя состоялся круглый стол «Гончаров в восприятии молодых», посвященный систематической работе учреждений культуры и образования, направленной на поддержание интереса молодежной аудитории к наследию романиста. Елена Краснощекова в предисловии к своей монографии «Иван Александрович Гончаров. Мир творчества» зафиксировала важное в русле настоящей темы наблюдение: «Как любое подлинное искусство, искусство Гончарова открыто многочисленным прочтениям. Приблизившийся конец XX века подталкивает к соотнесению творчества этого классика с реальным опы-

том читателя, прежде всего русского, накопленным в этом бурном и трагическом столетии. На пороге XXI столетия «Обыкновенная история», «Фрегат “Паллада”», «Обломов», «Обрыв» прочитываются совсем иначе, чем более века назад. «Племя младое, незнакомое» влечется к «старинным, длинным» книгам Гончарова вечным, неиссякаемым стремлением к познанию и восчувствованию мира и себя в нем. И, возможно, опыт последнего столетия реально помогает этому племени увидеть в «Обломове», к примеру, ту полноту мудрости, что была «сокрыта» от современников появления романа». Сегодня читатели и почитатели творчества великого романиста, шагнувшие уже в век XXI и живущие в нем, могут убедиться в справедливости

вести слов известной исследовательницы на основе собственного эмпирического знания. Как же ультрасовременное молодое поколение интерпретирует вечные смыслы творений писателя, что ставит во главу угла сегодня и какой вердикт выносит продуктивности гончаровских романов? На эти и другие вопросы попытались ответить участники круглого стола в Доме Гончарова.

С приветственным словом к собравшимся обратилась заведующая Историко-мемориальным центром-музеем И.А. Гончарова Ирина Смирнова. Ирина Вениаминовна напомнила о центральных событиях юбилейного 2017 года (VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию И.А. Гончарова; круглом столе «Музей И.А. Гончарова. Находки и открытия», посвященном 35-летию единственного в стране и мире музея писателя; научно-образовательном студенческом гончаровском семинаре; XXXIX Всероссийском гончаровском празднике; вручении ежегодной Международной литературной премии им. И.А. Гончарова), а также отметила возросший интерес учреждений культуры к новым формам работы с молодежной аудиторией.

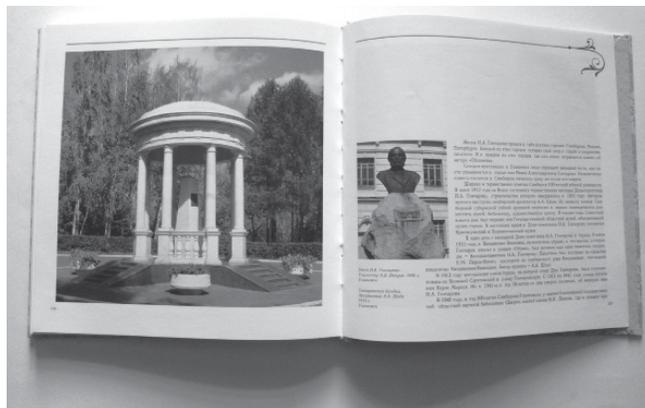
С историей, традициями и итогами научно-образовательных студенческих гончаровских семинаров, проводимых музеем совместно с сотрудниками Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, познакомила участников заведующая сектором научно-исследовательской работы музея, кандидат филологических наук Ирина Маршалова. Такие семинары проходили в Ульяновске в 2016 и 2017 гг. Непосредственным ку-

ратором их стала доцент МГПУ, кандидат филологических наук Мария Лоскутникова. Участниками выступили преподаватели, аспиранты и студенты МГПУ, ульяновских вузов, сотрудники музеев и библиотек города. Принципиально важно, что гостями и участниками встречи могли, а в последующие годы могут стать все заинтересованные тематикой: от школьников и студентов гуманитарных факультетов до работников культурных учреждений, школьных учителей, преподавателей вузов, представителей СМИ.

О формах библиотечной работы по продвижению творчества романиста в детской и юношеской среде рассказала сотрудник Центральной городской специализированной библиотеки им. И.А. Гончарова Татьяна Алисевиц. Видео-презентацию основных мероприятий, нацеленных на популяризацию имени великого земляка, продемонстрировала заведующая Гончаровской библиотекой Эльвира

Теймурбулатова. О значении книги и чтения в жизни героев Гончарова рассказала библиотекарь музея писателя Галина Меньшенина.

После основной программы состоялась презентация новейших музейных изданий, посвященных 205-летию романиста: сборника «Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И.А. Гончарова» и литературно-художественного альбома «И.А. Гончаров: у меня была своя нива, свой грунт» (автор текста – старший научный сотрудник музея прозаика Антонина Лобкарева). Главный редактор литературного журнала «Симбирскъ» Елена Кувшинникова передала в дар музейной библиотеке свежие номера с матери-

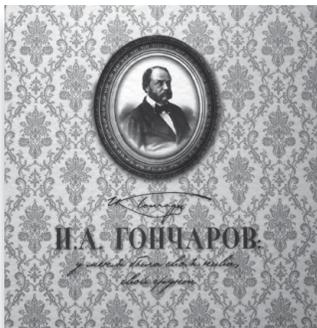

Альбом, посвященный И.А. Гончарову

Круглый стол «Гончаров в восприятии молодых». Выступает Т.А. Алисевиц

Литературно-художественный альбом

Выставка книг лауреатов Гончаровской премии

Очередной сборник Гончаровской конференции

лами, связанными с именем писателя-земляка. Завершился круглый стол подведением итогов встречи и свободной дискуссией участников.

Во время работы круглого стола действовала выставка произведений молодых писателей, лауреатов Международной литературной премии имени И.А. Гончарова в номинации «Ученики Гончарова», с которой могли познакомиться все желающие.

В мероприятии приняли участие сотрудники музеев и библиотек города, преподаватели и студенты Ульяновского государственного университета, представители СМИ.

В завершение разговора о круглом столе мы с радостью демонстрируем один из блистательных итогов «студенческого паломничества» в Дом Гончарова. Это замечательное стихотворение одной из самых ярких участниц Гончаровского семинара 2016 года из Москвы, магистранта МГПУ Марии Авериной, написанное «по следам» пребывания на родине романиста. Мария заметила: «И.А. Гончаров ВЕЛИКИЙ писатель! Его нельзя сравнить ни с одним из русских или зарубежных авторов, потому что это такое мощное видение мира, такое глубинное осмысление жизни!.. Это что-то потрясающее и присущее только ему!

В память об Ульяновске я привезла много стихотворений. Это одно из них.

* * *

...И оживают тени у порога...
 Минувшего,
 Конечно, не вернуть...
 Смешная девочка...
 И мать кричит ей строго:
 «Не опоздай,
 До школы долгий путь...».
 Тугие банты
 В косах.
 Запах вишен...
 Цветные камешки вдоль берега ручья,
 Ковер ромашек – будто гладью вышит,
 Блестит на солнце рыба чешуя...
 Открыты двери:
 Здесь тебе все рады!
 Звенит звонок,
 Приятно, как хрусталь...
 Как кружева, наличники фасадов...

Учительницы кипельная шаль...

Пусть не сдана таблица умножения,
 Не выучен по русскому урок,
 Но манит, манит вдаль воображение
 И мир его

Огромен и широк...

Тетрадки – паруса незримых лодок,
 Вычерчивают строем гладь реки:
 Те буквы прописные – беспокойны
 Под неокрепшим почерком руки...

Шум со двора...

Кудрявый мальчик Лешка

Бьет мячик с правой –

Тот летит

В кусты...

А там, в полях,

Засаженных картошкой,

Бедуют колорадские жуки...

И стройный ряд березок и осинок

Под негой ветра

В танце хрупких крон,

Раскачивает тени на тропинках,

И, кажется, что мир

Развоплощен...

Укропом пахнут бабушки ладони:

Бесхитростная жизнь – прошла в трудах...

Из бересты

По лужам

Мчатся лодки –

Своеобразный

Детства декупаж...

И бесконечны юности забавы...

Играет скрипка,

И дрожит смычок...

И голос дедушки,

Осипший и усталый:

«Играй по нотам...»...

...Времени песок

Отсыревает в иксобразной колбе,

И все труднее

Принимать года...

Стучит висок...

И тени у порога

Вновь застывают,

Как зимой вода...

Мне думается, что детство в Ульяновске должно выглядеть именно так...»

ЛАУРЕАТ ГОНЧАРОВСКОЙ ПРЕМИИ КОНСТАНТИН САЗОНОВ: «ЛЕЙТМОТИВОМ ЛИТЕРАТУРЫ СТАНЕТ ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Недавно в Ульяновске вручили Международную литературную премию имени И.А. Гончарова. Лауреатом в номинации «Ученики Гончарова» с романом «Фома верующий» стал прозаик Константин Сазонов из Ульяновска. В интервью Гале Узрютовой Константин рассказал о книге, службе в Чечне, поездке на Афон, литературе как большой реке, новом романе «Река и никто» и волжской легенде о доброй девочке. Мы также поговорили, как цифровые технологии влияют на книги, что портит современный нон-фикшн и почему хайп в литературе не работает.

Константин, расскажите, пожалуйста, о книге «Фома верующий». Насколько она автобиографична? Как долго вы ее писали?

Идея написать книгу возникла пять лет назад. К тому моменту я уже более 10 лет работал в журналистике и особенно любил публицистические жанры, в частности, очерк. Сложный жанр, требующий бережного отношения к фактам, понимания контекста, умения подмечать детали. Будучи начинающим корреспондентом, я, как и многие мои сверстники, выросшие в девяностых, отправился служить в российскую армию. Те, кому сейчас за тридцать помнят события тех лет хорошо, но тем, кто тогда только родился, наверное, сложно будет понять, как тогда жила вся страна и какой был гнетущий информационный фон. Тогда новости начинались и заканчивались одинаково: кровь в Чечне, потом видеоряд с не всегда дееспособным и трезвым президентом и опять Чечня. Поток гробов по всем городам и весям страны. Я хорошо помню два черных января – в 1995-м и 2000-м, август 1996-го. Месяцы самых жестоких боев в Чечне. Над городом не смолкал гул транспортников, и каждые несколько дней похороны, горе, криминальный беспредел, перестрелки на улицах, и я – молодой студент журфака, который пишет обо всем происходящем.

Когда начинается вторая чеченская кампания, я уже сам отправляюсь на призывной пункт и через год

Гончаровскую премию Константину Сазонову вручает губернатор С.И. Морозов.

оказываюсь в Грозном на долгие девять месяцев: инженерная разведка, разминирование, сопровождение колонн и спецоперации. Сам написал рапорт и уехал. Так делали все. Все мои друзья уже были там. В разгаре минная партизанская война. Сам Грозный – географическое название, а, по сути, мертвый город, разбитый войной, где среди руин обитали старики, дети, люди как-то пытались наладить жизнь. Рядом со мной – ребята из разных уголков России. Обычная военная жизнь. Она обычная в армейском понимании, не в мирном, ведь человек так устроен, что может свыкнуться практически со всем. Уже много позже я беседовал с одним уважаемым психологом, и он провел аналогии между нервной системой человека и настроенной гитарой. Если ее вынести на мороз, то инструменту ничего не будет, он не потеряет строя. Но если с мороза ее занести в тепло, то струны могут полопаться. Зачастую после возвращения с войны психика и начинала

сильно шалить. Я не говорю здесь о ребятах, получивших ранения и боевые психотравмы, – там все еще печальнее. Я говорю о тысячах солдат, сержантов и офицеров, которые просто тащили всю рутину в этой грязной военной глиняной каше с ежедневными вшами, дизентерией, закисшими бинтами, стерильными пакетами и жгутами в прикладах автоматов на случай ранения. Когда котелок с пригоревшей кашей и смерть товарища – понятия, уравненные во времени.

Тогда у меня и возникла мысль делать черновые

наброски того, что я вижу. Уже после возвращения я решил написать в своей газете о том, что сам пережил. Безо всякого пафоса. Именно в той военной логике, когда война и есть повседневная жизнь, и люди рядом – настоящие, без наносного. Когда рядом смерть, в людях становится больше Бога, они раскрываются.

Спустя десять лет пришло осмысление, и для того, чтобы привести эти мысли в порядок, я решил на пару недель уехать в одиночестве в путешествие. Давно хотел увидеть Афон – монашескую автономию, а потом поехать в Германию, проведать друзей детства. Уже в Греции, когда сошел с корабля, я понял, что все происходящее – это и есть продолжение книги. Слишком уж много удивительного происходило со мной, слишком много ответов получил на все свои вопросы, и что еще более удивительно – произошло это все в мой тридцать третий день рождения. Потом были два года работы, и закончил книгу я уже летом 2015 года в Ульяновске, куда переехал со всей семьей в связи с новым назначением. В итоге в финальный эпизод я включил те события, которые со мной происходили в настоящем. Как обобщение и обретение смысла.

Я намеренно не писал про крошечный, беспросветный ужас, какой сквозит почти во всей современной прозе, затрагивающей тему Чеченской войны. Не пытался задавать такой слишком очевидной тональности. Но так уж повелось у нас в обществе, что война в России со временем становится либо зыбким воспоминанием на грани небытия, либо иконописным образом. В моем случае – первое. И так вышло, что книга получилась совсем не про войну, а про то, что после нее. Это книга о возвращении. Как вернуться в этот мир после ада, который воспринимаешь как повседневность и должное. Как обрести снова ощущение света, которое не всегда доступно людям и безо всяких войн, по причине утраты смысла жизни. И, конечно же, я до сих пор убежден, что нужно писать только о том, что так или иначе пережил, к чему ты прикоснулся руками, глазами, душой. В книге есть сборные образы, есть немного авторских добавлений, вымысла, но его ничтожно мало. Но это тем не менее художественная книга, в которой очень много автобиографичного.

Над чем работаете сейчас?

Сейчас пишу новый роман «Река и никто» о современном рабочем классе и людях Средней Волги, чья история уходит корнями в древние чувашские, мордовские, русские легенды и трагические события столетней давности – Гражданскую войну, крупнейшее в советской России «чапанное» восстание крестьян и голод начала двадцатых годов.

Есть мнение, что для написания прозы нужно большое расстояние от событий, если описываются реально происходящие вещи или пережитое в этот момент. События, затронутые в вашей книге, произошли, с одной стороны, недавно, но для нового поколения, возможно, уже давно. Насколько сложно было формулировать свои переживания, ведь они, наверное, до сих пор не прожиты?

Смотря что понимать под большим расстоянием. Все зависит от глубины осмысления и того, что

называется историософией – угла зрения на прошлое. В современной российской истории мы прошли через противоречивые дискурсы оттепели, социализма, перестроечной гласности, демократизации девяностых и коммерциализации нулевых (это до сих пор тренд). И у каждой эпохи были свои авторы, свои взгляды на ключевые вехи истории. В среднем, осмысление событий доходило до читателя через десять-двадцать лет, а в случае с гениями и через тридцать-сорок, если говорить о произведениях Андрея Платонова, Юрия Мамлеева и многих других.

И дело не в том, что воспоминания должны отлежаться. Осмыслить события литературно – это титанический труд, тяжелый интеллектуально и психологически. На эту работу обычно требуются годы, и зачастую за это время взгляды и оценки могут неоднократно меняться и дополняться. В одном случае мы получаем некий духовный анализ с позиции современных автору ценностей и того, что называется воспитательной функцией литературы, а в случае с гениями и классиками мы получаем философский образ времени. Это метафизический поиск и та самая Россия, непонятная неизведанностью кладбищенского креста в снежном поле. Такая литература зачастую опережает время и просто ждет своего часа. Она оставляет открытым вопрос будущего, его конфигурации. Ведь и сама литература – это своего рода программный код грядущего. И даже если в основе текста лежит личное, пережитое, ты просто разговариваешь со своей памятью, а через нее – и с будущим. А это всегда очень, очень непросто.

Вы как-то определяете жанр, в котором пишете, или это не имеет значения?

Несомненно, это реализм, над оттенками которого я никогда не задумывался. Считаю, что ни к чему себя загонять в какие-то жанровые рамки, ведь сегодня ты пишешь реалистические вещи, а лет через пять начнешь писать сказки для детей. Это же так прекрасно – писать сказки.

На ваш взгляд, приходится ли современной книге конкурировать с большим потоком цифровых развлечений, которые стали доступны людям? Или они книге не конкуренты? Вообще, в новых условиях книга должна как-то меняться?

В этой связи хочу вспомнить один случай. Он как раз произошел со мной в Греции. Я был в монастыре святого Павла на Афоне, и так вышло, что в группе паломников, среди которых процентов восемьдесят были священниками из России, зашел разговор о том, как же нам быть с Интернетом. Один батюшка с жаром доказывал, что нужно все запретить: есть каноническое – те самые скрепы – вот книги, святоотеческие писания и жития, их нужно придерживаться, потому как Интернет – это грязный источник, и не напиться из него никак. К моему удивлению, возрастному батюшке тут же начали оппонировать молодые священники, говоря, что если с кнопками совладать не можешь, то куда же до душ людских? Проще говоря, для одних современные технологии были какими-то бесовскими явлениями, в то время как для других – обычный инструмент проповедника. Тогда я и задумался впервые о том, какой образ литературы будет сформирован в будущем.

Сейчас поколение читателей пополнилось молодыми ребятами – это миллениалы и постмиллениалы. Во многом их начальные ценности формирует не литература, а семья и маркетинговые коммуникации. Это свободные от догматики люди с сильно развитыми потребительскими навыками, чем и пользуется издательский бизнес, предлагая в основной массе популярную, блестящую, необременительную литературу, вроде фэнтези, фанфикшн, легких детективов и водевилей. Но литература – это большая река. У нее есть исток и устье, впадающее в море. Сколько бы мостов и гидросооружений ни построили, как бы ни меняли русло, исток и море неизменны. Русская реалистическая литература не стала слабее или хуже качественно, просто мир стал другой. Сегодня я вижу, как поколение миллениалов и постмиллениалов уже ищет свои ориентиры, пытается ответить на вопросы, кто мы, зачем мы, куда и с какими целями мы идем и куда хотим прийти. Именно свободное от догм мышление способно стать чистой водой, что движется от истоков к устью. Я думаю, нас в обозримом будущем ждет всплеск литературы, время новой литературной романтики – чистой, образной, теплой, ведь ноосферу не формирует агрессивный маркетинг, ее создает созидательное мышление, наше общее коллективное бессознательное, которое в России, несмотря на суровый климат и непростую историю, имеет ярко выраженное женское начало. И этому началу нужны светлые чувства, ему нужен обычный человек – где-то мужественный, где-то неординарный, а в чем-то и слабый, нуждающийся в том, чтобы его утешили и пожалели. Ему больше не нужны враги и пыльная, коленопреклоненная осанна лидерам. Оно требует гуманизма и созидания. Лейтмотивом станет возвращение – к своей истории, к своему прошлому и настоящему, к самим себе и ближнему. Возвращение и созидание – вот лейтмотив литературы будущего. Сегодня меняется и сам формат литературы. Достаточно посмотреть на списки произведений, которым присуждаются премии. Добрая часть из них – книги, вышедшие в онлайн-издательствах и никогда не видевшие магазинных полок. Если еще тридцать лет назад литературные явления были обусловлены только общественно-политическими процессами и заказом свыше с неизменной литовкой, одобрением Союза писателей, без которого ты не имел права называть себя писателем, то сейчас все ограничивается только желанием, талантом, ну и количеством денег.

Вот здесь на помощь и приходит big data. С одной стороны big data – это массив, в котором легко потеряться, но с другой – это лучший цензор, который отделяет литературу от графомании. Конечно, можно выскочить на массовой ажитации, именуемой хайпом, но нет ничего более недолговечного, чем хайп. Да и рекламой потребителю уже не скормить все, что попало. Не так давно по всем телеканалам крутили рекламу книг одного автора – очень богатого человека, удовлетворяющего свои писательские амбиции. Несмотря на громкие эпитеты, в Интернете можно посмотреть отклики и понять, что огромные вложения в рекламу не сделали эти книги востребованными. Это и есть сегодняшний день литературы. Так что я отношусь к современным цифровым реалиям не с позиции критика, а с позиции участника и даже в чем-то визионера.

Вы занимались журналистикой, и, по некоторым отзывам, это заметно в вашей книге. Насколько журналистский опыт повлиял на вас как на писателя?

Тут все просто. Я отношу себя к авторам, которые воспринимают язык как форму. Это совсем не ново. Посудите сами: мой герой, который повествует в книге от первого лица, попадает на войну в очень молодом возрасте, имея за плечами начальную профессиональную подготовку корреспондента. Как может писать и говорить такой человек? Конечно же, только как молодой спецкор-репортажник. Эта часть даже называется «Кавказский репортаж». После возвращения начинается осмысление и сразу меняется язык, обретая легкие, емкие и прозрачные конструкции к финальной части. Я всегда – даже в журналистском прошлом – так относился к языку, к его ритмике, музыке и той гамме чувств, которую он способен создать. Русским языком можно выразить даже запах и тактильные ощущения почти на уровне реального обоняния и осязания. Не верите? А журналистика плюс ко всему учит очень бережно и скрупулезно работать с фактами и логикой. Согласитесь, даже в произведении нобелевского лауреата несколько дико читать, как поезд трогается из Оренбурга и на третий день достигает Волги. Этот путь занимает часов семь, и даже с длительными остановками редко превышает шестнадцать часов. Журналистский опыт – это хороший внутренний редактор,строенный.

Как вы думаете, почему сегодня так популярны нон-фикшн?

– Нон-фикшн никогда не переставал быть популярным, ведь именно этот жанр позволяет узнать о событиях непосредственно с позиции если не участника, то исследователя событий и его восприятия, включая наносное, часто откровенно пропагандистское. Другой вопрос, что часто за документально-публицистическую литературу выдается откровенный вымысел, помещенный в вырубленное клише и соответственно окрашенный. Технология проста – за основу берется какой-то факт или реальные мемуары, а дальше художник «видит так»: если речь о сталинских временах – то на первый план выдвигаем репрессии, если герой высокодуховен – значит, из белогвардейцев и т.д. На основе этого пишутся сценарии и снимается такой лубок, что нивелирует историю на корню. Так и хочется иногда сказать: ребята, ну почитайте вы открытые источники. К примеру, дворянской скорее имеет право называться как раз таки Красная армия, ведь на этапе гражданской войны в ней офицеров-дворян служило втрое больше, чем в белой. И это просто факты.

Или другой пример. Долго ломали копыя про подвиг панфиловцев. Признали, да, вымысел. Тогда армии был нужен этот подвиг для поднятия морального и боевого духа. Это совершенно нормально. Для того и существует военная пропаганда. Она необходима на войне так же, как и боеприпасы. Но почему бы спустя десятилетия не сказать об этом открыто? Почему не сказать о том, что реальность была во сто крат страшнее и на этом направлении полегли совсем не 28 человек, а стократно больше. Это разве как-то умаляет подвиг советского народа? Почему к истории нужно относиться только догматически? Ее

нужно изучать как данность, без подмены фактов, и публицистика должна давать больше пищи для размышлений, не отказывая читателю в праве быть несогласным с автором.

Вы родились в Орске, но довольно долго живете в Ульяновске. Что можете сказать об энергетике города?

Я всегда с недоумением воспринимаю восклицания, что Ульяновск – какое-то гиблое место. Я родился в степях Оренбуржья: там жив казачий дух, суровые зимы и суховеи летом, всегда ветрено и солнечно. И люди из моего родного Орска такие же – суровые, но чаще солнечные, бывают ветреные и разлетаются из родных краев кто куда. Ульяновск по энергетике совсем другой. Это лицо советской истории, это отражение судеб народа. Это старый и новый мост как отражения двух эпох, это захватывающая речная ширь,

которая сама по себе и горе, и радость, и время. Именно такой воспевают Волгу местные легенды. А одна из них и вовсе гласит, что у Волги есть своя душа. Обычно является она к людям, которые отчаялись и потеряли веру во все, и приходит в виде маленькой ясной девочки, взгляд у которой – чистая вода. Девочка эта обычно просит поиграть с ней и купить у нее какую-нибудь безделицу: камушек, обточенный речной волной, шишку с шапочкой из листа. И если человек не превратился из-за невзгод в зверя и отдаст ей из последнего, то в награду ему даруется огромная сила – любую войну и горе пережить можно. Так что любите наш город, нашу Волгу, в ней отражается особе небо. Милостивое.

Беседовала Гала Узрютова

Фото – из личного архива Константина Сазонова

<http://ulgrad.ru/?p=173543>

Для справки

Константин Сазонов родился в 1980 году в городе Орске Оренбургской области, окончил факультет журналистики Оренбургского госуниверситета, сотрудничал со СМИ. С лета 2000 года по май 2002 служил в бригаде специального назначения и через год после призыва был направлен для прохождения службы в зону боевых действий – город Грозный Чеченской Республики. Во время нахождения в горячей точке делал заметки о военном быте, людях, переживаниях. Материал стал основой военного цикла «Чеченский дневник», а затем нашел отражение в романе «Фома верующий». В 2003 году получил премию Союза журналистов «За мастерство» за цикл «Современный очерк» о современниках с необычной судьбой. В 2013 году впервые съездил на Афон, где и родилась идея романа «Фома верующий» как обобщение военного опыта, осмысление внутреннего одиночества и сложности возвращения в мирную жизнь после войны. С весны 2015 года живет в Ульяновске, куда переехал вместе с семьей. Руководит департаментом информации и общественных связей Ульяновского автомобильного завода.

Камиль Зиганшин

Василий ДВОРЦОВ, заместитель председателя правления Союза писателей России, президент всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова», президент международного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы»

В июне 2018 года Гончаровской премии был удостоен писатель из Уфы Камиль Зиганшин

СОБСТВЕННАЯ ТЕМА

Размышления о творчестве Камиля Зиганшина

Тема, главная, собственная для художника тема, раскрывается его судьбой. Не определяется, а именно раскрывается. Ибо поиск темы, влечение к ней, зов ее возможно объяснить только врожденными качествами ума и сердца, способностями, придаваемыми при сотворении-зачатии. И потом уже далее, далее, от детской пытливости до старческой немощи, тема неотступно влечет и гонит, тянет и томит художника на уровне инстинкта. И он, словно нерестающийся лосось,

что, преодолев тысячи километров океана, упорно, до смерти, ищет и отыскивает лишь одну из сотен, лишь свою собственную, не разъяснимо другим нужную ему речушку. Или перепел, такой маленький, такой незащитный перед всеми хищниками земли и неба, бегом, пригнувшись, при нужде лишь вспархивая, бегом спешащий из Африки на только свое родное вологодское поле.

Ну и какой мотивацией обстоятельств или, тем

паче, выгод можно объяснить стабильность этой тяги, томимость чувств и неотвязную устремленность мысли от детской пытливости до старческой немощи? Да если б это было только чувством, оно бы рано или поздно насытилось, если б это было идеей, то она рано или поздно бы разложилась-разъяснилась, но это глубже – это врожденный, не объяснимый ни психологией, ни философией, вектор твоей судьбы.

Неисповедимы пути Господни но художнику оцутима-осознаваема его собственная тема.

Почему Камиль Зиганшин стал профессиональным путешественником? Не туристом, как большинство художников и писателей, не грибником или спиннингистом? Да потому, что для писателя Камиля Зиганшина его собственная тема – поиск симфонии мира. Не гармонии, как сложения в механистическое равновесие множества частных, нет, Зиганшину нужен мир в соитии – в целостности, неразбираемости, нерасчленяемости организма. Отсюда столь мучительная и сладостная его страсть к горам, к самым высоким земным вершинам – к самому возможно широкому горизонту, к максимальной просторности, к всеохватности миро - зрения. Жажда убеждаться в том, во что веришь, – мир целен.

Камиль Зиганшин «Страна улыбок»:

Хотя солнце уже на западе, за хвостовым оперением самолета, оно висит еще достаточно высоко и хорошо освещает землю. Воздух над бурой, в зеленых мазках земель, в густой сизой дымке, сквозь которую угадываются квадратики миниатюрных полей, крошечные постройки, извилистые, в светлой кайме берегов, русла обмелевших речек. Над горами же воздух прозрачен настолько, что, кажется, протяни руку – и дотронешься до ближнего отрога. Дальше на север четко видны ряды остроконечных пиков высочайшего в мире Главного Гималайского хребта, покрытые вечными снегами и многокилометровыми языками ледников. За ними простирается на тысячи километров древний Тибет. При виде этой грандиозной панорамы все, что совсем недавно беспокоило и волновало меня, отошло на задний план.

Только на высоте мучающая страсть отпускает, боль забавкивается, боль – от конфликта внутренней, личной веры в мировую гармонию и внешней глобальной доктрины всеобщей разделенности. Конфликта с убежденностью «научного общества» в нормальности всеускоряющейся дробности, множачейся частичности до полнейшей атомизации всего и вся.

Эта «нормальность» вседробленности вошла в сознание Европы бубонной чумой четырнадцатого века, когда симфонически цельный космос Средневековья был подсечен завезенной из Китая Шелковым путем «черной смертью». В 1346 году хан Золотой Орды Джанибек катапультировал в осажденную им генуэзскую факторию Каффу зараженные трупы, откуда и поплыли в Италию «корабли мертвецов». Ни банщики-цирюльники, ни костелы, ни амулеты, ни паломничества не спасали от страшной смерти, равняющей праведников и грешников: за пять лет Европа потеряла двадцать пять миллионов – больше половины своего населения. Ужас и гнев несправедливости, незаконности и безлогичности случившегося потрясли готический собор Вселенной, породив не-

доверие к Тому, Кто был основой, сердцевиной и вершиной мировой правильности. Ревизионизм реформации, начавшись обрушением иерархий церкви, очень скоро алхимией и кабалистикой раскрыл запретные печати на язычестве и сатанизме. Недоверие творения к Творцу обратилось возрождением дробно-пантеистическим натурфилософским мировоззрением, которое пытками технологий и ядами освобождений эволюционировало в христоотрицающий гуманизм... Учение о человеке разорвалось-разлетелось на анатомию, физиологию и психологию... Цена за расчленение материи в ядерный распад – распад империй, обществ, семей, личности...

Но объективная история не есть история только механизмов, она не прогрессирует, не движется в небытие по умозрительной спирали, а упрямо возвращается на круги своя – Вселенная округла и орбитна. И если нерестящийся лосось не ищет свою собственную речушку, а перепел не бежит из Африки, то и человек теряется и распадается, гибнет беззаконной кометой, не удерживаясь в своей собственной орбите, не имея веры, не имея солнца в Перволичности. Ведь личности свойственно нуждаться в органической целостности мира, в неразбираемости, нерасчленяемости живой вселенной. Именно эта нужда сквозит в логике слежения причинно-следственных связей и в всплесках чувства счастья от пространственно-временного космогонического единства.

Логика в поисках и эмоции в обретении цельности мира... Для кого-то другого они вполне самостоятельно сосущественны, для кого-то другого, равновесясь, доминируя и подчиняясь, они вполне сплетаются и расходятся, но не для реально рискующего жизнью, опытно познающего грани жары и холода, скорости и неподвижности, за которыми смерть или инвалидность. Для такого человека их расхождение непозволительно. И потому для беллетристики у Зиганшина-писателя и для дневников у Зиганшина-путешественника одни глаза и одни слова.

Камиль Зиганшин «От Аляски до Огненной Земли»:

На черном небосводе густо мерцали ярко начитанные звезды. Медовая растуцающая луна, поситавшись между ними, убежала за горизонт, догонять подружку. Сразу стало темно – хоть глаз выколи. Зато из открывшихся тайников высыпала уйма новых звезд. Следом по искристому бархату пробежал бледный сноп света, и почти сразу заиграли зеленовато-сиреневые сполохи, похожие на складки гигантского занавеса, покачиваемого ветром. Его извивы то сходились, то расходились, разгораясь все ярче и ярче. Эти волнообразные колебания сопровождались идущими из неведомых глубин шорохами и свистом переменной тональности. Когда сполохи охватили половину свода, они внезапно погасли, и небо опять стало угольно-искристым.

Камиль Зиганшин «Щедрый Буге»:

Теплый золотистый свет, уходя, плавно скользил по сереющему снегу, темнеющим стволам, ветвям. Поднимаясь все выше и выше, он незаметно выманивал из глухих распадков и ущелий морозную мглу. Ряд за рядом чернели опечаленные деревья. Нарождающаяся ночь осмелела, бесшумно выползла из ущелья,

укрывая все окрест незаметно густеющим покрывалом, но рассеянный свет упорно просачивался из-за гор. Легкие облака некоторое время еще отражали последние прощальные отблески скрывшегося светила, но и они вскоре погасли. Тайга и небо слились в непроницаемо-угольной тьме.

Тайга и небо слились в непроницаемо-угольной тьме... и небо опять стало угольно-искристым... Одни глаза, одни слова для беллетристики и дневников.

Логика и эмоции... Красочно яркие, картинно впечатляющие зарисовки времени и места событий в повествованиях Зиганшина ужаты до фотографической репортажности. Он путешественник глазастый, но рассказчик рачительный – слишком многое интересное нужно поведать и многим полезным нужно поделиться. Опыт экстремального выживания котируется романтичные восторги, и если невозможно по земле двигаться, не видя неба, то красоты закатов, полнолуний, гроз и звездопадов совершенно естественно роднятся у него с обозначением сезона, части суток и с расчетом маршрута, согласно определенному по наблюдаемым ориентирам азимуту.

Даже романы и повести имеют этот стилистический дневниковый вид.

Камиль Зиганшин, «Золото Алдана»:

В первый день благодаря высокой воде экипаж прошел почти шестьдесят верст – прибрежные виды менялись с калейдоскопической быстротой. Мелькали каменные скалы утесов, оцетинившиеся лесом крутые скаты, склоненные к воде деревья. Возбужденные необычностью обстановки и удачным началом сплава, офицеры (пятеро из них впервые плыли на судне) то и дело нахваливали мичмана за хорошую идею. Пешком, пусть даже с лошадами, они в лучшем случае прошли бы не более тридцати верст, да еще умалялись бы усмерть. А тут благодать – река несет так, что едва успевали рулить.

На следующий день после полудня послышался необычный нарастающий гул. Мичман встревожился – догадывался, что это может означать. Отдав команду грести к берегу, сам влез на поперечину мачты. С нее попытался разглядеть, далеко ли пороги, но утес закрывал обзор. Скорость течения нарастала, и гребцы, хотя и прилагали все силы, не могли вырваться из стремнины. За утесом русло выпрямилось, и река, словно стрела, выпущенная из туго натянутого лука, устремилась туда, где поток, обрываясь, исчезал в клубах водяной пыли.

...в первый день... на следующий день... прошли бы не более тридцати верст...

Так везде и всегда – для Зиганшина дни измеряются в верстах, километрах, милях. Эта измеримость его времени расстояниями, промеряемость его жизни дорогой – судьба, которою раскрывается главная, собственная тема писателя – назначенный ему от рождения поиск симфонии мира. Эвенки и чилийцы, осетины и эскимосы, французы и суахильцы, его родные башкиры и сказочные для всех непальцы – во все встречные лица Камиль Зиганшин всматривается широко раскрытыми глазами и сердцем, томительно ища и счастливо находя схожесть в разнообразии, целостность в разнесении – ища и находя симфонию мира. Урал и Саяны, Памир и Кавказ, Тянь-Шань и Анды – вершины хребтов распахивают ему круги

горизонта за пределы континентов, и он счастлив видением единства жизни: все, что совсем недавно беспокоило и волновало... отошло...

И пускай в конце эпохи гуманизма всякий, не исповедующий себя антихристом объявляется врагом прогресса, но Вселенная округла и орбитна, в ней все возвращается на круги своя. И потому увидевший это, познавший это Камиль Зиганшин преклоняется перед теми, кому дана была сила никогда с этих кругов не сходить. Вековой быт пастухов оленей или яков, как и присяга офицеров, как товарищество в походе и ритуальность старообрядцев в его произведениях всегда добро абсолютное, истинное, не подлежащее ревизии и даже сомнению. При этом Зиганшин не запирается в сладкое умиление «невинностью природы», не зовет пасторально «опрощаться» рядом с охотниками, рыбаками и золотойщиками, нет, он с таким же благоговением описывает встречи с верными и верующими людьми в столичных мегаполисах. Среди его героев ученые, художники, поэты. Чего только стоит его очерк-зарисовка о Мустае Кариме!

Все возвращается на свои круги, зерно умирает в воскресение жизни, психология и анатомия единятся в учение о человеке... Вера и верность в Африке и во Франции, вера и верность на Огненной Земле, на Ямале и на Сахалине... По лично видевшему и опытно познавшему Камиллю Зиганшину – какой землей бы ты не проходил, везде в конце дня встретит тебя вечерним теплом твой дом. Да, твой! – путешествующий не бродяга, не шатун, не скиталец и не изгой, ведь если идешь ты в вере и верности, то к концу перехода обязательно обретешь и братский очаг, и родной кров. Родной во всех, столь беспримерно местных, но столь же совершенно универсальных человеческих традициях: если ты традиционалист, то тебе рады и на Аляске, и в Исландии, в Индии и в Западной Сибири: традиции – живые кордоны против всех «черных смертей». И верный правде и верующий в добро – родной всем и близкий всюду.

Камиль Зиганшин «Щедрый Буге»:

Вечером, выслушав мой рассказ, Лукса сказал:

– Настоящим охотником стал. Хороший охотник видит зверя сквозь сон – и, задумчиво глядя в огненный зев печурки, продолжил. – Человека шибко трудно разглядеть, но на медвежьей охоте сразу видно, кто ты. Я все думал, что за парень? Городской, а в тайгу пошел. Боялся, опасность будет – оробеешь, подведешь. Теперь так не думаю. Возле медвежьей квартиры не всякий может стоять. Давай, бата, следующий сезон опять вместе соболя промыслять. Как лед унесет нартовый след, зимовье поставим. Тепло, просторно будет.

От этих слов у меня защемило сердце. Судорожный комок сдавил горло. Не в силах вымолвить ни слова, я с благодарностью пожал сухую, крепкую руку. Нахлынувшее чувство признательности искало выхода. Хотелось сделать что-то приятное для этого скупого на похвалу человека, ставшего мне близким за время охоты. Я снял с себя серый, толстой вязки шерстяной свитер и смущенно протянул ему:

– Возьми.

Лукса обрадовался подарку как ребенок.

– Спасибо, бата. Надевать буду, тебя вспоминать буду.

Камиль ЗИГАНШИН, Уфа

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

ПОВЕСТЬ

Главный герой книги – россомаха, редкий и загадочный обитатель северной тайги. Зверь этот не так уж велик – размером с лайку и на первый взгляд довольно неуклюж. Но в нем заключена такая сила и неукротимая отвага, что он способен в одиночку противостоять стае волков. Но мало кто знает, что этот матерый хищник может быть благодарным и верным другом. В повести рассказывается о судьбе двух поколений этих таежных рыцарей, их поразительной способности отстаивать право на жизнь и свободу.

О КАМИЛЕ ЗИГАНШИНЕ И ЕГО ПРОЗЕ

Проза Камиля Зиганшина подробна, натуральна и вместе с тем высокодуховна. Звери, птицы, деревья, скалы, реки присутствуют в ней не в качестве фона, на котором разворачиваются действия, а, наполненные добротой и талантом художника, живут, дышат и разговаривают, пытаясь донести до читателя простую мысль: человек не царь природы, а лишь ее часть и, если честно, не лучшая.

Его повести об обитателях тайги: «Щедрый Буге», «Маха, или История жизни кунички», «Боцман» – сразу покоряют и очаровывают сочностью, красочностью языка; живописными картинками природы, прекрасным знанием повадок зверей и, что немало важно, увлекательным сюжетом. Их с удовольствием читают люди любого возраста. И в его романах о старобрядцах «Скитники», «Золото Алдана», выдержавших не одно издание, также много глав посвящено диким животным.

Прожив несколько лет в дебрях Уссурийского края, Камиль научился и думать, и чувствовать по-звериному. Смотреть на все глазами своих героев. Благодаря такому взгляду изнутри и мы, читатели, проникаемся любовью, уважением к ним, нашим меньшим братьям, как говорил Сергей Есенин.

В повести «Возвращение россомахи» писатель использовал для эпиграфа слова Дерсу Узала из одноименной книги В.К. Арсеньева: «Звери тоже люди,

только говорят на своем языке и ходят на четырех ногах!». Это кредо и самого Камиля Зиганшина.

К сожалению, в обществе бытует упрощенное представление о жизни животных. Их поведение упорно и эгоистично трактуется как совокупность рефлексов и инстинктов. Мол, нет у них рассудочной деятельности, что она присуща только человеку! Но, если приглядеться, действия и поступки многих животных, как домашних, так и диких, каждодневно доказывают: не все в их поведении объясняется инстинктами. Они... мыслят! Примитивней, упрощенней, чем люди, но мыслят! У каждого из них, как и у людей, свой характер, свои привычки, свои цели. А жизнь иных сообществ организована до того гармонично и целесообразно, что впору и людям поучиться.

Новая повесть Камиля Зиганшина о россомахах – редких и, пожалуй, самых загадочных обитателях тайги, о которых ходят невероятные легенды.

Приглашаю читателей погрузиться в необычный, первозданный и волнующий мир природы и понять его.

Николай Николаевич Дроздов,
профессор географического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова,
автор и ведущий телепередачи
«В мире животных».

От автора

О главных героях этой книги – россомахах, самых крупных представителях семейства куньих, большинству людей мало что известно. Кое-кто знает, что их в природе немного, что это ненасытный, чрезвычайно скрытный и молчаливый зверь-одиночка, отличающийся коварством и злобностью (последнее утверждение по большей части итог предрассудков, страхов и невежества).

На самом деле россомаха – отважный, не пасующий ни перед кем зверь. Она, как правило, образцовый родитель. И за добро платит добром. К сожалению, широкое использование охотниками снегоходов и мотонарт поставило данный вид на грань выживания. В настоящее время россомахи сохранились лишь в глухой, преимущественно горной тайге и безлюдной лесотундре.

Повесть знакомит с привычками и характером россомах, поможет понять причины их «дерзости». Прочитав ее, вы (я на это очень надеюсь) проникнетесь симпатией к этим неутомимым бродягам севера.

При написании книги я опирался на материалы многолетних наблюдений российских и скандинавских зоологов, охотоведов, рассказы промысловиков, а также на собственный опыт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ I
ПЫШКА

Звери тоже люди, только говорят
на своем языке и ходят на четырех ногах!
Дерсу Узала

Глава 1
Лавина

Из замороженной глубины хребтов на долину надвигалась буря. Деревья зашевелились, раскачиваясь из стороны в сторону, словно пьяные. Ветер, задирая юбки елей, сбрасывал снег, завывал голодным зверем в сухих дуплистых стволах. Тайга грозно рокотала. Даже старый кряжистый кедр заскрипел суставами. Не выдержав очередного яростного натиска ветра, подкрепленного мощным снежным зарядом, он затрепал и стал крениться к земле. Пытаясь устоять, судорожно цеплялся ветвями за обступавшую его молодежь. Но кто удержит такую махину? Круша их, старец с горестным стоном рухнул на пухлую перину и затих, наполовину утонув в ней.

Много ветровалов и гроз пережил лесной великан и вот распластался с надломленной вершиной у ног более молодых собратьев. Не успела снежная пыль осесть, как из бурелома вынырнул и покатился к скалам похожий на медвежонка, мохнатый, пышный шар – россомаха. Ночная охота у нее не задалась. Пробежав до утра, Пышка так и не встретила ни одного свежего следа, не выловила в струях ветра ни единого запаха. А грянувшая непогода делала продолжение поисков и вовсе бессмысленным.

Росомаха спешила к логову, устроенному в расщелине между плит неподалеку от горного ключа: пора было кормить детенышей. На небольшой прогалине ее чуткий нос уловил соблазнительный аромат рябчика (обитатели тайги, в отличие от людей, воспринимают окружающий мир не столько зрением, сколько обонянием и слухом).

Хищница перешла на мягкий, вкрадчивый шаг и, вычислив по сочащемуся из-под снега запаху местоположение ближайшей спаленки*, прыгнула. Придавленная лапами курочка не успела даже взмахнуть крыльями. Вокруг тут же вздыбились белоснежные фонтаны от выпаривавших из соседних спален рябчиков.

Хищница перешла на мягкий, вкрадчивый шаг и, вычислив по сочащемуся из-под снега запаху местоположение ближайшей спаленки*, прыгнула. Придавленная лапами курочка не успела даже взмахнуть крыльями. Вокруг тут же вздыбились белоснежные фонтаны от выпаривавших из соседних спален рябчиков.

* Боровые птицы (рябчики, куропадки, тетерева, глухари) зимой спят под снегом.

Через несколько минут от птицы осталась лишь кучка перьев. Случайный завтрак так взбодрил росомаху, что она несколько раз перекувыркнулась на бегу через голову.

Вот и приметная расщелина. Тут всегда тихо: отвесные скалы надежно ограждают от снежной круговерти. Раскидав широкой лапой нападавший перед лазом снег, Пышка проползла по длинному каналу в логово и, призывно урча, легла на тощую подстилку из полустлевших листьев и мелких веток. Она так устала, что только в первые минуты чувствовала, как заелозили по ее животу, лихорадочно работая лапками, оголовавшие малыши. Когда они припали к соскам, ее окатила волна блаженства, и она задремала...

Проснувшись, Пышка осторожно освободилась от зарывшейся в густую материнскую шубу ребятни и выбралась наружу. Редкостный покой, заполнивший окрестности, обрадовал. Жмурясь от слепящего света, россомаха осмотрелась. Белая лента речушки в лучах солнца кое-где искрилась мириадами крохотных бриллиантов. Тайгу после бури было не узнать. Повсюду торчали отщепы и обломки веток; во впадинках и ямках желтели груды

непонятно откуда взявшихся листьев.

Над головой протрещала, здороваясь, сойка. По извилисто-му руслу тянулась строчка из округлых следов длинноногого самца рыси, живущего на этом же участке. Росомаха вспомнила, как она, еще брюхатая, вместе со своим косматым кавалером отняла у этого кота зайца. Поначалу крапчатый сосед грозно шипел и щерился, но стоило ее угрюмому спутнику обдать его мускусной струей, как тот, морщась от едкой, перехватывающей дыхание вони, отскочил и, делая вид, что вовсе и не голоден, удалился.

Но сегодня иная ситуация: Косматый уже неделю как пропал. Теперь она охотится и смотрит за детенышами одна. Интуиция подсказывала ей, что в исчезновении супруга повинны прямоходящие с Большой реки – оттуда несколько раз доносился несущий смерть гром. Пышка однажды даже видела, как такой гром издала свалил могучего лося.

Может, пойти за крапчатым? Вдруг опять что-нибудь перепадет.

За скальным прижимом след рыси свернул в круто взлетающий боковой распадок. Пышка зашла было в него, но тут сзади донесся непонятный гул. Хищница остановилась. Гул усиливался. Выскочив из-за прижима, она увидела, что с лысого гребня отрога катится, вскипая белыми бурунами, снежный вал. Достигнув леса он легко, словно это спички, срезал у комля деревья.

«Малыши!!!».

Высоко вскидывая зад, росомаха кинулась к логову. Но вал уже успел залить долину многометровой толщей снега. Местность так изменилась, что Пышка только по торчащим макушкам скал, обрамляющим расщелину, определила, где находится ее нора. Росомаха забегала по бугристой мешанине, пытаясь уловить запах или услышать писк детенышей. Единственное, что удалось ей вынюхать и раскопать, работая не только когтистыми лапами, но и зубами, – это окровавленный ком: все, что осталось от куропатки.

К утру о впрессованные в снег камни и сучья были сломаны несколько когтей, разодрана до крови кожа на лапах. Но, кроме измочаленного зайца и еще двух куропаток, она ничего не нашла. Обессиленная мать задремала в одном из раскопов.

Разбудило ее бьющее в глаза солнце. С трудом поднявшись на кровоточащие лапы, Пышка оглядела спрессованный, покрытый оспинами вырытых ям, снежный покров. Где-то под его толщей ее малыши! Повлажневшие глаза росомахи наполнились тоской: она понимала – их уже не спасти. Тем не менее, надеясь на чудо, несколько раз кругами обошла полузасыпанные скалы. Ничего не вынюхав и не услышав, побрела прочь, оставляя на снегу алые капельки.

От нервного потрясения росомаху охватила жажда движения. Она бездумно шла и шла, наращивая скорость, словно куда-то опаздывала. Широкие, покрытые жестким волосом лапы были идеальными снегоступами. Соски распирали от прибывающего молока (эти болезненные ощущения продолжались еще пару дней: пока молоко «не перегорело»).

Крутые склоны ущелья сходились все тесней и тесней. Соединившись, в конце концов, они вывели росомаху на водораздельный гребень. Ветер срывал с него снежную пыль. Искрясь на солнце, она тянулась в воздухе полупрозрачным шлейфом. Отсюда открывалась широкая лесистая падь, упирающаяся в смазанные дымкой хребты. Самый ближний, изрезанный мазками каменистых обнажений и осыпей, выделялся массивной, похожей на гигантскую нахохлившуюся куропатку горой.

Местность малознакомая, но серо-зеленые, посебранные снегом склоны, витиеватые змейки речушек, торчащие там и сям скалы напоминали прежний участок. Прибодрившаяся Пышка понеслась вниз, взбивая снег равномерными махами.

Впереди с дерева посыпалась снежная кухта. Росомаха остановилась. Все в ней замерло, кроме глаз, «процупывающих» кроны. Ах вон оно что – в ветвях мелькали белки в темно-серых шубках, с черными пушистыми хвостами. Хищница стала наблюдать за веселой компанией в надежде, что хоть одна из них спустится на снег на котором валялось множество голых стерженьков и еще больше чешуек. Проворные зверьки долго и беспорядочно носились по ветвям кедра, играя друг с другом. Но вот они прервали беготню и,

закинув на спину хвосты, разбежались по кудрявым вершинам с темнеющими кое-где пучками шишек и принялись деловито шелушить их. Расправившись с одной, принимались за следующую. Неугомонные хлопотуны и не думали спускаться. Временами они поворачивались друг к другу и начинали «беседовать»: звонко цокали, цвиркали.

Разочарованная Пышка побежала к речке. Под обрывистым берегом, на быстротечье, густо парила полынья. Подойдя к дрожащей от напора воды окраине, стала всматриваться в прозрачную черноту. Заметив темную спинку хариуса, напряжинулась и, как спринтер на старте, подалась вперед. Молниеносное движение когтистой пятерни – и хариус с веерообразным спинным плавником, сияющим всеми цветами радуги, забился на снегу. Отталкиваясь хвостом, он чуть было не соскользнул обратно в промоину: росомаха едва успела накрыть его лапой...

Подкрепившись, она продолжила рыбалку. Однако стайка была уже настороже, и Пышке удалось выхватить всего лишь одну беспечную рыбешку. Хрумкая ее, боковым зрением засекла промелькнувшего на белом фоне темного, с длинным туловищем зверя. Повернула голову: «А! Выдра! Это неинтересно».

«Родственница» подбежала ныряющими прыжками к противоположному краю полыньи и бесшумно соскользнула в воду. Пышка же продолжила знакомство с новым участком. На пологом склоне она наткнулась на непрерывно тянущуюся парную борозду. Росомаха знала, что такие следы оставляют только люди, что они таят опасность, но, поскольку бежать по накатанному снегу было легче, она перескочила на плотную колею.

Глава 2 Ермил

Дед Ермил неторопко обходил на окамусованных* лыжах путик². Сзади трусила на поводке рыжеватая лайка – Динка.

Как и подобает промысловику, одет он был легко, тепло и удобно: ничего не висит, ничего не задевает. На ногах – кожаные олочи, сшитые из прочной шкуры сохатого. Поверх штанов суконная «труба», привязанная полосками сыромятины к поясному ремню. Куртка – обрезанная солдатская шинель. Охотник то и дело с грустью поглядывал из-под седых, сурово сдвинутых бровей на забрызганные солнцем сопки, распадки, купол горы, которую в деревне из-за не таяющей даже летом снежной шапки именовали Сахарной Головой. Через неделю закончится промысловый сезон, и он покинет эти места до осени. А может, и навсегда: как-никак разменял восьмой десяток.

Из-за болей в спине и прострелов в левую ногу он в эту зиму большую часть сезона провалялся в зимухе. Порой было так худо, что за дровами на четвереньках со стоном выползал. Оттого и пушнины

¹ Выдра – как и росомаха, относится к семейству куньих. Сравнительно крупный хищник. Тело длинное, слегка уплощенное. Ведет полуводный образ жизни в чистых горных речках. Питается преимущественно рыбой.

² Путик – охотничья тропа, вдоль которой устанавливаются капканы и ловушки. Обычно имеет замкнутую форму.

* Окамусованных – оклеенных для хождения по горам шкурой с ног оленей.

кот наплакал: четыре соболя и две норки – харчи не купишь.

Одно утешало старого промысловика: на лабазе почти сотня тушек беляков. Слава богу, зайцев нынче прорва (лето выдалось благоприятным, и во всех трех пометах большинство зайчат выжило). Снег вокруг иных поваленных осин до того истоптан, что по нему можно было шагать не проваливаясь. Старик, ставя петли на тропах и сбегках, каждый день по два-четыре беляка снимал. Ружьишко пускал в дело лишь когда сами набегали.

Доставшийся ему от отца участок за пятьдесят с гаком лет он исходил вдоль и поперек. Здесь знакомо каждое дерево и каждый камень. Сызмалства повадился: как выдастся свободный день, так с отцом в тайгу. Такова уж натура. А что поделаешь с натурой-то? На промысле он не только не тосковал о семейном уюте и удобствах жилухи, а даже, наоборот, отдаваясь всем сердцем во власть древнейшей страсти – охоте, забывал и о жене, и о доме.

– Эх! Было времечко, по сорок верст за день по целине хаживал, еще капканы успевал ставить! Как же я буду без этих сопок?! – сокрушался Ермил Федорович.

От грустных раздумий его отвлекла синица. Радуюсь первому теплу, пичуга неумоимо звенела серебряным колокольчиком. Ее грубо прервала резкая трескотня белобокой сплетницы – сороки.

– Чего это она сказать пытается?

И тут же увидел ответ – лыжню пересекли свежие собольи следы.

Чтобы Динка не порушила их, Ермил не стал отпускать ее с поводка.

«А соболь-то бывалый – следы путает мастерски!» – оценил дед.

Вот он спрыгнул с ели на снег, нарыскал, напетлял, прошелся по бурелому, сдвоил следы, сделал полутораметровый прыжок на пень, с него – на кучу хвороста, затем взобрался на березу и ушел верхом, перемахивая с ветки на ветку.

Теперь только по осыпавшейся хвое да мелким сухим веточкам можно было определить направление его хода. На свежей пороше эти посорки были хорошо заметны. Вскоре следы опять вернулись на лыжню. Между стволов мелькнуло и тут же исчезло в ложбине коричневое пятно. Промысловик мгновенно превратился в зрение и слух: «Неужто нагнал?! Да крупный какой!».

Из-за взгорка показалась «прыгающая» вверх-вниз темная спина и прямо на Ермила выбежал косматый зверь размером с собаку. Охотник опешил:

– Ба-а-а-тюшки! Росомаха!

Внешне зверь напоминал медвежонка: приземистое, плотно сбитое туловище, короткая шея, толстые ноги с широкими ступнями. Но, в отличие от топтыжки, шерсть намного длинней и лохматей, а по бокам хорошо заметная золотистая полоса – шлея, дугой окаймляющая темно-коричневое поле спины.

Вот это удача! – возликовал, забыв про соболя, старик.

Еще бы! Мех росомахи обладает чрезвычайно полезным для таежников качеством – на нем от дыхания не оседает иней. Последний раз Ермил Федорович встречал следы росомахи лет пять назад. В прежние годы этот зверь был в их краях завсегдатаем: иные охотники за сезон до трех брали. Но и тогда ему попадались лишь следы, а тут – живьем!

Надо же! Впервой на погляд подпустила.

Промысловнику и в самом деле выпала большая удача: увидеть росомаху так близко мало кому удастся – острый слух вкупе с тонким обонянием помогают этому зверю избегать встреч с человеком.

* * *

Бежала росомаха несколько боком, плавными скачками. В пышном зимнем наряде она казалась массивной, а более длинные задние ноги делали ее фигуру сгорбленной. И трудно было представить, что под внешней неуклюжестью и неповоротливостью скрывается гибкое и сильное тело.

Из-за бокового ветра росомаха слишком поздно уловила тягучую едкость табака. Эта вонь и заставила ее поднять голову. Увидев впереди двуногого и оскалившуюся собаку рыжей масти, она нырнула под согнувшиеся от тяжести скопившегося снега еловые лапы.

Ермил спустил Динку с поводка. Вскоре та забрехала зло, настырно: похоже, загнала на дерево! Точно, вон в развилке чернеет.

Увидев приближающегося человека, росомаха заметалась: то на него зыркнет, то на яростно лающего пса. Понимая, что двуногий с тускло блестящей палкой опасней собаки, Пышка спрыгнула с ветки на снежную перину. Динка успела подскочить и хватануть ее за ляжку, но тут же, отчаянно запричитав, закрутилась колой на снегу. А росомаха побегала ровным галопом, почти не проваливаясь, дальше. Иногда она оглядывалась и, как казалось Ермилу, злорадно улыбалась.

Частокол деревьев мешал сделать прицельный выстрел. Расстроенный охотник прикрикнул на собаку:

– Чего спужалась?! Нагоняй давай!

Та, поджав хвост, поспешила возобновить преследование. Однако росомаха не только не прибавила ходу, а, напротив, остановилась и, повернувшись к лайке задом, задрала хвост. Обрадованная Динка с ходу набросилась, но тут же отпрянула. Мотая головой, завизжала. Вроде как заплакала от обиды и, тыкаясь, будто слепая, в обступавшие стволы, отскочила. Топшнотворная струя мускусной железы угодила ей прямо в морду: бедная собака на некоторое время потеряла зрение и нюх³. Пышка же тем временем растворилась в глухой чащобе.

– Бот bestия! – ругнулся огорченный Ермил. – Умеет постоять за себя.

От Динки, хотя она без конца терлась о снег и стволы деревьев, еще несколько дней воняло так, что промысловик перестал впускать ее в избушку. Чтобы верная помощница не мерзла, охотник постелил на

³ Некоторые едва улавливаемые нами запахи для животных нестерпимы. До того тоньше у них обоняние.

⁴ Кулемка – ловушка для пушных зверьков. Представляет собой загородку из вертикально вбитых в землю деревянных колышков. Перед входом давок из двух брусьев с приманкой на сторожке.

⁵ Пасть – опадная давящая ловушка на крупного зверя.

дно пихтовой конуры оленью шкуру. Переживал. Ведь когда его прихватывала болезнь, она приносила для него из своих драгоценных запасов косточки и, положив на нары, подталкивала поближе – мол, угощайся, погрызи и, устроившись рядом, жалеючи урчала.

* * *

Сняв с путиков капканы и рассторжив все кулёмки⁴, пасти⁵ и прочие самоловы, старик сложил на легкую волокушу мешочек с добытой пушницей,

провиант в дорогу и пяток тушек замороженных зайцев (остальных сын позже вывезет). Вышел из зимовья, наполовину засыпанного снегом, задолго до рассвета. До деревни было тридцать два километра, и Ермил, несмотря на хромоту, рассчитывал одолеть их дотемна.

Сойдя на лед, он обернулся. Воронка растаявшего снега вокруг железной в бурой окалине печной трубы, поленица свеженарубленных дров да разбегающиеся в разные стороны плотно накатанные путики

указывали, что здесь обитал человек. Но пройдет пара недель, метели занесут все эти следы-знаки, и зимовье примет нежилой вид.

Схваченный утренним морозом и прибитый ветрами снежный покров хорошо держал и волокушу, и человека. Под камусом в такт шагам поскрипывал снег. Попутный ветер не только с шипением гнал вдоль русла колючие кристаллы снега, но и добавлял скорости путнику. Шлось так ходко, что Ермил уже к полудню оказался у толстенной обугленной сосны, расщепленной ударом молнии почти до комля. Здесь был поворот на тропу, идущую поперек узкого лесистого отрога. Ее прорубил еще отец, дабы срезать дорогу к селу. Дело в том, что река через два километра упирается в скалистый, изъеденный промоинами прижим и, круто загибаясь, возвращается обратно, только уже с другой стороны узкого отрога. Посему отцова перемычка заметно укорачивала дорогу в село.

Когда охотник, перевалив отрог, съезжал к берегу, он увидел у парящей промоины силуэт, похожий на черную каплю. Пригляделся. Старая знакомая – россомаха!

Ермил узнал ее по необычайно пышному, почти круглому хвосту. Промысловик ухмыльнулся в бороду: «Ну, голубушка, не обессудь! Сама напрашиваешься на шапку!». Подав крутившейся сзади Динке знак «лежать!», снял с плеча ружье.

«Для верного выстрела далековато, но ежели подходить ближе – может заметить», – прикинул он. Вставив патрон с картечью, поймал в прорезь прицела убойное место. Выровняв мушку, плавно потянул спусковой крючок.

Пышка от раскатистого грома и резкого удара в основание хвоста взвилась так высоко, что чуть не угодила в полынью. Крутанувшись в воздухе, она в три маха взлетела на берег и исчезла в чаще столь быстро, что зверобой успел сделать вдогонку всего один выстрел.

Не дожидаясь, когда рассеется сизое облако дыма, Ермил бросился в погоню. Съезжая на лед, врезался в присыпанный снегом торос. Носок одной лыжины с треском переломился. Охваченный охотничьим азартом, старик скинул лыжи и продолжил преследование. По льду пробежал легко, но в лесу местами стал проваливаться по самый пах. Уже через метров тридцать выдохся окончательно: месить рассыпчатую «крупку» не было сил.

Он еще раз оглядел следы беглянки. По размашистым прыжкам и редким алым каплям на снегу понял: россомаха ранена, но рана пустяковая.

– Без лыж не догнать!.. Даст Бог, выживет... Эк обрамился... Да уж, прежде-то не знал промаху, – бурчал себе под нос расстроенный охотник, возвращаясь к речке. Вытесав топориком гибкую березовую плашку, приладил тонкими гвоздиками сломанный носок и побрел в село. Но и в дороге никак не мог успокоиться:

– Трухлявый пень! В кои веки россомаха сама в руки шла, а я прошляпил. На печь пора! – бранился он, нервно теребя разлохмаченную ветром бороду.

Пышка тем временем поднялась на одну из вершин водораздельной гряды и легла перевести дух. Прислушалась. Погони нет. Можно попытаться избавиться от перебитого у основания хвоста: при движе-

нии он обжигал острой болью.

Свернувшись калачиком, россомаха в несколько приемов перекусила полоску шкуры и измочаленные сухожилия. Когда она поднялась, пушистый хвост – ее гордость и краса – остался лежать на снегу. Зверю было странно и непривычно видеть его отдельно от себя.

Вылизав шершавым языком рану, Пышка долго чистила испачканную кровью шерсть и умывала морду лапами. Приведя шубу в порядок, скрылась в таежных дебрях. Россомаха хорошо запомнила лицо бородача, умеющего громом разящей палки перебивать хвост, и его рыжего зевластого сообщника.

Через несколько дней она решила пройти по следам двуногого: не вернулся ли он. Шла осторожно, в стороне от парной колеи. Подойдя к логову, устроенному из сложенных друг на друга почерневших стволов, с шапкой снега сверху, убедилась, что ее обидчик тут больше не появлялся.

Успокоенная россомаха возвращалась на свой участок напрямик по длинному распадку. Его дно было густо усеяно беличьими следами-четверками. На рассыпчатом снегу они представляли собой ряд нечетких ямок. Отпечатки совсем «теплые», даже запах не выветрился. А вон и белый фонтанчик забил: белка шишку откапывает. Выверенный прыжок – и ужин обеспечен.

Теперь можно и отдохнуть. Прояв в снежной перине удобное ложе, Пышка свернулась в клубок. Хотела было по привычке прикрыть морду пышным хвостом, но ноющая боль в его основании напомнила, что его нет.

Глава 3

Весна идет

Все имеет начало и конец. Выстуженная и прореженная морозами тайга легко и свободно пропускала сквозь прозрачные кроны берез и лысые ветви лиственниц теплые лучи оживающего светила. Прогретье шишечки сосен и елей оттопыривали чешуйки, и из кармашков вовсю стали выпадать спелые семена. Вращаясь вокруг оси, они разносились ветром далеко от материнских стволов.

Капель с каждым днем набирала силу. К вечеру, когда заметно холодало, не успевшие сорваться капли замирали на сосульках, удлиняя их изо дня в день. Сам снежный покров потемнел, потяжелел, стал рыхлым; ребристые надувы и пузатые сугробы осели, оплыли. Небо, раздвигаясь и поднимаясь все выше и выше, приобретало хрустальную чистоту.

Возбужденные глухари, в предвкушении скорых смотрин, надменно выпятив черную с зеленовато-синим отливом грудь, прохаживались на редианах. Опускающая коричневатопепельные крылья, они то и дело чертили на снегу упругими маховыми перьями любовные послания застенчивым капалухам*.

Солнце уже хорошо прогрело южные склоны, и на обнажающихся участках щетинки пробились молодая трава. Между трухлявых валежин появились сморщенные, будто от старости, гномики – строчки и сморчки – первые грибы. На оголившуюся макушку муравейника вылез первый разведчик. Ползая по

*Капалухи – глухарки.

разворошенной кровле, он оценивал ущерб и прикидывал, чем в первую очередь следует заняться после пробуждения рабочих муравьев.

Пышка, выбрав место с хорошим обзором, днем обычно подолгу дремала на подсохших проплешинах, а в сумерках отправлялась на северные, все еще заснеженные склоны, поближе к горным пикам. Именно там охота была удачливей: на южных ей почему-то попадались одни ежи. Увидев росомуху, они натягивали на лоб колючий капюшон и, настороженно выглядывая из-под него, ждали, что будет дальше. Стоило ей сделать шаг, начинали угрожающе пыхтеть, слегка подскакивать, пытаясь уколоть иглами. После того как кончик одной иглы застрял в мочке носа, Пышка к этим зверушкам не приближалась, даже если была сильно голодна.

Как только муравейники ожили, росомуха в самый солнцепек, чтобы удовлетворить потребность в кислой пище, клала на кучу мохнатые лапы. Отважные муравьишки, суматошно бегая, густо облепляли их и обстреливали сотнями едких струек. Их не смущало, что враг в тысячи раз крупнее и сильнее. Как только нос Пышки начинал щипать от запаха муравьиной кислоты, она слизывала шевелящуюся массу и, тщательно разжевав, проглатывала. Затем набирала новую порцию. Наевшись, уходила, а бедные труженики, не ведая усталости, приступали к ремонту «дома».

* * *

Прошел год. Вновь зазвенели от талой воды распадки. Речка вспучилась, взломала ледяные оковы и вырвалась на простор. Загрохотали перемалываемые в узких горловинах искристые пласты. В тайге появились одиночные комары, почему-то большие и лохматые. Они мрачно звенели над головой росомухи, норовя усесться на нос. Вылезли из подземных камерок, прикрытых старыми листьями и прошлогодней травой, шмели. Оглядевшись, они с гулом разлетались собирать нектар с первоцветов.

Лишь обозначалась заря на востоке, как тетерева, отравившие перед брачными турнирами мясистые красные брови, заспешили на зарастающие гари и моховые болота. Собравшись на проталинах, обрамленных посеребрившими холстинами уцелевшего снега, косачи в строгих черных фраках с красиво загнутыми фалдами начали, раскинув крылья, время от времени подпрыгивать и воинственно «чуфыркать»: издавать далеко слышное в холодном, влажном воздухе шипение, похожее на «чуфыш-ш-ш», гортанно бормотать, булькать.

Этими полными страсти звуками петухи вызывали соперников на турнир. Когда такой храбрец объявлялся, бойцы, до предела налив кровью брови и распушив вытянутые шеи, начинали демонстрировать сидящим на деревьях рыжеватым курочкам свою удаль – набычавшись, топтались, надувались, гневно бубнили. Иные от избытка кипящей страсти взрывались черным сполохом трепещущих крыльев и взмывали свечой вверх. Каждый старался доказать сидящим вокруг тетеркам, что именно он самый достойный кавалер.

По завершении ритуала курочки улетали с выбранным партнером к месту, которое было заранее облюбовано ими для строительства гнезда. Там, вдали от посторонних глаз и совершался праздник любви.

Пышка уже хорошо изучила свой участок. Больше всего ее радовал царящий здесь покой. Парные следы двуногих встречались лишь на самом краю ее владений, за лесистой грядой – как раз там, где она лишилась хвоста. Оттуда с осени, когда ложился снег, нередко доносились выстрелы, и Пышка долгое время остерегалась заходить туда. Но однажды, преследуя табунок оленей, все же забежала и даже дважды пересекла следы двуногого. Задавив оленуху, росомуха больше недели провела возле нее. За все это время Пышку никто не потревожил. И она стала посещать в этот угол без былого страха.

Как-то ближе к закату Пышка отправилась к горбатой гряде: днем там стреляли. Идя навстречу ветру, она уловила в налетных струях аромат крови.

Ведомая густеющим с каждым шагом запахом, росомуха вышла на истоптанную лесную полянку. На побуревшей от крови земле лежала неряшливым комом требуха, голова и раздвоенные копыта оленя. Едва Пышка приступила к трапезе, как кусты зашевелились и выбежали волки-разведчики, тоже привлеченные запахом крови.

Подав стае сигнал «всем сюда», они, разойдясь полукружьем, устрашающе клацая зубами, стали подступать к росомухе. Но та давно усвоила, что в таких случаях главное вести себя уверенно и подавлять волю противника взглядом в упор. Вон и вожак со своей свитой появился. Хвосты, приподнятые до уровня спины и немного изогнутые в средней части, выдавали их агрессивный настрой*. Матерый, увидев Пышку, тяжело вздохнул: «Опять эта вонючка!».

Он хорошо помнил, каким нестерпимым смрадом она обдала его осенью, когда они с волчицей попытались отнять у нее добычу. Волк, грозно сверкнув глазами, грозно зарычал было, но по его обмякшему хвосту Пышка поняла, что серый не собирается драться. Коротким ворчанием она поприветствовала его. Тот в ответ примирительно улыбнулся и издал вполне дружелюбный рык (мимика у волков настолько красноречива, что эмоции легко «читаются»).

Некоторое время никто не двигался. Смотреть друг на друга долго в этой ситуации было бестактно, и звери то и дело отводили глаза в сторону. Наконец вожак, судорожно сглотнув слюну, отошел и лег на жухлую траву. Его примеру последовали остальные. Наевшись, Пышка взяла в зубы печень (знала, что после серых ничего не останется) и, сопя от сытости, удалилась. Все остались довольны друг другом. Небогатая на звуки «речь» зверей, дополненная языком телодвижений и нервных импульсов, весьма выразительна. Там, где человек тратит много слов, зверю достаточно одного взгляда или позы. Так, поджатый хвост, чуть сгорбленный хребет, опущенная голова свидетельствуют о признании превосходства противника. Но особенно хорошо звери чувствуют друг друга по взгляду. В нем они могут прочесть многое. И если в глазах промелькнет скрытое коварство, зверя уже не обманешь приветливым помахиванием хвоста. Самое лучшее взаимопонимание наблюдается у представителей конкурирующих видов. Оно и понятно – это помогает им избегать конфликтных ситуаций. В жизненно важных вопросах звери, как правило, идут на компромисс.

*В отличие от собак хвосты у волков всегда опущены вниз.

Росомахи – животные всеядные. Зимой в меню, конечно, преобладает мясо, как свежедобытое, так и падших зверей. При этом предпочтение отдается боровой птице: куропаткам, рябчикам, а если повезет, то и глухаря задавят. Пышка тоже обожала дичь и особенно успешно добывала ее из снежных спален.

Сегодня же она решила поохотиться у солончака, расположенного в изголовье распадка: хотелось добычи посерьезнее. Обильно сочащаяся там влага охристого цвета, стекая ко дну рыжими струйками, покрывала почву белесой коркой соли. Она была густо истоптана копытами и вылизана до ямок оленьими языками.

Дождавшись, когда к земле потянулись последние лучи и таежную чащу наполнил мягкий свет тлеющего заката, Пышка побежала к солончаку по хорошо набитой тропке. Свежие вмятины от копыт козули⁶ и кабарги вселяли надежду на успех. Ждать в засаде пришлось недолго. Лишь стемнело, послышался характерный перестук.

Готовясь к прыжку, росомаха, дабы блеск глаз не выдал ее, прикрыла веки. Когда оленуха, не успевшая полностью сменить зимнюю, пепельно-серого цвета шерсть на рыжеватую летнюю, оказалась напротив, Пышка увидела, что та не одна – за ней бежал тонконогий олененок. У росомахи дрогнуло сердце. Она предупредительно уркнула и отвернулась. Косуля настороженно покосилась на хищницу и, самоотверженно загораясь собой детеныша, прошмыгнула мимо...

* * *

Наконец истлели последние сугробы. Снежные забои сохранялись лишь в глубоких тенистых ложбинках. Ветер старательно разносил по тайге прелые запахи прошлогодних трав и ошметки спрессованных листьев. Готовясь к лету, наша героиня активно меняла роскошную зимнюю шубу на летнюю. Из-за торчащих во все стороны остатков длинной шерсти и выпадающего пуха она выглядела теперь неряшливо. Но не одна Пышка утратила привлекательность. Вон и белки из холеных красавиц превратились в тощих дохляк, а их шикарные хвосты стали похожи на истрепанные плетки.

Талая вода схлынула, и желтовато-мутная река, войдя в берега, текла, гоня подвижные воронки. Пышка бродила по пойме и осматривала образовавшиеся после разлива лужи в надежде поживиться рыбой. Заметив колебания спинных плавников, заходила в мелководье и, загребая когтистой лапой, выкидывала верткую серебристую рыбешку на берег. Однако эта мелочь только распалила аппетит.

Тем временем на галечную косу, заваленную плавником, вышла тощая медведица. За ней плелись три довольно упитанных медвежонка. Оглядевшись, мамаша направилась к воронам, галдящим на многоярусном завале: по характеру крика черных кумушек она поняла, что там есть чем поживиться. Подойдя к завалу, медведица раскатала стволы и, достав из-под них погибшую в паводок лису, подозвала медвежат.

⁶ Косуль в некоторых регионах Сибири называют козулями либо дикими козами.

Двое из них, не желая делиться, встали друг против друга и принялись с угрожающими воплями тарачить глазенки, толкаться, рычать, да так яростно, что ни один не мог приступить к еде.

Пока драчуны мерились силой, третий медвежонок спокойно хрумкал предложенное матерью угощение. Когда забияки прекратили бузу, от лисы осталась половина. Медведица же все это время, не обращая внимания на отпрысков, грызла лосиный рог – бесценный источник минеральных солей. Когда детвора покончила с лисой, мамаша увела потомство в тайгу.

Как только семейка скрылась, Пышка подошла к месту медвежьей трапезы. От земли исходил запах чуть подтухшего мяса, но вокруг ничего, кроме клочков шерсти и парящих в прохладном воздухе кучек помета, не нашла.

Росомаха поскакала дальше: где-нибудь и ей повезет. Точно – вон матерый беляк на молодой травке кормится. Пышка под прикрытием поваленной лесины подкралась почти вплотную. Косой, поняв, что бежать поздно, не растерялся: опрокинулся на спину и, выставив вперед лапы, замахал ими часто-часто. Налетчица отпрянула: не хотелось морду под когти подставлять. Заяц тем временем вскочил и отбежал на безопасное расстояние. Эх! Опять неудача!

Тщательно процеживая носом воздух, а он у росомах чует в лесу намного дальше, чем видят глаза, Пышка выхватила, наконец, аппетитный запах. Читая на ходу все более густеющие воздушные послания и рассматривая встречающиеся следы, она шаг за шагом восстанавливала картину недавней трагедии.

Вот тут несколько косуль, а следом и серый перебежали через ключ. Волк долго гнал одну из них. Вон из тех кустов уже сильно пахнет кровью. Точно! Тут он ее и зарезал. Волк здоровый: добычу не по земле волк, а закинул на спину. Куда же унес ее? Пышка принюхалась. Запашистые струйки тянулись из кедрача.

Росомаха прильнула к траве и пошла туда, осторожно переставляя полусогнутые лапы: вдруг серый еще там. «Сколько мяса, сколько мяса!» – подстрекательски трещала с осины сорока. Вот и выходной след. Совсем свежий. Стало быть, серый ушел. По всей видимости, напиться после обильной трапезы. Надо поторапливаться!

Увидев росомаху, терзающую его добычу, волк пришел в бешенство и с ходу атаковал воровку. Но та не ступевалась: обнажив желтоватые клыки, с медвежьим ревом сама ринулась навстречу. Серый оторопел от такой наглости и едва увернулся от просвистевшей перед мордой когтистой лапы. Росомаха, сделав сальто через голову, все же сумела полоснуть его брюхо длинными когтями снизу.

На отчаянные вопли товарища примчалась пара волков. Они решили проучить нахапку. Поодиночке серые не рисковали связываться с росомахой: низкая болевая чувствительность и хорошая реакция позволяли той драться отчаянно и с невероятным упорством. А сообща был шанс преподать дерзкой вонючке отменную трепку. Но и тут у них ничего не вышло – росомаха взобралась на дерево и, не проявляя ни малейшего беспокойства, дожидалась, пока стае надоест караулить ее.

Глава 4 Верхи. Отец Сергей

Село Верхи вытянулось тремя улицами вдоль берега озера, занимающего большую часть межгорной котловины. В центре – площадь. На ней с одной стороны двухэтажное, рубленое из лиственницы, здание бывшей конторы леспромхоза, с другой – школа с пришкольным участком. Основали Верхи при Екатерине Великой казаки и крестьяне, бежавшие сюда от расправы после подавления пугачевского бунта. Топкие мари и дремучие леса, окружающие этот обширный, отдельно стоящий горный массив, надежно ограждали беглый люд от царских властей. Сейчас с миром село связывала семидесятикилометровая лесовозная дорога, по-змеиному вихляющая по сосновым гривам и марям. До середины девяностых годов XX века в Верхах, наряду с госпромхозом, был крупный леспромхоз. Могучие Уралы и КраЗы за год вывозили по зимнику до миллиона кубометров первосортной древесины.

В то время в поселке действовала школа-десяти-

летка, клуб с инструментальным ансамблем и художественной самодеятельностью, почта, два магазина. Но пришли иные времена, и леспромхоз как-то незаметно умер: вывозить многометровые хлысты мачтового леса стало невыгодно, а пригодная для сплава речка текла, минуя жилые края, лишь к студеному морю-океану. Клуб закрыли. Вместо трехсот дворов осталось полторы сотни. Слава богу, что школу сохранили, правда, стала она восьмилеткой. Госпромхоз пока держался. И мужики продолжали, как испокон веку в тутошних краях, промышлять пушнину, бить на мясо зверя, ловить, вялить рыбу, подсачивать смолу, вываривать пихтовое масло.

Связь с миром поддерживала автолавка. Два раза в месяц из города приезжал на вездеходе ГАЗ-66 экспедитор Семен Львович, лысоватый, рыхлый мужчина неопределенного возраста. За не сходящую с округлого лица услужливую улыбку селяне прозвали его Подковой.

Приезда автолавки все, особенно дети, ждали, как праздника. К обеду собирались у единственного двухэтажного здания.

Помимо ходового товара, Семен Львович до-

ставлял почту, газеты, пенсию, солярку для дизельной электростанции. А в город увозил ягоды, кедровые орехи, сушеные грибы, пихтовое масло. Зимой их сменяли мороженое мясо и дичь (в основном рябчики, куропатки), а также масло и творог.

Оставшись без работы, народ перешел на самообеспечение. Стали сажать больше картошки, капусты, держать скотину, коз на шерсть; все лето и осень заготавливали дары тайги. Кто не ленился – жил в достатке. Особенно выгодно оказалось собирать на продажу клюкву и бруснику: не портится и цена хорошая. Некоторые семьи за сезон до полутонны сдавали.

Первые годы Подкова приторговывал и водкой, но на общем сходе ввели на ее продажу запрет. Случилось это после того, как бывшие лесорубы, отмечая в конце зимы пятидесятилетие своего бригадира Игната, перепившись, стали выяснять отношения. Вальщик Герасим вспомнил, что Игнат когда-то лишил его премии за поломку мотопилы «Дружба». Словесная перепалка переросла в драку. Рассвирепевший Герасим схватил стоявший у печи топор и профессиональным ударом развалил обидчику череп. Придя домой, всю ночь пил, дико орал. Жена с детьми, опасаясь за жизнь, убежала к свекрови. То ли от курева, то ли от упавшей свечки, рубленый из смолистого кедра дом Герасима под утро полыхнул. Жар внутри был такой, что когда дотлели последние угли, то и костей не нашли – один пепел. Не знали, что и хоронить. Слава богу, ветра не было, а то и вся улица выгорела бы.

Эта трагедия потрясла селян: «Дожили! Куда катимся?!».

Собравшиеся на пепелище бабы голосили во весь голос:

– Двух таких орлов ни за что ни про что потеряли! Две семьи враз осиротели!

– Допразднивались!

Валентина, жена зарубленного Игната, чуть ли не на каждого мужика кидалась:

– Кто теперь моих пацанов поднимать будет?! Вы?! Пропойцы проклятые!

Тогда и порешили: «Больше водку в село не завозить!».

Приехавший через неделю Подкова попытался втихаря продавать, но заметившая это Валентина пришла в бешенство и ястребом накинулась на коммерсанта:

Еще раз привезешь, оболью твою колымагу бензином и спалю!

Подкова до того перепугался, что на ее глазах вылил две поллитровки и побожился соблюдать решение схода.

Еще бы! Доход с каждой поездки и без спиртного почти в два раза превышал расходы: за иные дары леса магазины и рестораны платили ему в три раза больше, чем он селянам.

Более того, после введения сухого закона он уговорил охотоведа Степана Ермиловича, уже второй год исполнявшего и обязанности директора госспромхоза, закрепить за ним примыкающий к дороге на Верхи большой, почти в триста квадратных километров, промысловый участок. Местные охотники давно забросили его из-за удаленности. Для Подковы же он был удобен – так и так каждый раз проезжал мимо, да и горы там были не такие крутые, как на остальных участках.

* * *

В селе на взгорке стояла обветшавшая церковь, построенная в середине XIX века. При леспромхозе ее использовали в качестве склада и за зданием художественно следили. А когда его ликвидировали, она быстро пришла в запустение.

Как-то весной, накануне Страстной недели, бабушке Екатерине приснился сгоревший сын Герасим. Был он весь в черном и, стоя неподвижно, громко произнес: «Матушка, неприятно мне здесь, помолись за меня. Испроси у Господа искупления греха моего смертного». Женщина проснулась. Обливаясь слезами, она бухнулась на колени и до утра молилась перед образами. А подоив и выгнав в стадо корову, пошла к подругам. Рассказала про сон. Обсудив его, они сговорились перед Пасхой в Чистый четверг прибраться в церковь и помолиться там вместе.

Два дня дотемна выгребали хлам, мыли пол, вытирали с сохранившихся росписей на стене пыль. В субботу стали готовиться к Пасхе. Одна принесла Псалтырь в кожаном переплете, другая – икону Казанской Божией Матери, Библию. Развесили вышитые полотенца, застелили скатертью стол для приготовленных яиц и куличей.

Старославянский толком никто не знал, но все же пытались читать по писаному, улавливая музыку молитвы сердцем. С тех пор нет-нет да стали собираться в церкву.

После одного из совместных молений сваха Екатерины, бабушка Люба, села на паперти. Счастливая улыбка озарила ее лицо:

– Ой, девочки! Как здесь хорошо! И не уходила бы никуда. Вот кто объяснит – молюсь, молюсь дома, все одно страшно жить. А сюда прихожу – и будто кто силы вливает, благодать на душу ложится. И думаю: «С Божьей помощью как-нибудь поставим с Катей мальцов на ноги».

– Да и мне уходить отсель не хочется. Тут даже дышится легче.

– А что? Давайте каждое воскресенье собираться. Глядишь, еще кто сподобится, присоединится.

Долгое время они так и ходили то втроем, то впятером. Их так и прозвали – церковницы.

Однажды вместе с Подковой в село приехал священник и предложил крестить желающих полным погружением. Желающих оказалось немало. С той поры и кое-кто из мужиков стал заглядывать в церковь. А учитель истории всегда с сыновьями захаживал. Мягкому и молчаливому старшему Сергею, любившему рисовать в уединении, царящая в церкви атмосфера до того пришлась по душе, что иногда заходил и без отца. Стоял, подолгу рассматривая лики. После окончания школы он поступил в медучилище на фельдшерское отделение.

Приезжая домой на каникулы, Сергей с раннего утра до захода солнца пропадал в церкви. Смастерил и поставил у входа две лавочки, побелил свободные от росписей стены, отремонтировал вместе с друзьями крышу. Завершив учебу, он, уже работая на скорой помощи, поступил в семинарию. Это в селе никого не удивило.

Ближе к окончанию его учебы тетка Елена, взявшая на себя обязанности церковного старосты, поехала в епархию с просьбой направить парня после

рукоположения в сан в Верху. Епископ Филарет благословил. Так и образовался полноценный приход, а заодно и фельдшерский пункт.

Через год с небольшим отец Сергей обвенчался с одноклассницей, тихой работающей девушкой Ириной.

С Божьего благословения и при финансовой помощи пожертвователей – в основном выходцев из Верхов, живущих в городе, – сельяне приобрели несколько икон и три колокола. Мастерской Николай Пуля в благодарность за то, что отец Сергей легко и без осложнений удалил мучавший его двое суток аппендицит, вырезал за зиму Царские врата и оклад для иконостаса. Женщины с энтузиазмом учились пению на клиросе. Вскоре у них сложился столь замечательный хор, что приехавшие из епархии на освящение колоколов и Царских врат представители духовенства во главе с епископом не могли скрыть восхищения.

Помимо служб, отец Сергей каждое воскресенье после причастия читал проповеди. И такие они были мудрые и проникновенные, так брали за душу, что послушать их стало собираться чуть ли не полсела. Люди приходили не только за советом, но и чтобы обсудить свои болячки, испросить нужного лекарства.

* * *

По окончании Петрова поста отец Сергей отправился на речку Ворчалку порыбачить: завтра день рождения матушки Ирины, а она у него любительница рыбы.

День стоял ясный, тихий. Поляна, поросшая травой и полевыми цветами, звенела от стрекота кузнечиков. Впереди как-то странно летал орел. Он то пикировал вниз, то вновь взмывал вверх.

– За кем-то охотится, – сообразил батюшка и прибавил шаг. Взойдя на бугор, увидел мчащегося по поляне зайца. Расчетливыми прыжками вбок он каждый раз уклонялся от грозного преследователя. Промашнувшийся орел тут же свечой взмывал, а косо возобновлял бег. Когда стервятник, вновь падая сверху, выпускал крючковатые когти, заяц делал резкий бросок в сторону, правда, с каждым разом все короче.

– Эх! Заматает! – сокрушенно вздохнул отец Сергей.

Но вот косою достиг пихтача и, бросив победный взгляд на пикирующую птицу, скрылся под зелеными лапами.

– Ай да молодец! – похвалил священник.

С остановками на пробные забросы он дошел до верхних порогов, у которых обычно брал не меньше дюжины радужных хариусов. Сегодня, однако, ни одной поклевки. Батюшка расстроился до крайней степени. Еще бы! Чем же он порадует матушку?

Поднялся выше, к Ямам. И там ничего. Речка словно вымерла. Даже кругов на воде не видно. Лишь неосевшая муть в следах барсука. Тот, видимо, охотился за лягушками и в азарте несколько раз заскакивал в воду. На влажном берегу или отчетливо видны отпечатки его лап. Похожи на медвежьи, только помельше размером: пятипалая ступня с венчиком от когтей.

Отец Сергей прошел еще пару километров, то и дело закидывая наживку на быструю, но безрезультатно. Только тут обратил внимание, что солнечный

диск уже завис в проеме между гор. Поняв, что до темна домой не успеть, батюшка устроился на ночлег прямо на берегу. Скромный ужин состоял из двух картофелин, пары сухарей, пластинки сала и чая из листьев смородины с чагой. Этот березовый гриб придавал напитку не только красивый коричневый цвет, но и вкус свежести, аромат леса.

Разбудили батюшку хлопки тугих крыльев. Не поднимая головы, отец Сергей приоткрыл глаза: сквозь прореженный восходящим солнцем туман разглядел на беломраморных берегах стаю тетеревов. Перелетая с ветки на ветку, они кормились листьями.

Полюбовавшись на краснобровых с лирообразными хвостами косачей, священник собрал в кучку потухшие головешки и запалил костер. Выпив две кружки бодрящего напитка, поспешил домой. Чтобы укоротить путь, пошел, срезая извивы русла, напрямик.

Кедровка, летая перед ним зигзагами, скрипуче выкрикивала: «Тревога! Тревога!». Не жалея себя, она предупреждала обитателей леса о появлении самого страшного для них зверя – человека. Откуда ей было знать, что этот человек ни разу ни в кого не выстрелил.

Однажды, еще в седьмом классе, друг уговорил Серēju пойти на охоту. Отец приятеля подстрелил косулю. После короткой конвульсии она затихла, а из глаз, смотрящих, как казалось Сергею, с неммым укором, выкатилась слеза. Ошеломленный подросток при этом ощутил такую боль, словно свинцовая пуля угодила не в оленя, а в его сердце. С тех пор он возненавидел охоту. Но в тайге бывать любил. Она заряжала, настраивала на светлые мысли, вызывала восхищение своей бесконечной и непостижимой красотой. Возвращался он из леса наполненный любовью и радостью.

С пологой седловины до отца Сергея донесся непонятный звук: как будто кто-то скребся и урчал внутри пустой бочки. Свернув с перевитой мускулистами корнями кедров звериной тропы, он увидел между обомшелых глыб чернеющий провал. Подошел ближе – на его дне метался какой-то зверь. Когда глаза немного пообвыкли, разглядел молодого медведя. Тот стоял на задних лапах, вытянув передние вверх, и смотрел маленькими глазками с явно выраженной мольбой о помощи.

Да уж, сердешный, не повезло тебе! Погоди, что-нибудь придумаю, – участливо произнес батюшка. Свалив стоящую неподалеку сухостойну, он подтащил толстый конец к провалу и стал опускать его в яму. Это вызвало у пленника неожиданную реакцию: он зарычал и, с яростью набросившись на приближающуюся лесину, принялся с остервенением раздирать кору, кусать ствол. Священник опешил. Он понимал, что, спасая такого непредсказуемого зверя, сильно рискует, но не оставлять же живую тварь на верную смерть.

После нескольких злобных атак пленник, наконец, сообразил, что лесина ему ничем не грозит. Покрутившись еще немного вокруг нее, обхватил ствол лапами и полез наверх.

Выскочив из ямы, Пышка, а это была она, отбежала на несколько метров и, коротко глянув на спасителя, благодарно уркнула. После чего, приныривая, скрылась в чаще. Увидев на боку зверя широкую ры-

жеватую полосу, отец Сергей понял, что это не медведь, а росомаха, только почему-то бесхвостая.

Хоть и не привечает это животное народная молва, батюшка радовался тому, что Провидение вчера так далеко увело его от дома.

«Расскажу матушке, вот радости-то будет!» – подумал он.

Перекрестив вдогонку убежавшую Пышку, священник еще какое-то время постоял со счастливой улыбкой на устах.

Глава 5

Сушь. Бескормица

За два месяца нещадно палящего солнца земля так иссохла, что даже вся трава пожухла. Местами она вообще исчезла, как будто спряталась от зноя. За все это время на выбеленном небосводе не появилось ни облачка. Изредка налетавший ветерок не ослаблял жары. Речка превратилась в длинную галечную ленту. Лишь кое-где среди камней сочились вялые струйки.

Умолкли птицы. Одни лишь стрекозы неподвижно висели в полуденном мареве, да звенели на высохших стеблях неугомонные кузнечики. Разогретые солнцем кедры источали густой смоляной дух. А над куртинами болотного багульника стоял такой дурман, что человека, попавшего в эти невысокие заросли, вскоре начинал одолевать сон. Задержись на такой полянке на пару часов – останешься на ней навеки.

Зато исчезли комары и гнус. Правда, на смену им появились кровососы похлеще: тучи слепней и оводов. Но эти атаковали только днем. С наступлением сумерек они исчезали.

Пышка спасалась от жары на дне тесного ущелья, заваленного обломками скал. Поскольку солнце заглядывало в него мимоходом, здесь всегда царили полумрак и прохлада. Росомаха выбиралась из этого природного холодильника лишь для того, чтобы утолить голод. К сожалению, вылазки все чаще оказывались безрезультатными: изнывающая от зноя и безводья тайга почти опустела. И весной, задолго до засухи, живности было меньше обычного. Зимой небывалые морозы и затяжные снегопады основательно подкосили численность животных и птиц. Боровую же дичь добил случившийся ранней весной обильный дождь. Следом, как это часто бывает в этих краях, ударил мороз, закупоривший большую часть ночевавшей в снегу птицы. Пережившие зиму олени откочевали на восток. Рыба, предчувствуя засуху, скатилась в большую реку.

У Пышки, правда, было два праздника для желудка. Первый – весной, когда начал таять снег. Росомахи по своей природе санитары: не брезгают ни падалью, ни мясом с душком. И когда стали выгаивать туши погибших в зимнюю бескормицу зверей – оленей и более мелких животных – Пышка каждый день наедалась до отвала. Понимая, что подобное изобилие не вечно, она часть падали разнесла по «кладовым». Чтобы мясо дольше сохранялось, устраивала их в тенистых местах.

Второй такой праздник случился, когда с юга полетели к северным гнездовьям утки. Они шумными стаями садились ночевать на мелководные заводи. Пернатых порой было так много, что над водой стон стоял. Вот уж попиравала тогда росомаха! Ловила

просто: ночью сталкивала в воду кусок коряги и, спрятавшись за ней, незаметно подплывала к дремавшим птицам. Оказавшись рядом, хватала ту, что поближе. Но никто из пернатых так и не остался в этих краях, не свил гнезда – чуяли надвигающуюся сушь. Пышку какое-то время выручали сделанные весной запасы. Когда они кончились, росомаха, рыская по тайге, обнаружила на дне ямы под речным прижимом – все что осталось от речки, вяло плескавшуюся рыбешку. Но ее хватило всего на три дня.

Пышка поняла, что из этой пустыни пора уходить. Подчиняясь внутреннему голосу, она направилась к синеющему вдаль острозубому хребту, за которым каждый вечер пряталось раскаленное светило.

Перевальной седловины достигла за два перехода. С нее открылась обнадеживающая картина. В отличие от оставшейся за спиной иссушенной, выжженной солнцем тайги, здесь все зеленело, в прогалах между деревьев колыхалось на ветру густое разнотравье, цвели ромашки, иван-чай. Хрустальный перезвон воды, текущей под камнями, вплетался в пение лесных птах. Пышка повеселела – дожди не обошли эти места.

По дну тенистой ложбины она спустилась к роднику, бегущему на север. Жажда так измучила ее, что она пила и пила без остановки, словно боялась, что вода исчезнет. Напившись, продолжила путь не сразу. Переведа дух, еще раз два припадала к роднику. Только после этого пошла по берегу бойко лопотавшего ключа. Торопливо сбегая по дну ущелья, он собирал дань с каждого распадка и как-то незаметно окреп до размеров речушки.

Довольная Пышка прилегла на берегу рядом с вытекавшим из распадка ручейком. В месте его впадения в речку вымыло чашеобразную заводь. На ее дне, в кутерьме ярких солнечных бликов, угадывался массивный топляк. Приглядевшись, росомаха различила кольшущиеся по его бокам плавники. Неужели таймень? Выступающий из воды краешек хвоста подтвердил: точно, он! Да какой здоровый!

Лениво пошевеливаясь, «северный крокодил» охлаждался в прохладной ключевой воде. Но, как вскоре выяснилось, затаился он тут неспроста.

На берег опустилась стайка куропаток и принялась склевывать мелкие камешки. В какой-то момент вода вспучилась и из нее вылетела зубастая пасть. Схватив зазевавшуюся птицу, она тут же исчезла. Куропатки дружно перелетели на соседнюю излучину и, как ни в чем не бывало, продолжили прерванное занятие. Вскоре одна из них перекочевала в желудок Пышки.

Сытая росомаха весело поскакала по берегу речки дальше. Под вечер лесистые склоны раздвинулись, и взору странницы открылась гладь большого озера. Слева в него обрывались высокие гранитные кручи с зелеными островками кедрового стланика. Правый, пологий берег покрывал сумрачный ельник.

Скалы, деревья, отражаясь в зеркале озера, казались опрокинутыми в него – до того тиха была вода, неподвижен и ясен воздух. Золотистые блики солнечной дорожки делили водоем на две части. Нет-нет да кое-где плеснет рыба. В самом устье табунились, касаясь спинными плавниками поверхности воды, ленки. Росомаха облизнулась, но понимала, что их не достать.

За озером, на противоположном берегу виднелось несколько надломленных ветром белых столбиков. Приглядевшись, Пышка сообразила, что это дым и поднимается он из таких же, как у лишившего ее хвоста двуногого, построек, только большего размера. По открытой воде оттуда доносились крики птиц, блеяние коз, густое и протяжное мычание, напоминающее рев сохатых.

«Вот где можно пожить!» – обрадовалась росомаха и поспешила на разведку. В низменном черном лесу наткнулась на пахучие метки сородича. Вон и отпечатки его лап. Самец! Крупный!

Неплохо бы познакомиться! Но Пышка не стала отвлекаться и продолжила путь.

Логова двуногих уже были хорошо видны. Первый ряд тянулся вдоль берега, остальные, разделенные широкими тропами, проходили в отдалении. Возле каждого большого строения были еще и поменьше. Многие дворы огорожены тонкими сухостойными. Росомаха взбралась на разлапистую сосну и стала наблюдать за крайним, самым ближним к ней.

Возле небольших построек прохаживались утки, копошились похожие на капалух птицы. За оградой паслись козы.

«Как много еды», – радовалась, предвкушая богатую добычу, Пышка. Правда, настораживало, что по двору то и дело сновали двуногие.

Наконец солнце послало последний луч света и скрылось за обугленными зубцами. Сумеречная мгла незаметно заполняла, растворяла все вокруг. Когда совсем стемнело, монотонно зарокотал какой-то, похожий, очень большой зверь. И сразу из проемов построек полился золотистый свет. Но больше всего росомахе изумили ярко вспыхнувшие на макушках высоких «сухостойн» маленькие солнышки. Когда рокот прекратился, они погасли, и все погрузилось во тьму. Дождавшись полной тишины, Пышка, вглядываясь в черные силуэты построек, опасливо прокралась к ограде, переплетенной цепкими, шершавыми плетями хмеля. Среди доносившихся со двора запахов свежего навоза, душистого сена, псины – один показался ей особенно знакомым. Так пахло от двуногого, который своей огнебойной палкой лишил ее хвоста. Пышка вспоминала его с неприязнью всякий раз, когда надо было укрыть нос от кровососов.

Это встревожило росомаху. Она замерла в нерешительности, но близость поживы приглушила страх. Найдя в ограде удобную лазейку, Пышка осторожно протиснулась в нее и оказалась... у собачьей конуры. Чутко дремавшая Динка высунула голову. Кольнув росомаху острым взглядом, она признала зловредную вонючку, но атаковать не решилась. Ограничилась оглушительным лаем. Ее тут же поддержали соседские псы. Заливистый гвалт волной покатился по селу. Росомаха тоже опознала старую знакомку: это ее она зимой обрызгала струей мускуса.

В человеческом логове тем временем затеплился огонек. Пышка, юркнув обратно, поспешила под за-

щиту леса. Она была не столько испугана, сколько расстроена постигшей ее неудачей. Но вскоре эти чувства сменились злобой: сначала ее лишили хвоста, а теперь испортили охоту. Остаток ночи росомаха провела на мысу, клювом уткнувшись в воду. Вытянувшись на щербатой плите, еще хранящей дневное тепло, она раздраженно слушала, как перебрехиваются встревоженные псы. Чем дольше слушала, тем сильнее крепло желание досадить обидчикам.

Когда восходящее солнце позолотило морщинистую кору вековых кедров и заставило свечами вспыхнуть стволы берез, Пышка вернулась на свой наблюдательный пункт и весь день терпеливо наблюдала за происходящим в селении. Самцы двуногих по большей части сидели у ограды, самки же мыли на реке разноцветные шкуры или колотили землю палками вокруг зеленых кустиков. Колотили так, что поднимали клубы пыли. Одни детеныши двуногих копошились на куче с песком, другие с визгом и криками гонялись друг за другом на поляне.

Вон и белоголовый обидчик вышел из своего логова. Пройдя мимо построек к заросшему невысокой травой холму, он ненадолго скрылся и появился уже с чем-то красноватым в руках. Сколько ни напрягала зрение росомаха, она никак не могла разглядеть, что это. Подсказку принес ветер.

«Ого! Мясо! – Пышка судорожно сглотнула обильную слюну. – Оказывается, двуногие тоже устраивают схроны в земле! Ну что ж, ночью наведуюсь!» – «улыбнулась» росомаха.

Человек исчез в логове, но ненадолго. Вышел с миской и поставил ее перед конурой. Рыжая псица с жадностью набросилась на еду. Белоголовый, походив по двору, вышел за ограду и сел на бревно под березой. Засунув в рот белую палочку, стал время от времени выпускать изо рта клубы дыма.

Пышка была поражена: «У этого двуногого даже маленькая палочка изрыгает дым и огонь! С ним надо быть поосторожнее».

Ночью, когда стихла вялая собачья перебранка, росомаха спустилась на землю и прокралась при дрожащем свете звезд к холму на поляне. Ей не терпелось добраться до мяса. Обойдя схрон, нашла спуск. Он вел к обитой шкурой двери. Сквозь узенькую щелочку сочился будоражащий аромат. У Пышки внутри все затрепетало. Она была готова на любой подвиг, лишь бы проникнуть в скрытый за дверью мясной склад. Осторожно спустившись по трем дощатым ступенькам, хищница толкнула дверь. Та не поддавалась. Навалилась плечом – и это не помогло. Как быть?

Запустив в щель когти, росомаха потянула дверь на себя. Она чуть сдвинулась, но дальше не пускала кривая железка. Росомаха осторожно дотронулась до нее. Убедившись, что та не опасна, потихоньку, чтобы не разбудить собаку, стала толкать ее во все стороны. В какой-то момент железка вышла из скобы и безвольно повисла.

Щель сразу расширилась. В образовавшийся проем на Пышку хлынула такая густая волна заячьего духа, что у нее перехватило дыхание. Голодный зверь был вне себя от счастья – за дверью оказалось столько мяса, что будущее представилось в самом радужном свете...

⁷ Брачный сезон у росомех, как и у соболей, растянут с мая по август, но максимальная интенсивность спаривания приходится на июль. Потомство же благодаря паузе в развитии эмбрионов рождается в феврале-марте.

Глава 6
Грабежи

Царил полдень – знойный, тихий. Погруженный в маревую дымку лес как будто колыбался. На скамейке у ворот, под ажурной тенью березы привычно сидел, небрежно зажав между двух пальцев самокрутку, дед Ермил. Лоб и заросшие колючей щетиной щеки блестели от пота, словно намазанные салом. Изнывая от жары, он то и дело отирал рукавом рубахи выступающий бисер пота и отмахивался от налетавших слепней.

Попыхивая дымом сквозь густые, прокопченные до желтизны усы, старик поглядывал то на копошившихся в пыли куриц, то на осанистого петуха, то на щиплющих траву ослепительно белых гусей, то на пробегавшую с гиканьем ребятню. От всех этих картин в душе Ермила Федоровича царило умиротворение, которое враз разрушило приближающееся причитание:

– Господи, за что ж така напасть?! Убыток-то какой!

Калитка распахнулась: к нему семенила разгневанная старуха.

– Токо знаешь дымить! Ты почто дверку в ледник не затворил? Уж все запотело, отмякло.

Старик недовольно вскинул глухаринные брови:

– Че расшумелась! Не был я седня там!.. Сама, небось, не заперла... Докурю – гляну...

Спустившись по ступенькам в ледник, Ермил сразу почувствовал, что в нем и впрямь заметно потеплело. Запалил свечку. Когда глаза привыкли к полумраку, оглядел запасы. У дальнего края за дощаной стенкой лежала вперемежку со льдом нарубленная кусками лосятина – сын дал, ближе к двери возвышалась гора набитых зимой тушек зайцев. Вот только брезент, прикрывавший их для лучшего сохранения холода, почему-то лежал в проходе. Подняв его, промысловик увидел погрызенную заячью голову. Самой тушки не было.

– Вот это да тебе! Кто ж так похозяйничал? – выругавшись, старик вышел и, накиннув на ушко крючок, для верности подпер дверь еще и колом.

Утром, выгнав корову в стадо, он заторопился к леднику. Все запоры на месте, следов на росной траве нет. Вот и славно!

В следующие два дня дед не выходил из дома: ноги опять отказали. Беспокоясь за припасы, он отправил к леднику старуху. Слава богу, все было в порядке. На третий, как только полегчало, поковылял сам. И тут его взору предстала картина возмутительного по наглости набега: дверь снизу прогрызена, на земле желтели щепки, кусочки древесины, а заячьих тушек явно поубавилось. По мускусному запаху было ясно: хозяйничала россомаха.

– У-у, паскуда! – загудел Ермил Федорович, потрясая костлявым кулаком. – Ну погоди, мы тоже не лыком шиты! Посмотрим, кто кого!

Исторгая все известные ему мудреные выражения, он принес из сарая двухпружинный капкан с цепочкой и потаском на конце. Спустившись к двери, заткнул дыру пучком сена, а капкан установил в выкопанную перед ней ямку. Слегка притрусил его травой.

Росомаха повторила набег лишь на четвертый день. В этот раз погром был еще более ужасным: дверь прогрызена теперь с другого края, а из дыры сочится тошнотворный запах. Распахнув дверь, Ермил увидел на заиндевевых заячьих тушках несколько расплывшихся желто-коричневых пятен. От ярости он заскрежетал остатками зубов.

– Чего она прицепилась ко мне? Неужто та, что зимой подранил? Надо Динку тут привязать. И как это я раньше не смякитил? Эх, старость не радость!

Но лишь только он подвел собаку к леднику, та, жалобно скуля, стала что было сил упираться. Вырвавшись, убежала и не появлялась во дворе до следующего дня.

Проклиная все на свете, старик зашагал прямо через огороды к дому сына – Степана, работающего в госпромхозе охотоведом. Поспел в самый раз: сын, сидя на нижней ступеньке высокого крыльца, натягивал кирзовые сапоги. При этом уворачивался от поджарого белой масти кобеля с черными «сапожками» на лапах, пытавшегося лизнуть его лицо. Когда псу это удалось, загнутый кренделем хвост от восторга заходил ходуном.

Степан потрепал загривок Мавра с нежностью, никак не вязавшейся с его суровым обликом. Ястребиный нос, густая черная, с едва наметившейся седеной борода и усы придавали его лицу угрюмое выражение. Взгляд зеленоватых глаз из-под нависших косматых, точь-в-точь как у отца, бровей был настроженным и цепким. Степан был до того высок, что в иные избы ему приходилось входить пригнувшись.

– Доброго здоровья, сынок. Дело есть! – Ермил зачем-то помял мясистый, с красными прожилками нос и продолжил. – В общем, так: россомаха повадилась зайцев таскать из моего ледника. А ноне вообще все мясо испоганила. Така вонь – дышать не можно! Без мяса оставила! Подсоби изловить али пристрелить воровку. Хитрющая, зараза, ничего не боится! Запор поставил – дверь прогрызла. Капкан настрожил – обошла.

– Да-а, батя! Не повезло тебе. Признавайся, где ей насолил?

– Да было дело... Ранил в конце сезона одну.

– Вот она и сводит счеты.

– Так тем паче изловить надо.

– Ладно, поймаем твою обидчицу. У меня с прошлого года заявка на живоотлов россомахи лежит. На семинар съезжу и займусь...

Отец недовольно закряхтел, сдвинул ершистые брови:

– Япона мать! Так она ж к тому времени не токмо припасы, но и всех курей кончит, а бабка – меня. Коль страх потеряла, скока еще напакастит. Знаешь же, россомахи на башку отмороженные, хуже медведя. Отец рассказывал, как-то собака ему склад россомаший нашла. Сорок куропаток в нем насчитал... И эта не успокоится, покамест не перетаскает все.

Извини, батя, но по-другому никак. Семинар важный, по новому учету – не поехать не могу. А чтоб кур не трогала, не запирай ледник. Мясо все одно испорчено.

Ермил в сердцах затоптал брошенный окурок и, махнув рукой, ушел.

Глава 7
Охота

Получилось так, что на летний учет зверей собрались только через две недели.

Осторожно, чтобы не разбудить семью, Степан пробрался на кухню. Выпил вприкуску с хлебом протокваши. Снял со стены ружье. Отработанным движением приложил его к плечу и, прижавшись правой щекой к ложу, мгновенно поймал мушку.

Подхватив приготовленный рюкзак, вышел во двор.

Чего, брат, грустишь?! Вставай, в тайгу идем.

Остромордая лайка недоверчиво приподняла голову. Увидев на плече хозяина ружье, преобразилась: глаза загорелись, закрученный в кольцо хвост заплясал из стороны в сторону. Теперь уже Мавр поторапливал: поскуливая и нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу, подталкивал Степана к калитке.

Заря едва подсветила восточный край неба, а промысловики уже собрались возле бревенчатой конторы госпромхоза. Выходить на летний учет зверя и дичи следовало затемно: припечет солнышко – и следы на росной траве исчезнут.

Мужики курили и оживленно обсуждали наболевший вопрос: будет дождь или нет? Наметившаяся с вечера облачность давала какую-то надежду.

Недовольные затянувшимся ожиданием собаки грызлись между собой. Особенно старался черный кобель Михаила Макаровича – одного из старейших штатных охотников. Правое разорванное пополам ухо драчуна свисало к надбровью, а второе высоко торчало. Это придавало его морде обманчиво-добродушное выражение. Оно-то и сбивало всех с толку. Когда он начинал чересчур буйствовать, Макарыч одергивал: «Уймись, Тайфун! Кому говорю! Уймись!». Тот в ответ подбегал и с виноватым видом терся о голенища сапог. Вторая лайка Макарыча, гордая своими шароварами и закрученным в полтора кольца хвостом, в грызне не участвовала – держалась особняком.

Самого промысловика сельские зачастую величали Поддубным. Природа скроила этого человека по особому заказу: широкая грудь, кряжистый торс, узловатые руки, бычья шея.

На учет вышло семь бригад. Каждая должна пройти три маршрута и отметить на карточках обнаруженные следы и места визуальных встреч с животными, боровой птицей. Степан, кроме Макарыча, включил в свою бригаду прибывшего на практику долговязого студента Васю. Голубоглазого, по-мальчишески нескладного паренька с огненно-рыжими вихрами.

* * *

Похожие на взгорбленных медвежат россомахи бежали, приныривая, вверх по долине ручья. Судя по размерам – самец с самкой.

Увидев людей, они проворно скрылись.

– Подождем. Если сразу гнать, могут бежать весь день, – тормознул спутников охотовед.

– Странно, что две... Ты про одну говорил, – обернулся к Степану Макарыч.

– Так гон начался. Вот и спарились. Когда вдвоем, они не так чутки. Потому нас и зевнули. Похоже, приплыли, из-за хребта – там нынче сушь небывалая.

– Верно. Как это я сразу не смягкитил, – подосадовал промысловик. – Степан, мне показалось али нет? Одна, кажись, без хвоста.

– Точно! А я подумал: поджала, что ли?

– А разве россомахи без хвостов бывают? – удивился студент.

– Всякое бывает. Есть же люди без ноги или без руки, – откликнулся охотовед. – Могла в драке потерять. Ведь для этого зверя авторитетов нет. Прет как танк: или победит, или погибнет. Одна может у стаи волков добычу отнять.

– Нам на лекции говорили, что россомаха страшно прожорлива. С латыни ее название так и переводится – обжора!

– Ну как сказать, – замялся Степан. – На мой взгляд, это утверждение ошибочно. Судя по размеру желудка, она вряд ли способна съесть за раз больше четырех килограммов. Так про россомаху говорят, скорее всего, потому, что она большую часть добычи сразу растаскивает по схронам. Кстати, названий у нее много. У норвежцев – горный кот, у финнов – обитатель скал, у шведов – отважная. Вот и решай, кто же она на самом деле.

Охотовед подвел Мавра к месту, где скрылась парочка, и приказал:

– След!

Пес старательно все обнюхал и молча понесся в чашу. Собаки Макарыча бросились вдогонку.

– Студент, слушай, как лает. Лай о многом говорит. Умная собака, когда нагонит зверя, лает сначала негромко и редко, чтобы не напугать его и в то же время привлечь внимание хозяина. Когда хозяин подходит, лай становится громким, азартным и злобытым, – на бегу наставлял Степан.

Вскоре донеслось позывистое подвывание с нотками охотничьей страсти. Учетчики, привычно лавируя между деревьями, бросились изо всех сил на голос: знали, что медлить нельзя, – когистая, верткая россомаха способна серьезно покалечить собак.

Загнанных в бурелом зверей псы облаивали, давась от ярости. Вдруг все трое с визгом отпрыгнули. Это угрюмый кавалер Пышки, задрвав хвост, выпустил в собак желто-коричневую струю. Псы от едкого, нестерпимого смрада принялись, жалобно скуля, тереться мордами о траву. Больше всех досталось Мавру: часть жидкости угодила ему прямо в нос.

Вонючки же, пользуясь моментом, скрылись. Собаки, чувствуя вину, прятали от стыда глаза, заискивающе виляли хвостами, но по следу пошли только после грозного окрика.

Весь день, изнемогая от духоты, они мотали зверооловов по буреломному лесу. Сами измучились – дышали надсадно, словно запаленные жеребцы, и хозяев уморили. Возьмут след, пробегут сто-двести метров и теряют.

– Штоб вас волки съели! – сердился Макарыч.

– Чего зря ругаешься? Россомахи же им нюх попортили, – вступился за собак Степан.

Не забывая об основной работе, учетчики на ходу обозначали карандашом в карточках встречавшиеся следы зверей и дичи. Кого-то видели визуально, кого-то определили по следу, кого-то по свежему помету. Чаще всего появлялись пометки «рябчик», «заяц».

– Медвежьи задиры! Степан Ермилович, смотри-те – медвежьи задиры! – восторженно завопил Вася,

показывая на разодранную когтями сверху вниз кору пихты с потеками смолы.

– Приметливый! Хвалю! – одобрительно хлопал его по плечу охотвед. – Только не надо так шуметь: зверь пугается. В нашем деле главное – выдержка... Глянь, а на этом стволе задиры еще выше. Представляешь, какой громила тут ходит! Правда, случается, что менее рослые конкуренты хитрят: подтаскивают к меченному стволу коряжину и с ее помощью оставляют поскребы выше имеющихся чтобы принудить хозяина освободить участок. Однако опытный медведь обычно легко различит подвох по малой глубине царапин и, подкараулив, задаст трепку нарушителю границ владений.

Под вечер сплошь облепленные репейниками собаки уверенно вывели охотников на галечную излучину, но тут опять скололись со следа и растерянно забегали по прогретым за день камешкам. Сделав несколько кругов, каждый шире предыдущего, лайки, вывалив языки, встали. Мавр вообще был близок к отчаянию: тошнотворный запах росомашьей струи заглушал все прочие. Собакам Макарыча тоже повсюду чудился запах росомах.

– Эх вы, пустобрехи! Облапошили вас росомахи! – подтрунивал Степан.

– За речкой озеро с островом, вокруг зыбуны. Место крепкое, скорей всего, туда и умотали, – предположил Макарыч.

– С утраца проверим, а сейчас ночевку пора ладить.

– Степан, может, ко мне – тут недалече? Версты две, не боле.

– А что? Хорошая идея! Пошли.

Глава 8 Беседы

Наполовину вросшая в землю избенка с почерневшими венцами, крошечным окошком и односкатной, с широким напуском крышей стояла на краю елани, зажатой между лесистым отрогом и бойким ключом. У боковой стены – поленища крупно наколотых дров. Одна из тропок сбегала мимо неохватных сосен прямо к каменистому ложу ручья. Когда подходили к зимовью, с дерева слетела парочка рябчиков. Спланировав в разные стороны, они задорно засвистели.

Узнали, сорванцы! Всю зиму подкармливаю. С ними хорошо! Вон как чисто трельку выводят! – потеплевшим голосом пробасил Макарыч.

Дверь была открыта настежь и подперта поленом для проветривания. Внутри сумрачно, прохладно. Углы тонули в полумраке. Подслеповатое оконце едва освещало стол и прокопченные за многие годы венцы. С обеих сторон стола – нары из толстых деревянных плах, застеленных лосиными, уже изрядно потертыми шкурами. Вдоль стен – полки с посудой, мотками веревок, правилки. Под потолком – перекладина для сушки одежды, на крючьях мешочки с крупой, сухарями. Слева у двери – железная печь.

Чтобы не нарушать царящей здесь прохлады, ужин готовили на костре. Горячие струи воздуха, поднимающиеся от него, мерно покачивали темные ветви обступавших деревьев. Уставшие собаки повалились тут же и расслабленно вытянули лапы. Задремавший Мавр и во сне продолжал охотиться: бил хвостом, хрипло рычал, будто бежал за зверем.

Поели, помыли в ручье посуду, а чай, заваренный на листьях зверобоя и смородины, пошли пить, спасаясь от кровососов, в зимушку. Макарыч с трудом протиснулся сквозь узкий дверной проем.

Когда рубил – худой был, – оправдывался он.

– И как давно рубили? – полюбопытствовал практикант.

– Давненько. Ты, поди, и не родился ишо.

Поскольку уже стемнело, пришлось зажечь свечку. Только тогда заметили в колеблющемся пламени листок, припиленный ножом к стене.

– Кто-то гостил, – Макарыч снял записку и протянул практиканту. – Прочти, очки дома оставил.

– «Сосед, благодарствую за приют. Этот нож – за глухаря. Грешен, не устоял, подстрелил на твоём участке. Не сердчай. Обнимаю. Лукьян».

– Плохо, что подстрелил, но молодец, что не утаил, – похвалил охотвед.

– А то как же! Обманешь – фарт уйдет, да и покоя на душе не станет. По-честному-то жить оно приятней.

– Что верно, то верно! Чистая совесть – главное в жизни! – согласился Степан, лохматя пятерней жесткие кудри так, что из них посыпался лесной мусор.

По давно установленному обычаю на уже занятом участке другие промысловики не охотились. Это добровольное размежевание угодий добросовестно исполнялось. Права соседей не нарушались. Избушки и лабазы не знали замка. Их охраняло уважение к старому, выработанному веками порядку.

– Михаил Макарович, можно вопрос? – подал голос Вася.

– Валий, студент! – пророкотал промысловик.

– У вас вот шрам на шее. Это не медведь?

– Рази это шрам?! Так, царапина. Шрам вот! – Макарыч засучил рукав и показал бугристые лиловые борозды. – Честно говоря, сам виноват. Миша в берлоге обычно головой на юг ложится – такая манера у него. А мы с Лукьяном поторопились. Давай тыкать жердиной не с той стороны. Вижу, снег передо мной вздувается и выскакивает с ревом черная туча. Пастью руку с жердиной схватила и давай трепать. Слава богу, собаки надели с двух сторон, отвлекли. Тут уж Лукьян не оплошал – с одного выстрела уложил.

– Хорошие у вас лайки.

– Плохих не держим, – с гордостью произнес Макарыч.

Допив чай, он ладонью смел со стола крошки и отправил их в рот. Вася же не унимался:

– А правда, что медведь в берлоге лапу сосет?

– Брехня! Семерых брал, лапы у всех сухие. И еще, запомни на будущее: медведь не такой увальень и простодыра, как в книгах пишут. Ловок и быстроног, чертяка. А уж голова-то как работает! Прошлой осенью с одним долго разбирался. Иду, значит, по путику, капканы проверяю. Где подновлю, где новые поставлю. Вдруг вижу, след мой стал почему-то намного больше. Метров двести так. Потом опять нормальный. Что за наваждение?! Повернул назад, иду рядом, приглядываюсь. Только тогда дошло – это ж медведь по моим следам протопал!

Я вперед вернулся и там, где след перестал быть широким, сделал круг. Смотрю, метрах в шести за ку-

стами – снежная ямина. Представляешь, докуда эдакая махина сиганула. Потом – еще одна. Дальше уже шагом. В гору почесал. Там под стлаником пустот полно – для берлоги подходящие места. Ну, думаю, завтра с собаками приду и добуду. И что? – Тут Макарыч сделал многозначительную паузу. – Наутро выпал такой снег, что все скрыл. Вот ведь какая башковитая зверюга: знал, когда ложиться.

– Недавно прочитал в журнале, будто росомаха – это медведь-лилипут.

Степан засмеялся:

– Ну и загнули! Росомаха действительно похожа на медвежонка, но относится все-таки к семейству кунных. Правда, выделена в отдельный род – росомахи. Среди них она самая крупная. Зоологи ее еще гигантской куницей называют. Так что ее не лилипутом, а Гулливером правильной будет величать.

Какое-то время пили чай молча.

– А вы, Михаил Макарович, как промышлять зверя предпочитаете? Капканом или гоном? – нарушил молчание любознательный паренек.

– Ловушками, конечно, поуловистей, но в угон намного весельше. Это и промысел, и азарт. Хоть и тяжко вдругорядь, зато удовольствие.

Помолчав, парнишка обратился к охотоведу:

– Степан Ермилович, я вот заметил такую вещь: в глазах зверей всегда печаль таятся. Как вы думаете, почему?

– Бог его знает... Может, оттого, что жизнь не легкая, может, оттого, что век их короток, а может, нас страшатся.

Так, кружка за кружкой, тянулся разговор.

– Василий, ты бы тоже рассказал нам чего.

– Так не знаю, что вам интересно будет.

– На следующий год у тебя диплом. Тему-то выбрал?

– Да. Мой руководитель предложил собрать материал по акклиматизации уссурийского енота, вернее енотовидной собаки, у нас в Кировской области и проанализировать последствия.

– Интересная тема. Всегда важно знать, что дало местной фауне появление нового вида. Бывают ведь и негативные последствия. Вон на Огненной Земле в середине пятидесятых годов выпустили сорок канадских бобров, а сейчас их численность перевалила за четыреста тысяч. Теперь ломают голову, как спасти от этих «дровосеков» леса...

А про енотов я одной потешной историей могу поделиться. После третьего курса практику на Дальнем Востоке на реке Иман проходил. Там в августе, когда идут муссонные дожди, паводки случаются похлеще весенних. В тот год вода особенно большая была. Мы с егерем на лодке островки объезжали. Спасали тех, кто не успел уйти в сопки.

Видим, на одном енотовидные собаки жмутся. Вода уж у ног, а они возле затопленных нор стоят, трясутся. Подплываем. Бедолаги обрадовались, забегали туда-сюда, но в лодку лезть боятся. Для вида зубы скалят. Егерь выбрался на берег и на них так рявкнул, что иные сразу в обморок попадали – до того пугливые. Тем, кто устоял, пинком для острастки слегка поддал. Они брык – и лежат, словно околели. Бери за шиворот и делай что хочешь. Потеха!

Шестерых в два мешка растолкали, а седьмой не

поместился. Пришлось положить прямо на дно, а на морду куртку накинуть. Плывет лодка, покачивается, уключины скрипят – страшно енотам, не шевелятся. Ежели вдруг и заворочается кто, егерь топнет: «А ну!» – и мешок вмиг цепенеет. А тот, который на дне, знай себе под куртку тычется – прячется, стало быть. Выбрали берег повыше, выпустили. Разбежались кто куда – искать незанятые норы, рыть новые. А мы опять по островам.

Уже в сумерках высмотрели енота огромного, прямо бочонок на ножках. Так он сам в лодку прыгнул. Выпускать его егерь не стал. Жену решил разыграть. Вошел в дом, развязал мешок и вытряхнул енота на пол. Супруга, как обычно, набросилась:

– Ты чего? С ума сошел? Только мокрой псины в доме не хватало!

От ее крика енот брякнулся без чувств.

– Вот видишь, – говорит ей егерь, – даже дикий зверь от твоего крика околел. Каково же мне с тобой бок о бок столько лет жить?

– Во молодец! Надо ж такое удумать, – давился со смеху Макарыч. – Мою старуху бы так пугнуть, чтоб не ворчала лишка... Отменный ты, Степа, рассказчик и вообще правильный мужик. Уважаю! Опосля учебы домой вернулся, не то что мой дурень. Того, на модный манер, «урбанизацией» контузило. Не понимаю, как он в тех бетонах живет?! Вода невкусная, воздух грязный, шум, толкотня. По мне, самая лучшая крыша – небо, лучший дом – густая ель. Сегодня под одной заночевал, завтра под другой. Простор! Красота! Дышать сладко!

– Это верно! Тайга – воля! Город – тюрьма! – согласился Степан.

– У нас и народ не такой порченый.

– И то правда! Люди посовестливей. А городские что?! Привозил мой начальник одних. Вооружены до зубов: карабины с оптикой, приборы ночного видения. Не охота, а убийство.

– Так вы же тоже убиваете, – робко заметил Вася.

– Тут, студент, большая разница. Они убивают ради удовольствия, а мы – для пропитания семьи. Убивать ради удовольствия – грех.

– Зачем же тогда росомах отслеживаем? Их ведь не едят.

– Мы и не собираемся их убивать. Для зоопарка ловим. Пусть городские увидят, какой необычный и редкий зверь в нашей тайге обитает.

– А по мне, лучше б его не было. Зловредная, вредная тварь. Не столько съедает, сколько ворует и портит. Чем их меньше в тайге, тем лучше, – вдруг рассердился, что-то вспомнив, Макарыч.

Степан улыбнулся:

– Эх, Макарыч! всю жизнь в тайге прожил, а не уразумел, что бесполезных зверей не бывает. Каждый для чего-то нужен. Росомаха-то как раз очень даже необходимая животино. Ведь ее главное предназначение – очищать лес от останков погибших, начиная с мыши, кончая сохатым. А вредничает она только по отношению к охотникам: мстит за убийства других обитателей тайги. Ты прикинь, сколько зверья мы каждый год добываем!... По мне, росомаха – борец за справедливость. Так сказать, таежный робин гуд. Вот и к бате она не случайно повадилась: он же ранил зимнюю одну.

Глава 9
Остров

Затянутое облаками небо едва посерело, а Степан уже кашеварил. Наскоро перекусив, загасили костер и возобновили поиски росомах.

Хоть и обмелела речка, на другой берег переходили по огромной, недавно упавшей лесине. Собаки же зашли в воду с радостью. Переплыв, энергично отряхнулись и умчались в чащобу, где почти сразу взяли след. Он действительно привел к озеру. Точнее – к старице, вытянутым кольцом охватывающей продолговатый лесистый остров. Берег – сплошь вязкий ил. Дальше вода, затянутая ряской. В одном месте она была разорвана двумя черными полосами – росомехи переплывали. Бежавший впереди всех Мавр рванул было в горячке к воде, но, с трудом выдирая из ила лапы, отступил. Псы в нерешительности затоптались, заскулили, как бы извиняясь.

– Лапы узкие, не держат. У росомех-то они что лыжи. А зимой, когда обрастают густым жестким волосом, еще ширше делаются: от следов пестуна* не отличишь, – пояснил практиканту охотвед.

– Недалеко отсюда староверская гать была. Мне ее когда-то дядя показывал. Пошли, там и перейдем. Только б дерево с зарубкой найти.

Память Михаила Макаровича не подвела. Свернув у сосны с затесом, покрытым коростой запекшейся смолы, посохами нащупали гать и перебрались по уложенным по дну бревнам на остров. Вышли в аккурат на мыс.

– Вы пока тут побудьте. Только собак не отпускайте, а я пройду по берегу, разведу. Не курите, тихо сидите, иначе спугнем.

Степан вернулся через час.

– Там, где на ряске полосы, на берегу обрывки водорослей валяются – нападали, когда росомехи отряхивались. Следы уходят к взгорку. Весь остров обошел – выходного нет. Значит, на острове затаились. План такой: я пройду на противоположный конец острова и развешу сети, а вы с собаками через час выходите. Ваша задача как можно громче стучать, кричать – гнать их на меня.

В назначенное время Макарыч с Васей, колотя сухими палками по стволам, двинулись вдоль узкого острова. Собаки на поводках поначалу шли молча, но, возбужденные необычным поведением людей, забрехали на все лады.

Росомехи отдыхали на каменистом обнажении чуть выше развалин староверческого скита. Услышав крики и лай, они кинулись к концу острова. Наткнувшись на косо натянутую сеть, побежали вдоль нее. Подпустив их поближе, Степан выстрелил в воздух. Звери в страхе метнулись в разные стороны и, взлетев на подвернувшиеся сосны, затаились в кронах. От сизого облака порохового дыма в лесу запахло тухлыми яйцами.

Набежавшие собаки окружили приземистое дерево, на которое взобрался Угрюмый, и принялись облаивать его. Макарыч непроизвольно вскинул ружье.

– Берем живыми, – крикнул, напоминая, Степан

и, достав из рюкзака мелкаячеистую сеть, развесил ее по кустам вокруг дерева. После этого срубил прямоствольную березку и отсек ветки. На конец жерди привязал петлю из жесткой капроновой веревки.

Подведя ее к отмахивающейся с грозным рыком росомехе, охотвед ловко накинул петлю на лапу и стянул упирающегося Угрюмого сначала на нижнюю ветвь, а потом и на землю. Макарыч в тот же миг накрыл зверя солдатским одеялом. В темноте он сразу затах. Звероловы спеленали ему лапы, стянули их между собой в «букет» и, надев на голову черный холщовый мешок, пошли ко второй сосне, под которой уже бесновались, хрипели от ярости лайки.

Эта росомеха взобралась гораздо выше, и Степану пришлось срубить еще одну березку. Связав гибкие стволы внахлест, он с трудом подвел конец жерди к зверю. Из-за большой длины она играла из стороны в сторону, и охотведу никак не удавалось накинуть «пляшущую» петлю на лапу. Промучившись минут пять, Степан опустил шест, чтобы передохнуть и увеличить размер кольца.

– Уходит! Уходит! – завопил Макарыч.

Прогремел выстрел, следом второй. Все произошло так быстро, что Степан едва успел заметить мелькнувшую в хвое бурую тень.

– Вот шельма! Верхом ушла! Здоровая, а прыгает, что белка! Лишь только шест опустил, так она сиганула на ближнюю сосну и пошла, пошла... Чуть успел стрельнуть. Кажись, зацепил.

– Японский городской! Предупреждал же – живьем берем! – в сердцах ругнулся охотвед.

Расстроенные звероловы облазили остров вдоль и поперек, дважды обошли его по береговой линии: все пытались найти выходной след, но впустую. Собаки даже ни разу голос не подали. Если бы они умели говорить, то рассказали бы, что пахнет зайцами, куропатками, глухарями, прелой травой, а вот запаха росомехи нет.

– Что за чертовщина?! Ничего не понимаю. Не сквозь землю же она провалилась, – растерянно бормотал Макарыч.

Глава 10
Ночевка

Стущающиеся сумерки напомнили, что пора становиться на ночлег.

Подойдя к кряжистому кедру, Степан объявил:

Шабаш, граждане-учетчики! – и, сняв рюкзак, осторожно вытряхнул из него росомеху.

Василий разжег костер, повесил на косо воткнутую палку прокопченный чайник, и звероловы разлеглись на толстом слое хвои. Чистые, спокойные небеса обуглились в багровом огне заката, и их кто-то принялся старательно засеивать зернышками звезд. Ковш Большой Медведицы склонился к горе и стал поливать ее макушку черной краской.

Пламя то и дело выхватывало из тьмы рваные куски леса. Лежать на пружинящей подстилке после трудного дня было приятно. Усталость как будто стекала в землю, а с небес вливалась сила. Но надо было вставать и идти за дровами, варить кашу для себя и собак.

Управившись с делами, опять устроились у костра. Степан стянул с головы росомехи мешок. Зверь

*Пестун – медвежонок предыдущего помета (обычно самка), оставшийся с матерью и помогающий воспитывать (пестовать) медвежат текущего года (сеголетков).

угрожающе заурчал. Это был самец. Бусинки черных глаз горели в бессильной злобе. Не будь его лапы надежно стянуты, саданул бы когтями.

Охотовед подозвал Васю:

– Ну, студент, знакомься с росомахой. Видишь, голова действительно похожа на медвежью. Но морда более короткая и ушки маленькие, слегка прижатые. А мех намного длиннее. Из-за этого туловище кажется нескладным и массивным, – Степан осторожно провел рукой по спине пленника. – Потрогай, какой шелковистый волос. Он единственный в своем роде: волоски настолько гладкие, что кристаллики инея не оседают на них – сразу осыпаются. Видишь светлую шлею по бокам? Она всегда от плеч до основания хвоста тянется. Поперек лба еще одна светлая полоска. Эта хорошо оттеняет темную смоляную маску вокруг глаз.

– Такой красивый зверь, а в нашей библиотеке ни одной книги про него.

– Неудивительно. Про росомах вообще мало что написано. Они ведь очень скрытные. Ведут столь уединенный образ жизни, что за ними сложно наблюдать. А зверь не только красивый, но и интересный! Многие его качества вызывают уважение. Неутомимый, целеустремленный, бесстрашный. Не пасует ни перед волками, ни перед медведем, но в отличие от серых кровь зря не льет: бессмысленной резней не грешит. Росомаха – хищник, но хищник рачительный. Это я и для тебя, Макарыч, говорю, – повернулся к промысловому Степану.

– Хороша рачительность – шkodят, воруют. Натуральные мародеры! – упрямо стоял тот на своем.

– Чего ты на них так взъелся? Тебе лично что плохого росомахи сделали?

– Мне, может, и ничего, да люди говорят.

– Говорят, в Москве кур доят, – обрезал охотовед.

– Я одно знаю точно: не тронь зверя – и он тебя не тронет. Это не только росомах касается. Помнишь моего одноклассника Антипа? Он еще животноловом занимался.

Как же! Помню. Известный бездельник, прости господи. Ты, наверное, забыл про историю с медведицей?

– Ага.

– Ой! А что это за история? – встрепенулся студент.

– Да ничего хорошего... Степан пусть и расскажет, – раздраженно буркнул промысловик.

– На самом-то деле история весьма поучительная... Один медвежонок угодил в ловчую яму, а поскольку Антип проверял их редко, малыш в ней помер с голода. Мамаша затаилась поблизости и караулила, пока обидчик не появился. Замяла насмерть... Что ж, теперь будем кричать: «Медведи кровожадные! Людей убивают!». Сам ведь напросился...

Пока шла беседа, собаки чистились. Тщательней всех вылизывался Мавр, но, несмотря на все его старания, едкий запах держался, вызывая у него приступы кашля.

– Что, вонькая зверюга?! Половчей надо быть, – погладил любимца Степан. Лайка слегка вздрагивала под тяжестью хозяйской руки, а глаза светились счастьем и бескорыстной преданностью, свойственной лишь собакам. Мавр боготворил хозяина. Умей он говорить, воскликнул бы: «Что прикажешь, повели-

тель?». Ради доброго отношения пес был готов на любую подвиг, даже на новую встречу с вонючкой.

Ночную тишину прорезал густой волчий вой, гордый и уныло-целяющий одновременно. Волк начал снизу и постепенно возвышал тон. Ему ответил голос потоньше, но полный силы, заливисто-трепещущий. Учетчики замерли.

– Ну, студент, у тебя сегодня хорошая практика. Слушай! Это молодой заявляет о себе. Радуетесь жизни! – шепотом пояснил Макарыч.

Не успели оба воя слиться в слаженный дуэт, как к ним присоединился третий. И вот уже переливается от утробно-низкого до высокого, как туго натянутая тетива, многоголосый хор.

– Воют так, ровно душу вынуть хотят. Сколько в этих «песнях» звериной тоски, какая отрешенность! – произнес Степан.

– У меня прям мурашки по спине забегали, – отозвался Вася и перекрестился.

– А я люблю их арии. Особенно когда враз несколько завоют с повизгиванием и подбрехом. Вслушайтесь, это ж целый оркестр. У каждого свой голос. Взрослый воет басом, у волчицы голос выше и пожиже. У самых матерых песня в несколько колен и протяжная.

Неожиданно в волчью песню врезался тонкий, срывающийся на частый, отрывистый собачий лай, визгливый скулеж.

Вася вопросительно глянул на Макарыча.

– Это волчата голос пробуют... А сейчас перерывок... Слышишь, начинает хорошо, а конец не вытягивает – сипит. Если внимательно слушать, то можно определить, сколько в стае волков и какого они возраста.

– Да, волки – удивительное племя. Умные, организованные. В стае жесткая иерархия и дисциплина. На охоте каждый четко знает свою роль. Но вместе с тем они, как и люди, все разные. Кто-то ленив – ест только то, что, как говорится, само в пасть идет, кто-то жесток – режет не раздумывая и без меры. Для таких убийство – забава. Кто-то верен, а кто-то предаст не задумываясь. Но что у них не отнять – супружескую верность хранят всю жизнь. Трогательно заботятся о потомстве. Если волчица погибает, волк в одиночку воспитывает и кормит волчат. А сам так и остается вдовцом, – просвещал студента Степан, подкладывая сучья в костер.

– Слышал, будто волчица не защищает потомство, когда люди ее детенышей из логова забирают. Издали молча наблюдает. А как же материнский инстинкт? – вопросительно глянул на охотоведа парнишка.

– Сложный вопрос. Версий много. Возможно, она бережет жизнь для того, чтобы на следующий год дать новое потомство. А может, надеется выследить, куда унесут волчат, и ночью освободить их. Хотя, скорее всего, первопричина – страх. Страх перед человеком. Конечно, странно, что у волков он проявляется в столь гипертрофированном виде. Наверное, сказывается опыт предыдущих поколений. Человек всегда воевал с волками. И те, кто пытался защитить потомство, погибали. Выживали те, кто уходили, – рассуждал Степан. – Между прочим, опытные волчатники никогда не опустошают логово полностью. Одного щенка обязательно оставляют. Если всех взять, то вол-

ки этим логовом больше не пользуются. А так каждый год можно урожаем собирать.

– Верно Степан Ермилович говорит, – не утерпел, встрял многоопытный Макарыч. – У волков все подчинено сохранению жизни волчицы. Если выхода нет, то волк даже себя может подставить под выстрел. А иной проявляет такую смекалку, что диву даешься. Как-то гнал парочку на лыжах. Впереди волчица, за ней волк. Когда они добежали до поваленного дерева, он ударом лапы сбросил ее под ствол. Завалил снегом и побежал дальше. Не всякий человек до такого додумается, а тут волк!

Макарыч встал и, разминая затекшие ноги, прошелся взад-вперед. Потом хитро посмотрел на Васю:

– Хочешь настоящего матерого послушать?

– Еще бы!

– Погоди чуток, – произнес охотник полупшепотом, придавшим особую значительность моменту. Откашлявшись, он сложил руки рупором у рта, придавил горло с обеих сторон большими пальцами, а указательными слегка сжал переносицу, закинул голову и затащил низким басом. Потом забрал повыше, раскрывая ладони. Завершая песню, взял такие минорные ноты, что собаки дружно заскулили.

– Эх, не то! Мощи нет и гнуса мало. Тоски не хватает! – расстроился Макарыч, отирая губы. – Давно не вабил.

И тут вдруг завыл Мавр. Это было до того неожиданно, что промысловик чуть не поперхнулся. Выл кобель, высоко задрав скорбную морду. Всем своим видом он выражал непомерную тоску и боль. Пел так выразительно и проникновенно, что сидящие у костра боялись пошевелиться. А кобель Макарыча Тайфун от удивления или страха поджал хвост и забился между котомок. В это время Мавр взял такую ноту, что у людей по спинам пробежал озноб. Пес при этом закатил глаза и весь задрожал.

Когда он умолк, расстроганный Степан кинулся обнимать и целовать любимца. Мавр от такого бурного проявления чувств хозяина даже застеснялся.

– Ну, друг! Не ожидал! Ну ты выдал! Певец! – взволнованно бормотал охотовед.

– Похоже, в нем есть волчья кровь, – резонно заметил Макарыч.

– Да ты что! На хвост посмотри – чистокровная лайка, – возмутился Степан.

Разговор прервала поспевшая пшеничная каша с салом. Вася съел свою порцию и украдкой заглянул в котелок.

– Не стесняйся, сынок, доедай. Тебе не повредит – вон какой худой, – ободрил его Макарыч.

Подновив захиревший было костерок, студент выскоблил котелок до дна.

Чем выше поднималось пламя, тем яснее проступали колеблющиеся стволы кедров. Глядя на эту игру, паренек заснул. Степан еще какое-то время сидел, наблюдая за волшебной пляской вихрастых протуберанцев, но безжалостный сон свалил и его. Подбросив сучьев, Макарыч укрыл товарищей плащпалаткой и устроился рядом.

Васе снилось, будто он стоит в толпе людей. К ним ползет паукообразное чудище. Оно хватается и поедает людей одного за другим и уже подбирается к нему. Вася бежит, бежит и оказывается в дремучем лесу. Чудище, почти догнавшее его, неожиданно оста-

навливается. Оно почему-то боится зайти в лес. Воспользовавшись заминкой, Василий вбегает в стоящий среди деревьев необычный дом: его стены и крыша совершенно прозрачные. Откуда-то появляются люди в касках и начинают стрелять по дому из ружей. Вася мечется по комнатам, но спрятаться негде. Он слышит приближающийся вой, но вместо волка появляется громадная росомаха. Она сгребает стрелков, как муравьев, и проглатывает их...

В эту ночь и охотоведу снился странный сон: какие-то уродливые создания, похожие на доисторические бронтозавров. Они напали на его жену и дочь, когда те собирали грибы. Женщины сумели увернуться и с криком бросились в разные стороны. Степан мчит на помощь, но не видит их. Слышит только крики: «Папочка, ты где? Степа, помоги!». Степан пытается бежать, но ноги не повинуются. Он уже не идет, а еле-еле двигает ими, словно к ним приковали многопудовые гири.

От ужаса охотовед открыл глаза. Спина и лоб в холодном поту. Охотовед поежился. Медленно обведя взглядом густую паутину из ветвей и листьев, спящих рядом товарищей, сообразил, что это всего лишь сон. Тем не менее он так и не смог успокоиться. Встал и направился к ручью умыться. Его догнал Вася.

– Степан Ермилович, я вот тут все думал, думал о том, какой росомаха нужный и полезный зверь... Может, вторую ловить не будем, а? Вы же говорили, что заявка на одну.

Лицо охотоведа посветлело. Он улыбнулся и обнял парнишку:

– Ты прав! Пусть бегают...

С той поры росомаха не появлялась в селе. Как будто между ней и людьми было заключено негласное мировое соглашение.

Глава 11

Одиночество

Пышка видела, как Угрюмого длинной палкой стянули на землю. Как псы набросились было на него, но двуногие почему-то отогнали их. После этого собаки ринулись к ней. Их злобный лай не предвещал ничего хорошего. Когда перед ней замаячила петля, Пышка поняла, что если не покинет дерево, то тоже угодит в руки двуногих.

Решение пришло мгновенно: резкий, пружинистый толчок сильных задних лап – и она, пронесясь торпедой по воздуху, закачалась на ветке соседнего дерева, и тут же последовал прыжок на следующее. Прогрел гром. Ногю обожгла боль, но росомаха не обращала на это внимания: она была сосредоточена на том, чтобы не сорваться. Еще прыжок! Еще!.. Ура! Получается!!!

В росомaxe проснулись таившиеся в самых глубинных слоях генетической памяти способности предков: прилагая отчаянные усилия, она, преодолевая пронзавшую бедро боль, совершала прыжки с дерева на дерево. Ранение и невероятное напряжение сил вскоре стали сказываться. Перемахнув на очередное дерево, Пышка не удержалась и полетела вниз. В последний миг как-то исхитрилась ухватиться за самую нижнюю ветвь и перебраться по ней к стволу. Припав к шершавой коре, прислушалась.

Лай приближался. На прыжки уже не было сил.

Спускаться на землю опасно. Росомаха полезла вверх. Неожиданно передняя лапа провалилась в пустоту. Дупло! Просунула в него голову – ствол полый. Какая удача! Лучшего убежища не сыскать! Пышка расширила зубами отверстие и нырнула в спасительную тьму. Внутри пахло древесной трухой, смолой и сободем – похоже, часто тут отдыхает. Дно дупла было мягким от осыпавшихся гнилушек. Беглянка свернулась на них и погрузилась в целительный сон. Колоссальное физическое и нервное напряжение дали о себе знать: она проспала почти сутки.

Разбудил голод. Попытка встать отдалась болью в правом бедре. Лежа на подстилке, росомаха, чтобы размять простреленную мышцу, стала потихоньку двигать ногой. Одновременно прислушивалась к звукам, доносившимся снаружи. Тихо! Только в кронах шелестит ветерок. Осмелев, привстала и высунула морду из дупла. Тщательно «прощупала» чутким носом воздух. Повертела головой. Ничего подозрительного. В лесу текла обычная жизнь. Деловито сновала сойка, долбил трухлявую осину дятел, с быстротой молнии пронесся по валежине с набитыми в зацепину орешками неутомимый труженик – бурундук. Ни одного постороннего звука и запаха. Едва улавливался лишь легкий, почти выветрившийся кислотаватый дух человеческого пота. Росомаха понимала, что оставаться на острове опасно – раз двуногие нашли сюда дорогу, они не оставят ее в покое.

Цепляясь когтями за ребристую кору, она спустилась по стволу вниз головой. Припадая на поврежденную лапу, вышла на берег и переплыла на другую сторону в пихтач, густо обвешанный сизыми космами лишайника. Подлесок и трава под его почти непроницаемой для солнечных лучей кроной отсутствовали. Землю сплошь устилал мох и рыжий слой хвои. Пышка ступала по нему, как по мягкой лисьей шкуре, совершенно неслышно.

Натерпевшись страху, она вздрагивала от малейшего шороха. Услышав подозрительный звук, замирала. Зорко всматриваясь вглубь леса, жадно принюхивалась к приносимым ветром запахам. В основном это были запахи белок. Вон суетятся одна, вторая... Куда ни повернись – везде белки. В этом году тут хороший урожай. Шебуршат по стволам, возьмется с шишками в кронах, копошатся с лежащими на земле. Кто с урканьем, кто с цоканьем, а те, что постарше, – молча. На Пышку даже не глянут – чувствуют, что ей не до них.

Росомаха пересекла чащобу и направилась к речке: там легче добыть что-либо съестное. По пути, подчиняясь внутреннему голосу, разыскала нужное растение. Разжевав несколько кислотаватых листьев до кашеобразного состояния, втерла их языком в рану.

Раздался хруст сучьев. Пышка припала к земле. Зашевелились кусты, раздвинулись ветки, и в просвете появился олень-первогодок. Увидев затаившуюся росомаху, он от неожиданности высоко подпрыгнул на месте и, по-собачьи «пролаяв», ситанул, приминая подрост, обратно.

Преследовать его раненая Пышка не могла. Обследуя берега, она вскоре увидела греющееся на солнцепеке утиное семейство: пять птенцов-пуховичков и родителей. По хохолку на коричневой голове и узкому, на конце слегка загнутому клюву Пышка признала в них крохалей и стала подкрадываться. Когда до

птиц оставалось два прыжка, бдительный папаша все же засек ее. Прозвучал сигнал тревоги, и семейство сыпануло в воду.

Что тут началось! Отец и мать, призывно покрывая, часто-часто зашлепали по зеркальной глади крыльями и ринулись на стремнину. А птенцы, едва поспевая за ними, так старательно и быстро махали почти бесперыми крылышками и перебирали по воде перепончатými лапками, что их крошечные тельца казались малюсенькими глассерами.

Обескураженная Пышка поковыляла дальше. Выискивая поживу, она обследовала каждый кустик, бугорок, валежину. Обнаружив обглоданные кости кабарги, тут же с жадностью сгрызла их. Увидев, что из-под пня выползают земляные осы, расширила канал к гнезду с личинками. Но эти крохи только раззадорили аппетит. Наконец ей повезло – нашла полянку с грибами. Набив до отказа желудок, она, спасаясь от гнуса и облепивших рану мух, поднялась на скалистый, хорошо обдуваемый ветром утес.

Вытянувшись на прохладной глыбе, росомаха прикрыла глаза. Она лежала не шелохнувшись так долго, что ворона сочла ее околешей. Сев на ветку, вещунья торжественно закаркала. На ее призыв следовались подружки и, обманутые неподвижностью зверя, стали, подпрыгивая, подступать все ближе. Тут уж Пышка не оплошала: выметнувшаяся молнией когтистая пятерня схватила птицу, когда та нацелилась клювом в глаз.

Быстро заживают раны у зверей. Окрепшая росомаха решила пройтись по разбросанным на ее участке «складам». Поскольку для дальних переходов силенок было еще маловато, отправилась к самому ближайшему, с заячьими тушками, добытыми у белоголова.

Когда подходила, кислотаватый запах человеческого пота, приносимый ветром, предупредил о том, что люди близко. Лай собаки подтвердил это. «Опять за мной!» – решила росомаха и поспешила свернуть к другому схрону. В этот момент неподалеку с земли поднялась, громко хлопая крыльями, пара тетеревов, но Пышка была настолько встревожена, что даже не глянула в их сторону.

Несмотря на то что следующую кладовую росомаха устраивала еще весной, вышла к ней, благодаря цепкой памяти, безошибочно. Глубокая траншейка, вырытая на северном склоне холма и прикрытая сверху толстым слоем мха, хорошо сохранила оленину. От нее исходил лишь легкий, обожаемый Пышкой душок. Учувяв его, она потеряла власть над собой: предвкушая наслаждение от трапезы, принялась, урча, тереться о мясо щекой.

Часть съела сразу, а остаток закопала обратно. Его ей хватило на несколько дней. Еще одну неделю продержалась у склада в кедровом стланике, широко разросшемся по склону отрога. Эти невысокие, в рост человека, деревья напоминали огромных пауков, раскинувших гибкие мохнатые лапы во все стороны. Переплетаясь, они образовывали непроходимые для копытных, а уж тем более для двуногих, заросли (поздней осенью стволы кедрового стланика полегают, прижимаясь к земле, и, укрытые толщей снега, выдерживают самые суровые морозы).

Верхушки спутанных, словно волосы неряхи, веток уже украсили зеленовато-фиолетовые шишеч-

ки, в которых зрели мелкие, но необычайно сытные и вкусные молочные орешки. Разогретая на солнце хвоя благоухала бодрящим ароматом смолы. Над этими обширными полями стланика возвышалась скалистая гряда. Пышка, как и все ее соплеменники, любила побродить и, лишь только окрепла, полезла на нее поглядеть, что скрывается за зубчатым гребнем.

Взобравшись, осмотрела открывшиеся дали. За текущей внизу речушкой возвышался очередной хребет, иссеченный сетью распадков и ложбин.

Единственным звуком, тревожащим царящую вокруг тишину, был клекот орла, восседавшего на каменном уступе.

Полуденное солнце жарило так, что на него и глянуть было боязно – ослепит. Спустившись в падь, Пышка заметила лиса. Пересекая полянку, он то и дело замирал, прислушивался. Вдруг высоко подскакивал и, перегибаясь в воздухе, отвесно пикировал в траву. Делая при помощи взмахов хвоста резкие развороты влево-вправо, выхватывал из путаницы стельков мышку. А съев, возобновлял охоту.

Понаблюдав за этими прыжками-свечками, Пышка двинулась дальше. У ручья, ступенчатыми каскадами сбегавшего с гор, она взобралась на глыбу, облепленную накипями лишайника, и улеглась в ожидании сумерек, когда зверье выходит кормиться. Вокруг порхали желтокрылые бабочки. Шуршали прозрачными крыльями стрекозы. Летая парами, одна над другой, они играли, ласкаемые солнечными лучиками: то, поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, то плавно барражировали над землей. Откуда-то выскочил неумолимый трудяга бурундучок и изумленно уставился на росомаху черными глазками-бусинками. Стоило Пышке шевельнуться, как он исчез с непостижимой быстротой.

Глава 12 Вдвоем

Казалось бы, все складывалось удачно, но Пышке было тоскливо и неприятно. Заканчивалось время брачных игр, а она все еще одна. У любого живого существа есть потребность не только в пище и безопасности, но и в продолжении рода. Ведь как приятно, когда рядом есть кто-то, к кому можно прижаться, приласкаться; вместе загнать добычу, сытно поесть, выкормить потомство. С Косматым они прожили с перерывами меньше года, а Угрюмый и вовсе промелькнул в ее жизни как молния: едва сошлись, как двуногие поймали его.

Сколько вокруг витает запахов, но среди них нет даже намека на запах самца. Пробежала соболушка. У комля кедра она вдруг остановилась и, присев на выступающий корень, принялась чистить языком шерстку. Сзади к ней подкрадывался соболь. Она делала вид, будто не замечает его. Приблизившись, ухажер прыгнул на нее. Та выскользнула из цепких объятий и сама зажала его голову под мышкой. Соболю стал извиваться, а освободившись, обхватил подругу «вокруг талии» двумя лапами и крепко прижал. Соболюшка широко раскрыла рот – Пышке показалось, что та смеется. Когда игра закончилась, парочка расцепилась и, с нежностью прижимаясь друг к другу, разлеглась в тенечке. Вскоре соболушка, помахивая хвостом, отправилась в убежище под корнями. Кавалер

последовал за ней.

Пышка вздохнула: «Хорошо вдвоем!».

От этой мысли она встрепенулась и побежала ныряющим галопом. Вскоре порыв ветра донес до нее запах сородича. Он становился все явственней. По характерной резкости определила – самец! Вот и следы. Матерый!

Вечерело, но росомаху приближение ночи не смущало. Своему носу она доверяла больше, чем глазам. Следы самца беспорядочно петляли по тайге. Где же «выходной»? Тут все запахи перебил запах лося. Он был так силен и столь крепко сдобрен ароматом крови, что Пышка не удержалась и свернула на него.

Метров через сто увидела торчащие из травы беловатые кончики рогов и шерстистый бок. Обрадованная росомаха от восторга несколько раз перевернулась через голову: такая гора мяса гарантировала пропитание надолго. Только надо будет побольше на запас прикопать.

С трудом разорвав толстую шкуру, Пышка с жадностью глотала кусок за куском. Насытившись и немного передохнув, принялась растаскивать мясо по схронам. Обустраивать их было непросто. Рыть глубокие траншейки мешали корни, камни, но крепкие когти и зубы делали свое дело. Чтобы свежие раскопки не бросались в глаза, присыпала их листьями, пучками травы, древесным хламом. Иногда для верности заваливала камнями.

Крупный самец росомахи вышел к месту пиршества Пышки в тот момент, когда та отгрызала «серьгу»⁸. Росомаха с нескрываемым восхищением уставилась на пришельца. Ее глаза заблестели. В них читалось: «Как хорош! Впервые вижу такого красавца!».

По ее телу волной пробежало сладостное томление.

Чтобы лучше разглядеть самца и запомнить его запах, она обошла гостя вокруг. Тот в ответ обнажил в «улыбке» белые клыки и поглядывал на нее с не меньшим интересом. Пышка, стремясь обольстить кавалера, сделала несколько игривых прыжков и замерла. Между ними как бы проскочила искорка. Но они еще долго изучающе поглядывали друг на друга, демонстрируя движениями и взглядами сходные желания. Когда Пышка попыталась подойти к Клыку поближе, он повел себя весьма странно.

– Это мой участок! Я тут хозяин, – проворчал он и угрожающе поднял губу.

Пышка в ответ посмотрела по сторонам, точно говоря:

– Твой так твой! Мне у тебя нравится, – и мелким бисером просеменила к нему. Положив голову на его шею, нежно потерлась о серьгу⁸ и заурчала, окончательно растопив сердце сурового Клыка. С этого дня они почти не разлучались. Их любовные игры, напоминающие то ли объятия, то ли борьбу, продолжались несколько дней.

Постоянно курсируя по участку, Клык не забывал освежать метки: подняв хвост, прыскал несколько капель из мускусной железы или мочился на пенек, на кочку. Спускаясь по склону, просто прижимался задом к траве. Никто из соплеменников не имел права нарушить границы его владений. Случалось, правда,

⁸ Серьга – мясистый нарост под горлом с кулак величиной. Как и рога, имеется только у самцов.

забрели, но с соседями все решалось миром, а вот если появлялся чужак, он тут же безжалостно изгонялся.

Отдыхать парочка забиралась на макушку изъеденной временем скалы. Когда садилось солнце и по тайге разливались мягкие сумерки, росوماхи выходили на охоту. Хищники избегают яркого дневного света. Их любимое время – полумрак либо лунная ночь. Именно тогда в лесу, погружающемся в вечернюю прохладу, просыпается жизнь – и для хищников наступают самые добычливые часы.

* * *

Сентябрь выдался теплым и сухим. О приближении холодной поры напоминали лишь печальные крики пролетающих на юг гусиных стай. Клык с Пышкой теперь не утруждали себя охотой: питались преимущественно в изобилии уродившимися ягодами. Мясистая голубика, правда, давно отошла, зато на старых горельниках поспела кисло-сладкая брусника, а на мшистых марях – полная терпкого кровянистого сока клюква. Прежде Пышка не обращала на нее внимания, но, глядя с каким аппетитом поедает эту ягоду Клык, попробовала. Оказалось, что очень даже вкусно.

После первых заморозков на ягодники слетелись дружные стайки куропаток. Они так раскормились, что с трудом поднимались в воздух. Теперь добыть осторожную курочку, а тем более петушка не составляло особого труда. Наевшись нежного белого мяса, росوماхи от избытка сил приступали к любимым акробатическим упражнениям: кувыркались, боролись, высоко подпрыгивая, гонялись друг за дружкой.

Спать забирались в курумник*. Там их никто не тревожил, но Клык всегда был начеку. Перед тем как лечь, вставал на задние лапы. Прощупав глазами округу и убедившись, что все спокойно, прижимался к свернувшейся калачиком возлюбленной. Спал чутко: одним ухом слушал шум леса, возню мышей, скрежет кедровок. Стоило появиться постороннему звуку, как он тут же поднимал голову и осматривался.

Вот раздался чуть слышный треск, а Клык – уже весь внимание. Ничего страшного – невдалеке проходит кабарга! Изящный олененок на тонких, как карандашики, ножках осторожно пробирается по краю сизого, обвешанного лишайниками, ельника. У него нет рогов, а из-под верхней губы почти вертикально вниз торчат тонкие и очень острые, наподобие кабаньих, клыки. Кабарга то и дело останавливается, чтобы отщипнуть свисающие с веток сизые пряди. Но сытый Клык даже не шевельнулся. Проснувшаяся вскоре Пышка сразу уловила в воздухе запах кабаржьей струи и посмотрела на спутника с упреком: «Как же ты, милый, проспал?! Ай-ай-ай!».

Вообще-то ей грешно было обижаться на кавалера. С ним Пышка никогда не знала голода.

В октябре оголенную тайгу накрыли затяжные дожди. Из тяжелых низких туч непрерывно сыпала холодная морось, кутая склоны хмурых сопок в белесую муть. Потянулись дни скучные и однообразные.

Снег выбелил окрестности в одну ночь. Горы, казалось, приблизились, речка стала как будто шире, а серые пласты облаков опустились так, что Пышка то

и дело поглядывала вверх: не цепляют ли они острые макушки елей? «Белые мухи» продолжали и днем засыпать тайгу.

Глухарь, набив зоб сосновой хвоей, уселся на опушенную снегом ветку. Под весом грузной птицы та резко качнулась и, осыпая сугроб серебристым шлейфом, мгновенно прорисовалась зеленой лапой.

Пышка всегда радовалась этому празднику света. Помимо приятной пухлости снежного покрова, ей нравилось то, что на нем отчетливо видны все следы. И сейчас они с Клыком с любопытством, как будто впервые, оглядывали отпечатки своих лап, по форме напоминающие каплю с широким веером от длинных когтей.

Морозы за несколько дней утихомирили речку, накрыв ее хрустальной броней. Тайга и ее обитатели застыли в немом оцепенении. Лишь косая строчка следов горносталя была короткой, едва приметной весточкой жизни. А вон и сам зверек вынырнул, но через несколько метров вновь исчез в снежной толще.

Временами на тайгу накатывали такие волны холода, что перестрелка лопающихся от стужи деревьев не прекращалась ни на минуту. Но росوماхи от морозов не страдали. Они с осени облачились в теплые шубы с красиво струящимся мехом. От Клыка теперь вообще невозможно было отвести взор – до того он был великолепен!

Шуба шубой, но, чтобы не замерзнуть, требовалась и пища. И чем крепче мороз, тем больше. Не утомимо рыская по лесу, Клык выследил оленя. Провислая спина и понуро опущенная голова с корявыми рожками выдавали его почтенный возраст. Стоя в тальнике, тот настолько погрузился в свои старческие думы, что даже не слышал крадущихся шагов. Когда же в застывшем воздухе наконец почуял росомуху, бежать было поздно. Тем более что путь к бегству преграждала вторая росوماха. Оставалось одно – выскочить на реку. На отполированном ветрами льду копыта предательски расползлись, и бедолага завалился на бок.

Росوماхи же чувствовали себя на нем как искусные фигуристы. Запрыгнуть на беспомощно барахтающееся животное и перегрызть ему шейную артерию для Клыка было минутным делом.

Когда рогач затих, железные челюсти росомох заработали мерно и сосредоточенно. Масляные от нарастающей сытости глаза удачливой парочки сладко журились.

На запах крови слетелись вороны. Рассевшись на склонившейся над рекой березе, они, прыгая с ветки на ветку, нетерпеливо ожидали, когда хищники наедятся и уйдут. Но те даже отдыхать устроились тут же, прямо на льду. Как только какая-либо из ворон садилась на оленя, Клык вскакивал и, злобно оскалившись, отгонял.

Настал день, когда росوماхи догрызли последнюю кость, и надо было искать новую поживу. Однако удача покинула их: все погони и засады были безрезультатными. Во время очередного затяжного снегопада звери и вовсе попрятались по норам и убежищам. За три дня парочка не встретила ни одного следа, не выпедила ни единого сулящего пищу запаха.

Лишь на четвертый день им попалась заячья бежка. Распутывая хитроумные петли и гигантские прыжки вбок, росомохам удалось обнаружить зако-

*Курумник – россыпь крупных камней

павшегося в снежную толщу беляка. Косого выдали черные кончики ушей. Заройся тот поглубже, ни за что бы не нашли. Правда, с прыжком Клык оплошал – в когтях остался лишь клочок белой шерсти.

Подхлестываемый страхом смерти, здоровущий беляк, убегая, так далеко заносил ноги вперед, что туловище вставало почти перпендикулярно к земле. И, чтобы не опрокинуться, ему приходилось все время тянуть голову вниз.

Парочка, не раздумывая, кинулась в погоню. Бежать по пушистому, несслежавшемуся снегу даже широколапым росомахам было трудно. Поэтому они решили воспользоваться присущей зайцам манерой уходить от преследования, бегая по кругу.

Клык продолжил погоню, а Пышка залегла за валежиной у тропы. Когда неутомимый скороход поравнялся с ней, она расчетливым прыжком опрокинула его на снег и прокусила затылок...

После этого неудачи отступили. Во время затяжной метели, когда все живое, как обычно, попряталось, на их участок откуда-то забрело стадо северных оленей. Что побудило их переключиться на заваленные снегом горы, для росомах было загадкой. Ведь здесь, чтобы докопаться до ягеля⁹, беднякам приходилось долго и нудно копытить сыпучую толщу. Особенно тяжело доставался ягель неокрепшему молодняку. После ночевки на снегу все чаще стали оставаться их замерзшие тела. Для росомах же глубокий снег был союзником. Заботы о пропитании сменились заботами о том, как понадежней спрятать дармовое мясо. Февраль превратился в бесконечное пиршество. Под шубами супругов появился довольно приличный слой жира. Тем не менее Пышка стала все чаще разнообразить мясной рацион хвоей сосен и корой молодых деревьев: приближалось время ценения и ей требовались витамины.

Глава 13 Потомство

Хотя морозы по ночам еще кусались, солнце начало потихоньку плавить поверхность снежных надувов. С разлапистых елей время от времени шумно опадала комьями снежная кухта. Вокруг темных стволов снег проседал, образуя глубокие воронки. Если день был теплым, снег подтаивал и за ночь схватывался льдистой коркой. Этим спешили воспользоваться волки. По насту они легко догоняли и оленей, и лосей. Не доев одну жертву, на следующий день резали еще и еще. Такая безрассудная алчность серых, с одной стороны, вызывала недоумение у росомах, а с другой – радовала, поскольку обеспечивала пропитанием и их.

В один из пасмурных и ветреных дней Пышкой вдруг овладело беспокойство. Малыши в утробе так разбуянились, что она вынуждена была время от времени ложиться. В конце концов, росомаха забралась под ветви кедрового стланика и замерла, прислушиваясь к мягким ударам изнутри. Нетерпеливый Клык попытался побудить подругу продолжить поиски добычи, но Пышка так глянула на него, что он тут же

принялся копать в снегу пещеру. Малыши тем временем успокоились. Росомаха встала и решительно направилась в сторону лесистого нагорья. Клык покорно зашагал следом.

В закрытом с трех сторон скалами тупичке Пышка остановилась. Супруг все понял: принялся рыть в мощном снежном надуве родовую берлогу. За несколько часов работы прокопал тоннель длиной метров десять, с двумя отдушниками в потолке. Внутри устроил три камеры: гнездовую, продуктовую и уборную¹⁰. Самая просторная – гнездовая. Кладовая и уборная – поменьше. Единственный вход в логово представлял собой овал размером тридцать на сорок сантиметров. Все приметные пеньки и неровности в окрестностях парочка пометила где мочой, где калом.

Под утро на свет появились три мокрых комочка, облепленных реденькими волосками дымчатого цвета. Малыши были слепы и совершенно беспомощны. Единственное, что они умели, – ползти на запах молока. Насосавшись, затихали у лохматого подбрюшья между теплых, широких лап матери. Пока они спали, Пышка тщательно вылизывала их.

Клык же поспешил на охоту. За ночь развиднелось. Снег под лучами солнца искрился так, что слепил глаза. Света много, но тепла еще маловато.

Обнаружив свежие следы косуль, Клык, размашисто «ныряя», пустился в погоню. Увидев росомаху, грациозные олешки, взметая снег, в ужасе бросились врассыпную. Прыгали врасстяжку, словно камешки-голыши по воде. Вычислив по частым, беспорядочным прыжкам самую слабую особь, Клык погнался за ней. Бежал без надрыва, ибо знал, что, как бы косуля ни старалась, наступит момент, когда она встанет.

Вначале поджарая козочка легко взмывала над снежной периной. Но с каждой минутой ее прыжки становились все ниже и короче. Острые кромки наста секли шкуру ног, особенно передних. На колотых льдистых пластинках появились алые пятнышки. И вот уже беглянка перешла на мелкий, путающийся шаг. Взмыленные бока колыхались часто-часто, язык вывалился от изнеможения. Последние силы покинули косулю. Она встала, опустила изящную головку, обреченно ожидая развязки. Сокрушительный удар по крупу опрокинул животное на снег... Клык отгрыз заднюю ногу и понес ее в логово.

Пышка, переполненная материнским счастьем, дремала в полутьме. У сосков, наполовину утонув в теплой, мохнатой шубе, сладко почмокивая крошечными ротиками, посапывали малыши. Розовые, с тонкой кожей животики сытно раздулись. Учув дразнящий аромат мяса, мамаша приподняла голову. Осторожно освободившись от сосунков, она с жадностью набросилась на еще не остывшую добычу. Насытившись, посмотрела на кавалера глазами, полными благодарности.

Через несколько дней шерстка у детенышей закурчавилась и приобрела кремовый цвет с темными крапинками на лапках. Малютки пока еще были вялыми, малоподвижными. Большую часть времени дремали. Просыпались лишь для того, чтобы отыскать в

⁹ Ягель похож на лишайник, но относится к грибам. Он очень богат белками.

¹⁰ Летом росомахи постоянных убежищ не имеют. С наступлением холодов устраивают временные убежища – неглубокие норы либо используют естественные углубления. Только перед родами они роют долговременные снежные берлоги, сходные с берлогами белых медведей. Длина туннеля к гнездовой камере может колебаться от пяти до тридцати метров.

густой шерсти упругий сосок и поесть.

Родители растили своих отпрысков по-спартански: щенки лежали без подстилки, прямо на голой земле. Старший был самым крупным среди них. Еще его выделял крутой, широкий лоб. Слезящиеся глазки только начали открываться, а он уже видел. Нечетко, но видел. Братья же еще с неделю были незрячими и находили мать – источник тепла и пищи – по запаху. Это преимущество помогало Лобастому опережать остальных в поиске самого щедрого на молоко соска.

Когда наконец прозрели и братья и стали посягать на его права, первенец злился и решительно оттеснял конкурентов головой. Если такой маневр не помогал, отпихивал лапами. Того, кто пытался огрызаться, Лобастый хватал едва прорезавшимися зубками за ухо и принимался теревить, таскать из стороны в сторону, урча сквозь стиснутые челюсти.

Средний брат, добродушный увалень, в таких случаях не сопротивлялся. Дождавшись конца трепки, продолжал делать намеченное. Больше всего доставалось последышу. Как только мать засыпала, Лобастый, набывчив голову, отжимал младшего к снежной стенке, не давая тому возможности вдоволь насосаться. Через несколько дней малыш до того ослаб, что так и остался лежать там.

Вернувшийся с охоты Клык обнаружил скрючившегося в углу камеры отпрыска, взял его в пасть, чтобы переложить к Пышке. Поняв, что детеныш мертв, вынес наружу и зарыл в снег.

Сосунки постоянно требовали молока и тепла. Поэтому Пышка редко покидала логово. Да и не было в том нужды – Клык исправно обеспечивал ее мясом. Однако вскоре он стал пропадать. Как-то на целых три дня. Рассерженная росомаха укусила его за ухо. Клык в ответ недовольно хоркнул стал отлучаться еще чаще. Пришлось смириться с охлаждением отношений. А малыши требовали все больше пищи.

Однажды перед уходом Клык так безучастно глянул на Пышку, что та поняла – он не вернется. Принесенной им зайчатины хватило ненадолго. За пару дней были раздроблены и сгрызены все скопившиеся от прежних трапез кости. Молоко у Пышки пошло на убыль.

Ребятня не наедалась. Будь в живых все трое, братьям пришлось бы совсем худо. Голодные вопли росомашат вынудили Пышку оставить малышей и идти на охоту. Следов, заслуживающих внимания, поблизости не оказалось: Клык основательно «зачистил» эту территорию. Удалось поймать лишь перебежавшую по снегу к куче валежин мышку.

Искать поживу надо было вдали от логова. Вскоче ей повезло: поймала двух зайчат. Голод утолила, но, чтобы накормить малышей, нужна была более крупная добыча. Росомаха обошла устроенные вместе с Клыком в пору изобилия «схроны», но они оказались пусты – бывший кавалер уже опустошил их. Пришлось вернуться к голодным детям и хоть скудно, но покормить их. Через день голод и недовольный писк отпрысков опять погнало ее на охоту. Теперь она отправилась за соседний отрог. Там в изголовье одного из распадков имелся часто посещаемый оленями соленный ключ.

При спуске с косогора ей почудился запах мяса. Принюхавшись, определила, что он доносится из пещерки, образованной елью, вывороченной с корнями. Проход в нее преграждали два толстых, ровно обрезанных ствола. Один из них лежал на земле, второй наклонно нависал над ним. В глубине, под сложенным шалашиком пластом земли, в полумраке виднелись кусок мяса и тушка рябчика. Добраться до этого богатства можно было только протиснувшись между бревен.

Подлетела сорока.

Чэп-щэп, чиррп-черек! Опасно! Опасно! – прыгая с ветки на ветку, беспокойно затараторила лесная болтушка.

Долго стояла росомаха в нерешительности. Она и без сороки понимала, что неспроста проход к мясу перекрыт бревнами. Еще раз тщательно принюхалась. Запаха металла не было. Нос улавливал только будоражащий аромат мяса. Тем не менее благоразумие взяло верх: Пышка продолжила путь к солончаку. Но тот не оправдал ожиданий – ни одного свежего следа. Последний – трехдневной давности. Тропить его не было смысла.

Что же делать? Ослабленной голодом росомаше тяжело было продолжать поиск добычи. А перед глазами постоянно всплывало обнаруженное на косогоре мясо. Выбора нет – детей надо кормить!

Вернувшись к странному сооружению, Пышка осторожно проползла в щель между бревен и, ухватив рябчика, тихонько потянула его на себя. В тот же миг на нее рухнуло что-то тяжелое. Раздался неприятный хруст. Пышка рванулась, но тело прожгла такая боль, что она на время потеряла сознание.

Очнувшись, росомаха попыталась выбраться из-под бревна, но задние лапы не слушались. Пышку охватил панический страх, однако материнский инстинкт быстро подавил его. Упираясь передними лапами в нижний ствол, она, раздирая шкуру, чуть-чуть продвинулась вперед. Еще чуть-чуть! Еще!.. Все! Шкура на крестце содрана, зато она на свободе!

Переведа дух, бедняжка попыталась встать, но задние лапы по-прежнему не повиновались. Она их даже не чувствовала. Росомаха торопливо съела рябчика, следом – кусок мерзлой оленины и, загребая снег передними лапами, поползла. Задние безвольно волочились следом. Сейчас все было подчинено одной цели: добраться до потомства!

Когда она ползла по склону вверх, за ней оставалась взбитая лапами бугристая снежная траншея. Зато вниз росомаха благодаря длинной гладкой шерсти скользила, оставляя за собой лишь неглубокий желоб. Самым трудным оказался подъем на террасу перед логовом.

Росомашата встретили мать жалобным скулежом. Напрягая последние силы, она подползла к ним. Почуввав тепло и запах молока, малыши зашевелились и, толкая друг друга, вцепились каждый в свой сосок. Насытившись и согрившись, они сладко засопели.

Через четыре дня Пышка околела. До последнего вздоха она кормила своих детенышей. Те еще долго жались к остывшему телу матери, яростно теребя холодные соски.

Продолжение следует

Ольга ШЕЙПАК, председатель Ульяновского регионального отделения
Союза писателей России

«НАШИ БОГИ СИЛЬНИЙШИ...»

Вспоминая Валерия Николаевича Ганичева

8 июля ушел из жизни Валерий Николаевич Ганичев – председатель Союза писателей России, заместитель главы Всемирного Русского Народного собрания, доктор исторических наук, автор знаменитых книг «Росс непобедимый», «Флотоваждь», «Державщина» и других. Православный мир знает его как инициатора канонизации русского адмирала Федора Ушакова. Главное же человеческое качество Ганичева – равнодушие к судьбе Отечества и к судьбам всех российских писателей.

О кончине любимого писателя и руководителя Союза писателей России Валерия Ганичева я узнала на своей малой родине, на Байкале. Скорбела и плакала, потому что с его уходом оборвалась целая эпоха, рухнул шаткий мостик, который соединял нас с тем временем, когда правительство России уважительно относилось к русскому писателю.

С Валерием Николаевичем Ганичевым я познакомилась в 2003 году, когда в Ульяновске широко праздновалось 200-летие Николая Языкова и приехала делегация из правления Союза писателей России. В ее составе был сам председатель, его супруга Светлана Федоровна, прозаик Николай Дорошенко и поэт Владимир Костров.

Меня подкупила доброта и открытость Светланы Федоровны, ее высокая образованность и интеллигентность. Когда через несколько лет пришла весть о ее преждевременной кончине, я искренне тяжело скорбела об этой замечательной женщине.

А вскоре я возглавила ульяновское отделение Союза писателей России и стала часто встречаться с Валерием Николаевичем. Он был опытным и мудрым руко-

водителем. Часто на пленумах и съездах Союза писателей цитировал Сергея Владимировича Михалкова, которого очень уважал, а потому старался сохранять михалковские традиции в правлении. А это, прежде всего, внимательное отношение к писателям, к молодым талантам, к проблемам на местах.

С Валерием Николаевичем у нас сложились теплые отношения. Каждый раз, приезжая в Москву на пр-т Комсомольский, я привозила свежий номер журнала «Карамзинский сад», а затем и «Симбирск». Как бы ни был занят Ганичев, встречал с радостью и всегда находил время для общения. Он не откладывал журнал в сторону – обязательно начинал его пролистывать и при этом комментировал публикации, высказывал свое мнение о том или ином авторе.

В моей памяти он останется добрым другом и мудрым начальником, человеком с беспокойным сердцем и блестящим чувством юмора.

В 2016 году Валерий Николаевич подарил мне свою книжечку «Всякая всячина», куда включил веселые документальные рассказы из жизни известных советских писателей. Я мгновенно прочла книжку, после чего стала часто цитировать отрывки своим друзьям и знакомым. У меня хранится несколько книг Ганичева, но по приезду домой, под тяжелым впечатлением от его кончины, я сразу же ухватилась за «Всякую всячину», чтобы успокоить сердце. Хотя и далека эта книжка от других произведений Валерия Ганичева, в которых он явил честное, искреннее служение Русской Церкви, но именно это легкое чтение убедило меня в том, что Валерий Николаевич снискал Царствие Небесное и ушел с миром.

На некоторых ее страничках захотелось вдруг остановиться, чтобы читатели «Симбирска» увидели Валерия Николаевича Ганичева совсем с другой стороны.

В советские времена каждый год проводилась Неделя детской книги, которая открывалась в Колонном зале Дома Союзов. Торжественно, шумно, весело. Агнию Барто окружили первоклассники, протягивали ей книжки, блокнотики, приглашения, чтобы она расписалась, дала свой автограф. Энергичная девочка, расталкивая других, прорвалась к Агнии Львовне, протянула бумажку, та расписалась – автограф был получен. Девочка отошла в сторонку, долго рассматривала надпись, потом так же энергично прорвалась к Барто и требовательно спросила: «Тетья, а зачем мне это нужно?» Агния Львовна пожала плечами. Да, на такой вопрос ответить нелегко.

Встретил я однажды знакомого приятеля, который работал в высокопоставленном аппарате. Поздоровался, увидел, что он как-то осунулся, стал не таким уверенным. Спросил его: «Что-нибудь случилось?» Он сказал: «Давай я тебе другую историю

расскажу. Знаешь, нередко к Мавзолею я поднимался по Красной площади, а там, помнишь, справа возле стен большой туалет находится. Там чисто, светло, цветы в горшочках стоят. Познакомились с уборщицей Марией Ивановной. Проходил там часто и заглядывал, но однажды мою знакомую там не встретил. А через несколько месяцев оказался на окраине Москвы, захожу в туалет, стены тюремной синей краской покрашены, на окнах решетка, пол грязноватый, да и мухи летают. Ба! А там дежурит моя знакомая. Я к ней: «Марья Ивановна! Как вы здесь оказались?» Она скорбно потупилась: «Интриги, батюшка, интриги». Я понял, для чего мой знакомый сию историю поведал.

Валентин Григорьевич Распутин человек серьезного, часто трагического, нравственного бытия. Но в отношениях с людьми он нередко тихо шутит. Одна из последних его мягких шуток, на вопрос: «Валентин Григорьевич, как здоровье?» – Валентин вздохнул и отвечал: «Да знаешь, я решил жить без здоровья».

В издательстве «Молодая гвардия» было много интересных людей с разными жизненными историями. Вот пришла к нам Мария Демченко. Она была известной свекловодкой, получившей 500 центнеров с гектара. За это Сталин лично вручил ей орден Ленина. Она рассказала поучительный случай. Получив орден, Мария приехала в село и сказала родителям: снимайте иконы, повесим портрет Косиора (был такой первый секретарь ЦК компартии Украины). Портрет Косиора повесили. Через год его арестовали и расстреляли. Батюка с вопросом посмотрел на дочь. Мария уже менее уверенно сказала: «Давай повесим туда портрет Постышева, который стал первым секретарем ЦК компартии Украины». Через год Постышева тоже арестовали и расстреляли. Отец вздохнул, пошел в чулан, достал иконы и, не злорадуясь, повесил их вместо Постышева, негромко сказав: «Ни, дочка, наши боги сильнейши».

Свою книжечку «Всякая всячина» Валерий Николаевич закончил воспоминанием о пленуме Союза писателей России, который проходил в Калуге: «...поселили нас в коттеджах за городом, где пели птицы. Когда я зашел в дом, то услышал, как кукует кукушка. И хоть при моих годах рискованно задавать детский вопрос, я не удержался и спросил: «Кукушка, кукушка, сколько мне лет осталось жить?».

Кукушка кукует, считаю: раз, два, три, четыре, пять... Ну, хорошо, думаю, а она кукует дальше: шесть, семь, восемь, девять, десять... Отлично! Она продолжает... Проснулся, а она все кукует... Так и я желаю всем читающим эту книгу, чтобы кукушка куковала вам долго и не уставая».

Наша справка:

Писатель Валерий Николаевич Ганичев родился 3 августа 1933 года в пос. Пестово Ленинградской области, ныне город Новгородской обл.). Окончил Киевский университет (1956). Возглавлял Союз писателей России (1994 – 2018). Не раз бывал в Ульяновской области, участвовал в Пушкинском празднике поэзии в Языкове, был в Карсуне, Прислонихе. В марте 2003 года приезжал в Ульяновск на празднование 200-летия Н.М. Языкова. Прозаик, публицист, автор исторических романов. Лауреат литературных премий им. А. Грина, С. Аксакова, Ф. Достоевского и др. Умер 8 июля 2018 года в Москве.

ИЗ РУИН ДУХА ВСТАЕТ РОССИЯ!

Карсунцы вспоминают Валерия Ганичева

Валерий Николаевич Ганичев несколько раз был гостем Ульяновска, посещал памятные места Карсунской земли, принимал участие в праздновании 200-летия Н.М. Языкова в 2003 году в составе большой московской делегации.

В газете «Карсунский вестник» (март 2003 года) описано это событие. «Празднование юбилея великого поэта приняло поистине всероссийский размах. Об этом говорит приезд высоких московских гостей, делегации Союза писателей России, в составе которой были Валерий Николаевич Ганичев – председатель Союза писателей России, профессор, академик, доктор исторических наук, заместитель главы Русского Народного Собора, С.Ф. Ганичева – профессор, Владимир Костров – поэт, секретарь Союза писателей России, лауреат премии им. Твардовского, им. Тютчева и др., председатель Международного пушкинского комитета, А.А. Парпара – лауреат Государственной премии, главный редактор «Исторической газеты», Н.И. Дорошенко – поэт, критик, главный редактор газеты «Российский писатель». Валерий Ганичев выразил благодарность карсунцам за то, что они свято хранят память о таких великих людях, как Языков и Пластов. И это важно не только для земляков, но и для всей России, для русской литературы». Гости побывали в музее Пластова, в местной церкви, в доме-усадьбе Пластовых, где обратили внимание на богатейшую домашнюю библиотеку... Позже московские писатели посетили село Кадышево вместе с Н.В. Нарышкиным.

Главным местом притяжения в дни юбилейных торжеств было село Языково. Гости увидели старин-

ный Языковский парк, пушкинскую ель, посетили языковские места. Валерий Ганичев сказал: «Спасибо Языкову за слово русское, за его стихи, за его служение Отечеству. Наша вина, что мы мало представляем величие и значение в литературе Николая Языкова. И мы низко кланяемся всем симбирянам, приложившим усилия к поднятию величия этого гения... Я впечатлен увиденным и услышанным и чувствую, что все это идет от этих просторов, от этой усадьбы, от этих прудов, от этого неба, от этой земли... Я внутренне набираюсь сил от этого величия. И представляю, как ехал сюда в карете Пушкин, как они сидели в гостиной, как лилась поэзия...».

Об истории создания Языковского парка, о барской усадьбе, пушкинской ели рассказала гостям директор музея Тамара Васильевна Алексеева. Валерий Николаевич Ганичев оставил запись в книге отзывов.

Из руин духа встает Россия!

И то, что совершаете вы, восстанавливая языковское духовное поле, вычищая истоки из которых бьют ключи прошлого достойно самой доброй оценки, низкого поклона.

Тамара Васильевна и все, кто трудится в музее – на вас великая миссия представить нам, русским людям Великого Языкова, его наследие. Спасибо администрации, строителям, садовникам, рабочим, научным работникам и всем добрым людям Карсунского района за память русского поэта, гражданина, патриота.

14.03.2003 года

Валерий Николаевич Ганичев среди участников торжеств, посвященных 200-летию Н.М. Языкова. Село Кадышево. У Поклонного креста. Март 2003 года.

Карсунцы откликнулись с душевной болью на известие о кончине Валерия Ганичева, многим памятна встреча с писателем.

Владимир Алексеевич Фролов, директор МКУ ДО Карсунская ДШИ им. А. Пластова, заслуженный работник культуры России, вспоминает:

«Самые теплые воспоминания у меня связаны с Союзом писателей России и лично с доктором исторических наук, профессором Валерием Николаевичем Ганичевым.

Первое знакомство произошло в 2000 году в селе

Кадышево Карсунского района, где я рассказал ему о школе искусств им. А. Пластова и показал холсты с детскими работами на сельскую тему. Потом были приглашения в Союз писателей, в Москву, где я провел одиннадцать выставок, а Валерий Ганичев отметил высоко нашу школу, вручив премию «Имперская культура» имени Эдуарда Володина «За служение Отечеству», а мне как директору ДШИ им. А. Пластова, – диплом лауреата премии «Имперская культура» «За сохранение и развитие русской художественной живописи». Память о В.Н. Ганичеве навсегда останется в сердцах наших учеников».

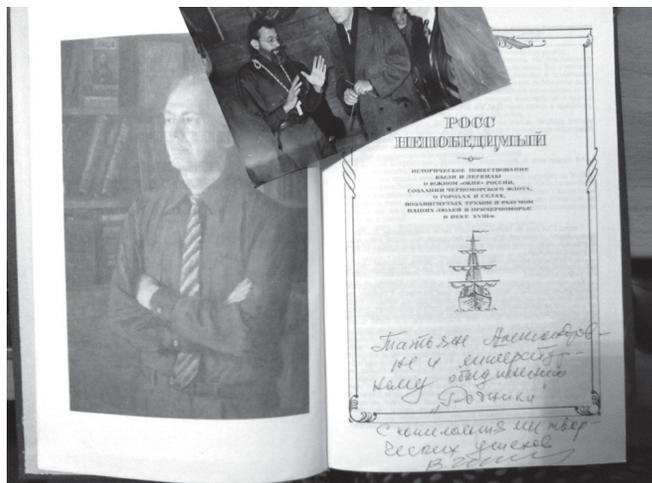
Татьяна ЭЙХМАН, член Союза писателей России, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова, руководитель Карсунского литературного объединения «Родники».

С ВЕРОЙ В РОССИЮ

В школьные годы и в университете, получая «Комсомольскую правду», читая каждую страницу, а затем используя материалы в дискуссиях и спорах, и не могла я подумать, что когда-то в своей жизни познакомлюсь с главным редактором Валерием Ганичевым. И мыслить не могла, что буду когда-то иметь возможность просто и доверительно вести беседу с автором книги о великом флотоводце Федоре Ушакове, которая была очень популярна среди книголюбов.

Прошли годы, Валерий Николаевич Ганичев, будучи Председателем Союза писателей России, прибыл на торжества, посвященные 200-летию Николая Михайловича Языкова. Высокий седовласый с ясным взором, он издали привлекал внимание каким-то благородством. Меня представили. Он был совершенно лишен чванства, улыбка мягкая, чистая русская речь. Я обратила внимание на то, что он внимательно слушал собеседника, умея выделить главное в сказанном. Накануне праздников в областном центре Валерий Николаевич посетил все замечательные места нашего Карсунского района. Всюду беседовал с людьми, сопереживал, старался запомнить все и всех. Я удивилась тому, как он умел вселить надежду, зажечь веру в хорошее.

Позже в Мемцентре я внимательно слушала его доклад, ловила себя на мысли, что Валерий Николаевич глубоко изучил творчество Языкова, продумал свое выступление, цитировал стихи, не потерявшие ни злободневности, ни красоты и точности русского языка. Валерий Ганичев приехал из Москвы не играть роль свадебного генерала на торжествах, а участвовать в представительном собрании людей, не равнодушных к Судьбе Отечества.

Книга В. Ганичева с дарственной надписью Татьяне Эйхман

Вспоминаю и свое посещение Союза писателей в Москве. Как при всей занятости он нашел время спросить, где я остановилась, нуждаюсь ли в помощи в московском пребывании, поручил своей помощнице напоить чаем, а дочери подсказал, что со мной можно переслать литераторам и школьникам подарок из книг и журналов, изданных в Москве. Принял из моих рук книги, привезенные из глубинки, интересовался библиотекой и музеями, не забыл мест, которые посетил в наших краях.

Но в ту встречу я узнала и твердость его характера. Видела, как он противостоял попыткам захвата здания, прибежища писателей, приезжающих в столицу со всех концов нашей огромной страны. Нисколько я не удивилась, когда узнала, что именно его Патриарх Московский и всея Руси Алексей II пригласил сотрудничать в качестве заместителя главы Всемирного Русского народного собора. Зная, как много сделал Валерий Ганичев для канонизации флотоводца Федора Ушакова, истинно русского православно-го человека, настоящего героя, защитника Отечества, я с радостью откликнулась на приглашение дочери Валерия Ганичева - Марины Валерьевны Ганичевой участвовать во встрече с участниками Ушаковского движения! Все это было, словно вчера! Берегу книги, подаренные мне автором огромной души человеком, русским писателем Валерием Николаевичем Ганичевым. Сколько там умных назиданий! Сколько горестных замет! Сколько болезненных тем! Сколько исторических героических страниц! Сколько веры в Россию!

Светлая память Валерию Ганичеву !

«ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ...»

50-й Пушкинский праздник в селе Языково

Почетный гость праздника
Л. Агамалян и поэт Т. Эйхман

Декоративная тарелка с изображением А.С. Пушкина изготовлена студенткой колледжа искусств, культуры и соц. технологий Татьяной Федоровичевой в подарок организаторам праздника. (Преподаватель Флегонтова Н.Н.)

Возле знака «Гений места»

В июне в селе Языково Карсунского района состоялся 50-й Пушкинский праздник.

«Многие годы здесь было родовое гнездо Языковых – одного из самых известных дворянских родов не только Симбирской земли, но и всей России. Я очень рад, что на праздник поэзии с каждым годом приезжает всё больше участников. Прибывают не только жители Ульяновской области, но и гости из других регионов. Пушкинский праздник в Языковском парке – это кульминация большой программы мероприятий», – сказал губернатор Сергей Морозов. Он вручил почетные грамоты и благодарственные письма организаторам и участникам юбилейного праздника поэзии.

В этом году праздник посетили около пяти тысяч человек. Здесь работали разнообразные творческие площадки с выставками картин, декоративно-прикладного искусства, мастер-классами, конкурсами, чтением стихов и играми. Гости праздника с интересом ходили на экскурсии по парку и музею «Усадьба Языковых».

В музейном комплексе «Усадьба Языковых» состоялось открытие выставки «Иллюстрации к сказкам А.С. Пушкина» из ФГБУК «Всероссийский музей А.С. Пуш-

кина». Почетным гостем праздника стала директор Литературного музея Института русской литературы РАН Лариса Агамалян (Санкт-Петербург).

Праздничную атмосферу создавали артисты, музыканты, самодеятельные творческие коллективы.

По традиции в Пушкинском празднике приняли участие ульяновские поэты и литераторы из других регионов. «Под Языковскую сенью» читали свои стихи Светлана Матлина, Валерий Кузнецов, Лев Нецветаев, Надежда Дунаева, Илья Таранов, Елена Кувшинникова, Петр Белов, Любовь Солдаткина, Светлана Рабани, Никита Красильников, гости из Пензы и многие другие.

Поэтическую площадку вела Татьяна Эйхман, поэт, руководитель литературного объединения «Родники», организатор конкурса «Друзья по вдохновенью».

Молодые ульяновские литераторы представили сборник «Новый Венец».

Кроме того, на празднике подвели итоги и назвали имена победителей XIII Открытого межрегионального литературного молодежного конкурса «Друзья по вдохновенью».

Участники конкурса «Друзья по вдохновенью»

Александра ШАДО родилась и выросла в г. Ульяновске. В 2013 году с отличием окончила детскую школу искусств №10 – авторскую школу А.Н. Додосова, где пела в концертном хоре. В 2014 году стала выпускницей гимназии №65 и в этом же году поступила на отделение академического вокала в МОБМК (Московский областной базовый музыкальный колледж) имени А.Н. Скрябина, который также с отличием окончила в 2018 году. Стихи и прозу пишет с детства. Александра, безусловно, одарена музыкально. Отраднo, что ульяновские выпускники поступают в столичные учебные заведения. Вместе с поиском своего пути приходит и желание выразить себя в слове. Это тоже проба, проба поэтического голоса. Желаем молодому автору раскрыть все свои таланты, пусть ведет по жизни музыка, ведь «девушке лира дана».

НАЧАЛО

УМОЛКШАЯ ЛИРА

В белоснежной пустынной глуши
Пела музыка, холодом грея,
И снега ей шептали: «Дыши...», –
Онемевшее тело лелея.

В бедной девушке не было зла,
И снега ее просто жалели.
Бедной девушке лира дана,
И за то ее люди презрели.

Ничего не просила она
И не пряталась за своей дверцей,
А лишь кротко молила: «Пурга,
Не морозь мое бедное сердце».

И холодные руки к губам
Подносила и грела дыханьем.
Но замерзшие льдинки-глаза
В сине-белых ресницах не тают.

Вдруг умолкла и лиры струна,
И прервалось у песни начало.
В тех серебристо-белых снегах
Бездыханная дева лежала.

АХ, НИЧЕГО СЕБЕ...

Ах, ничего себе – какое горе!
Как нервно брызжет слеза о скалы.
Эта слеза не подобна морю,
Эта слеза подобна началу.

Ах, ничего себе – какое горе!
Что-то гнетущее к сердцу ломится:
Да, я устала быть первою птицей,
Что отправляется к вам с весною.

Ах, ничего себе – какая участь –
Падать с прекрасного неба на землю!
Ах, ну зачем я ему тихо внемлю,
Не унесенная ветром могучим?

Ах, ничего себе – какая участь!
Она давно уже тут томится.
И, в окровавленном небе мучась,
Я перестала быть первою птицей.

Ах, ничего себе – какое счастье!
Светом из сердца оно струится.
Но, раскрываясь огненной пастью,
Глохнет мир вокруг без границы.

Ах, ничего себе – какое счастье!
Ведь было ж дано такому случиться:
Оно во мне словно солнце лучится!
Но его вмиг разобрали на части...

Ах, ничего себе – какая память –
Ждать не вернувшийся парус зимою!
Тот, что отправился в дальнюю заводь,
Встав на корабль с новой летней зарею.

Ах, ничего себе – какая память –
Плакать над каждой полученной меткой!
Это теперь для меня стало клеткой.
И не вернуть прямоты, не расправить...

Валерий КУЗНЕЦОВ, член Союза писателей России, поэт, доктор исторических наук. Предлагаем вашему вниманию очерк в традициях «Писем русского путешественника».

ПО СЛЕДАМ ДОНА ХУАНА АВСТРИЙСКОГО

Для меня в 1984 году имя Дон Хуан, когда я его впервые услышал, показалось странным. Произошло это на лекции по истории средних веков, а был я студентом второго курса исторического отделения. Преподаватель рассказывала нам об Испании при Филиппе II и упомянула о морском сражении при Лепанто, когда турецкий флот потерпел поражение от коалиции Испании, Венеции и Папского государства. Командовал христианским флотом как раз этот самый Дон Хуан.

Что странного в его имени? Ничего, но я (и, вероятно, не только я) привык к другим вариантам: Дон Гуан, как у Пушкина в «Маленьких трагедиях» или Дон Жуан, как в одноименной поэме у Байрона или в опере у Моцарта.

Но на непривычной транскрипции имени необычность не кончалась. Мало того, что он был Дон Хуан, так еще и Австрийский. Да, именно так – Дон Хуан Австрийский. Это уже прямо оксюморон (хотя тогда я такого слова не знал). Почему он австрийский, если он, судя по имени, испанец?

Странное имя не могло не запомниться. Много позже, уже преподавая средние века, я сам, пока был специалистом, успевал рассказывать студентам об этом необычном человеке с необычным именем. Прошли еще годы, и я своими глазами увидел места, связанные с его жизнью.

Начнем по порядку с его рождения в городе Регенсбург. В 1546 году император Священной Римской империи и король Испании Карл Габсбург (как император Карл V, как король Карлос II) прибыл в этот древний, основанный еще римлянами город.

Регенсбург

В Европе шла реформация и религиозные войны. В Германии, которая составляла ядро Священной римской империи, противостояли друг другу католики и лютеране, но в борьбе с императором-католиком объединились протестанты с католиками. Даже римский папа посылал свои войска против державного единоверца. Почему? По разным причинам никто не хотел усиления императорской власти.

Уже второй десяток лет Карл V воевал со своими немецкими подданными. Борьба была упорной и шла с переменным успехом. Городской совет (ратуша) Регенсбурга в 1542 году принял решение о переходе в лютеранское вероисповедание, но в тоже время здесь сохранялась резиденция католического епископа. Ситуация была шаткой. Карл, вероятно, надеялся своим визитом качнуть чашу весов в сторону католичества. Но война войной, а обед по расписанию. Визит императора и его свиты сопровождался пирами и пышными торжествами. Я не буду их описывать, так как они прекрасно, ярко, выпукло представлены в «Легенде о Тиле Уленшигеле» Шарля де Костера и в работе французского историка и искусствоведа второй половины XIX в. Ипполита Тэна «Философия искусства в Нидерландах». Желаящие, если не знакомы с этими книгами, могут их прочитать.

Карл и его окружение остановилось в лучшей гостинице города «У золотого креста». Будучи в Германии, я, естественно, не мог проехать мимо Регенсбурга, благо, что из Мюнхена, где я жил, туда удобно и недолго добираться на поезде. Приехав в Регенсбург, я сразу направился к этой гостинице (постоялому двору). Реальные старые дома вот такие, напоминающие советские панельные дома – простые коробки. Это

Постоялый двор у Золотого креста

время, когда ни о каком барокко еще не слышали, в готическом стиле просто дома не строились и фасады отличались аскетичностью.

Да, прошло без малого полтысячи лет, но здание все стоит. Это характерно для дальнезарубежной Европы – высочайшая плотность культурных ценностей, густота исторической памяти, щепетильное отношение к своему прошлому. Такая насыщенность настолько непривычна для жителя России, что порою просто теряешься от обилия больших и малых памятников культуры, различных интереснейших артефактов, от сочетания бережно сохраняемого старого (а им есть что хранить!) и динамично развивающегося нового.

Карл находился в 46-летнем возрасте, что по тем временам скорее считалось старостью, чем зрелостью. Это не помешало императору увлечься работавшей на постоялом дворе 18-летней дочерью шорника Барбарой Бломберг, а та не могла или не хотела отказать императору. Результатом этих недолгих встреч явилось рождение их сына. Произошло это в феврале 1547 г., когда Карл давно покинул Регенсбург. Назвали мальчика Хуаном. Об этом знаменательном событии повествует памятная табличка и барельеф Дона Хуана на здании бывшего постоялого двора.

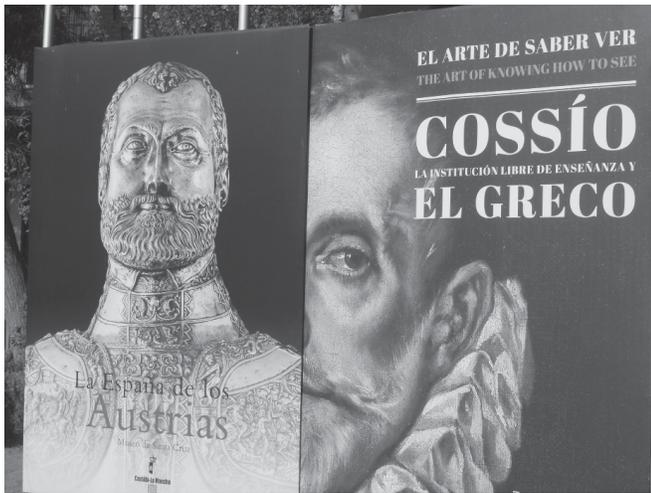

Памятный знак Дону Хуану Австрийскому

Жена Карла, Изабелла Португальская, умерла в 1539 году, оставив супругу трех детей. Вдовый император находил утешение в объятиях других женщин, имел несколько внебрачных детей, но Барбара будет последней из знаменитых его любовниц.

Регенсбургцы гордились своим уроженцем и поставили ему памятник. Расположен он недалеко от «Золотого креста», что и понятно. Дон Хуан представлен как победитель при Лепанто, торжествующий победу. На постаменте, помимо биографических данных, представлены две схемы этого важнейшего для Европы и мира сражения. Это также понятно. Дон Хуан и Лепанто – имена неразделимые.

Карл знал о рождении сына, которого в три года, отняв у матери, отправили на воспитание в Испанию. Собственно он там и стал Австрийским. Дело в том, что правящая в королевстве династия Габсбургов не являлась национальной. Отцом Карла был австрийский Филипп Красивый, сын австрийского эрцгерцога и будущего императора Максимилиана Габсбурга. Главным доминиальным владением Габсбургов являлась Австрия. Потому то испанцы и называли правящую династию австрийской. Название это сохранилось по сей день. Когда я был в Толедо, то в бывшем монастыре, а ныне музее «Святой крест» – «Санта-Круз» проходила выставка, которая так и называлась – «Испания при австрийцах», то есть Испания при династии Габсбургов.

Выставка «Испания при австрийцах»

Юный Хуан воспитывался в Испании в удалении от королевского двора, но Карл следил за жизнью мальчика, и когда тот вошел в отроческие лета приказал доставить его к себе. Здесь же отец открыл тайну рождения своему сыну. Хуан стал жить при императорском дворе.

Между тем власть все больше тяготила Карла. Он мечтал об единой христианской Европе, а ему все время приходилось воевать то с турками, то с христианами. Обладание огромной империей, куда входил также Новый Свет и другие недавно открытые земли (Филиппины и др.) не доставляло ему радости. В 1558 году он, отказавшись от всех своих владений в пользу сына Филиппа и брата Фердинанда, поселился в одном из испанских монастырей, где умер в этом же году.

Карл – фигура противоречивая, вся его жизнь – это драма, но советским людям он был известен как отрицательный персонаж, чему способствовала экранизация романа де Костера режиссерами А. Аловым и В. Наумовым «Легенда о Тиле», где императора талантливо сыграл И. Смоктуновский, представив его

Тициан. Портрет Карла V в кресле

как умного, но циничного и бездушного (а также и похотливого) человека и политика. Один из известных и лучших портретов Карла V кисти его любимого художника Тициана я видел в мюнхенской старой Пинакотеке. Там император представлен без всякой придворной пышности в виде человека, уставшего от людей и власти.

Новый испанский король Филипп II, который был на двадцать лет старше Дона Хуана, хорошо относился к своему сводному брату. Тот по завещанию их общего отца учился в университете города Алкала, чтобы стать богословом, но больше интересовался военным делом. Филипп не стал ломать юношу и согласился с военной карьерой Хуана.

Молодой Хуан удачно командует испанскими отрядами в борьбе с восставшими мусульманами Гранады. В Толедо, в упоминавшемся музее «Санта-Круз», находится портрет Дона Хуана примерно тех лет, с которого на зрителя смотрит красивый юноша.

Портрет Дона Хуана Австрийского

В 1571 году король доверил ему командовать объединенным испано-венециско-папским флотом, к которому затем присоединились корабли некоторых других итальянских городов и Мальтийского ордена, выступившим к берегам Греции против флота Османской империи. Турецкая угроза тогда была глав-

ным внешнеполитическим вызовом Европы. Турки рвались в Европу, стремились господствовать в Средиземном море. Они уже захватили Византию, Болгарию, Сербию, другие земли Балканского полуострова и стремились в центр Европы – в Венгрию и Австрию. Наиболее актуальной турецкая агрессия была для Габсбургов, так как османы непосредственно угрожали их владениям в Австрии, Италии и Испании. Угроза турецкого завоевания заставила признать власть Габсбургов чехов и хорватов. Шла борьба за Венгрию.

О том, насколько упорно проходило противостояние, можно понять по перечню событий, предшествовавших сражению при Лепанто. В 1565 году турки осадили Мальту, в 1569 году отвоёвали у испанцев Тунис, в 1571 году захватили Кипр.

В 1571 году в Ионическом море недалеко от греческого городка Лепанто произошло крупнейшее морское сражение того времени. С обеих сторон главным типом кораблей являлись галеры. Небольшой перевес в кораблях имели турки. В упорном сражении флот христианской «Священной лиги» под командованием Дона Хуана Австрийского одержал победу, значение которой современники оценили по достоинству. Турки потерпели первое крупное поражение, и только раздоры среди христианских государств не дали довести разгром Османской империи до конца (небезынтересно, что одним из испанских солдат в этой битве был Сервантес. Об этом подробно можно прочитать в познавательной и увлекательной книге Бруно Франка «Сервантес». Также интересно, что в этом 1571 году крымский хан Девлет-Гирей совершил поход в глубь России и сжег Москву, уведя огромный полон. Противостояние двух миров шло повсеместно от Западной до Восточной Европы).

Лепанто – это имя неоднократно сопровождало меня. Первый раз в Риме, где находится станция метро с одноименным названием (к сожалению, не сфотографировал), второй раз в Барселоне. В этом городе в кафедральном соборе Святого Креста и Святой Евлалии есть капелла Святого Креста Лепантского, где хранится распятие с корабля Дона Хуана Австрийского. Если присмотреться, то видно, что фигура Христа изогнута. Это следствие попадания в распятие ядра турецкой пушки.

Третий раз встреча с Лепанто ждала меня в Толедо, где в музее «Санта-Круз» экспонируется штандарт Дона Хуана Австрийского, который развевался на его корабле во время этого сражения. Оно огромно.

После Лепанто имя Дона Хуана Австрийского узнала вся Европа, а было ему тогда 24 года. Через год он освобождает от турок Тунис, и, более того, собирается создать здесь христианское королевство с собой во главе. Однако эти горячие юношеские мечты охладил Филипп II, который не желал такого возвышения сводного брата. Король отстраняет его от командования флотом и в 1576 г. назначает наместником Нидерландов. Это была сложнейшая должность. Нидерланды отказались от католичества в пользу кальвинизма и не желали иметь над собой жесткую власть неуступчивого Филиппа II. В стране громилась католические церкви, разворачивалось открытое сопротивление испанцам.

В то время понятие Нидерланды включали в

себя нынешние королевства Нидерланды и Бельгию. Центр деятельности Дона Хуана Австрийского проходил на территории современной Бельгии. Во время поездки по Бельгии я прошел по местам Дона Хуана. Это прежде всего Гент (город, где родился его отец император Карл V) и Брюссель, куда прибыл Дон Хуан из Испании. Если Брюссель достаточно сильно изменился с XVI века, то Гент сохранил свой аутентичный облик и там легко представить происходившие тогда события.

Если вначале нидерландцы встретили Дона Хуана Австрийского благожелательно, то затем дело дошло до вражды и боевых действий. Небольшие Нидерланды проявляли удивительное мужество и упорность в борьбе с Испанией, которая надолго увязла в этой стране.

Дон Хуан тяготился своей должностью. Ему нужна была не эта тяготящая и бесперспективная борьба с восставшим чужим народом. Слава все-таки вскружила ему голову. Он стал к месту и не к месту подчеркивать, что он сын императора, стал холоден к своей матери, любовницам и внебрачным детям, он мечтал любой ценой стать королем. Дон Хуан Австрийский хотел то предложить руку и сердце королеве Англии Елизавете, то стать мужем королевы Шотландии Марии Стюарт, имелись мысли занять и испанский престол. Он становился непредсказуемым, высокомерным и опасным для брата – короля. Тот с подозрением следит за Доном Хуаном. В 1578 году в Намюре (ныне Бельгия) Дон Хуан Австрийский умирает от неизвестной болезни. Было ему 32 года.

Надгробие Дона Хуана Австрийского

Последний раз Дон Хуан Австрийский «встретился» мне в Эскориале. Этот гигантский дворец-монастырь-усыпальницу возвели по приказу Филиппа II. Находится он примерно в часе езды от Мадрида. Филипп II устроил здесь усыпальницу своих предков, в дальнейшем здесь стали хоронить всех испанских королей и их родственников. Зал, где похоронены короли, в том числе и сам Филипп II, скромный, без всякой роскоши. Также просты, установленные один над одним гробы, где хранятся тела монархов.

Но вот в одном из соседних помещений покоится Дон Хуан Австрийский. Перед нами отдельно стоящий внушительный саркофаг. Даже после смерти Дон Хуан продолжил выделяться среди других.

ПО СЛЕДАМ ДОНА ХУАНА АВСТРИЙСКОГО

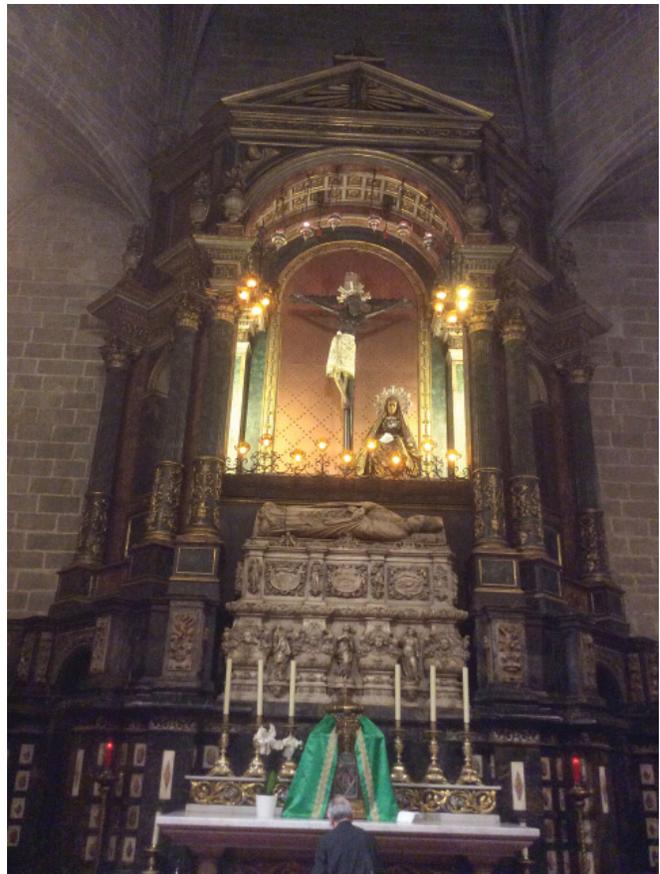
Музей в бывшем монастыре Санта-Круз

Памятник Дону Хуану Австрийскому

Барселона. Собор Св. Креста и Св. Евлалии

Христос Лепантский

Знамя Дона Хуана Австрийского при Лепанто

Гент

Брюссель

Эскориал

«ФОТОГРАФА СЧАСТЛИВЫЙ ДАР...»
Работы участников областной фотовыставки

Андрей Бородин. Сура

Руслан Махмуд-Ахунов. Покой

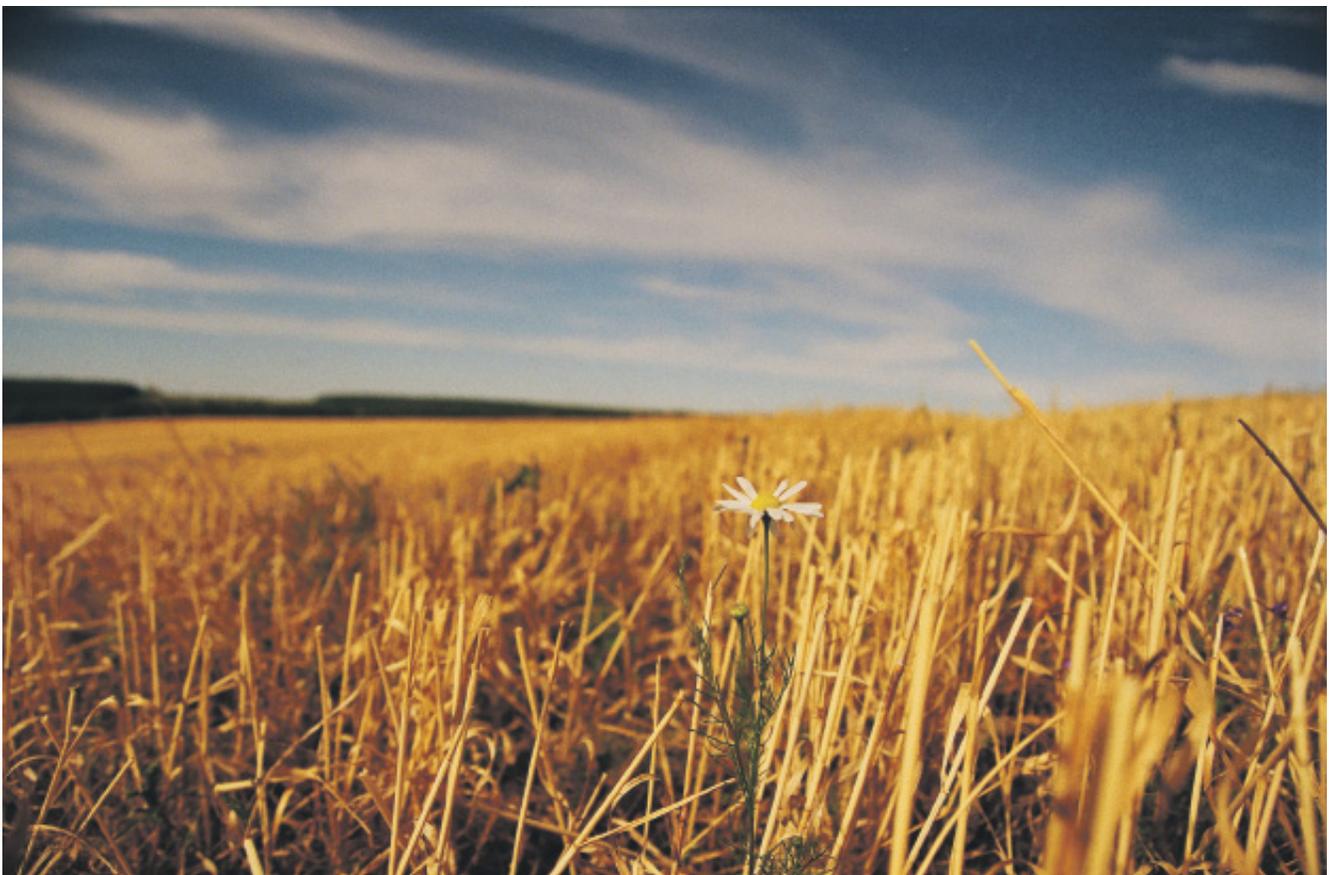
Виктория Чернышева. Love is...

Надежда Филиппова. Счастье

Владислав Никишин. Стадо

Александр Щегольков. Полюшко-поле. Пейзаж

ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК В С. ЯЗЫКОВО

В Языковском парке работали разнообразные творческие площадки, праздничную атмосферу создавали музыканты, артисты, самодеятельные коллективы.

Фотографии Натальи Обуденной

Губернатор Сергей Морозов вручил почетные грамоты и благодарственные письма организаторам и участникам юбилейного праздника поэзии.

Гости праздника Валерий Кузнецов и Лев Нецветаев

Акварим по мотивам Пушкинских сказок.
Мастер Эльвира Вервейн

Продолжение.
Начало см. № 7-2018

ЗВЕЗДЫ НАД БУЭНОС-АЙРЕСОМ

Фантастическая повесть

Часть вторая

За гранью веков

Паук медленно спускался вниз, зацепив нить паутины за колючку кактуса. Солнце освещало паутинку, и от этого она казалась необычайно толстой.

– Кактус, – прошептала Сима. Она лежала посреди нагромождения огромных камней. Сима вдруг вспомнила храм в Мачу-Пикчу, вспомнила все, что с ней произошло несколько минут, или часов назад:

– Неужели?! – Опираясь о камень, она встала. Мышцы ныли, словно Сима несколько часов подряд тяжело физически работала. – А Лиза? – вдруг вспомнив о сестре, в отчаянии крикнула она. – Где Лиза? – Сима попыталась, насколько это было возможно, осмотреться.

– Да здесь я, – ответил ей спокойный голос сестры, – мы у выхода из какой-то пещеры. Вон – и солнце светит, и кактусы. Только нет ни Мачу-Пикчу, ни людей, и вообще ничего нет. Я уже забиралась в пещеру и немного побродила по окрестностям.

– Она побродила. – Обходя камни, Сима сделала несколько шагов. Вот уж эта Лиза! И деда нет рядом.

– А Фернандо? – неожиданно вспомнив гида, она с испугом оглянулась назад.

– Фернандо тоже нет, – вновь ответила Лиза. – Мы одни.

Действительно, вперед, насколько хватало глаз, тянулись вершины горного хребта, но, судя по растительности и довольно прохладному воздуху, место, в котором оказались девочки, находилось довольно высоко – видимо, они попали на какое-то плоскогорье или высокогорную долину. Весь ближайший к ним горный склон довольно густо зарос странными деревьями: с тонких и словно покрытых чешуей и шерстью стволов свешивались шапки длинных жестких игл. Между ними виднелись кактусы с плоскими мясистыми листьями и торчащими во все стороны иголками и еще какие-то растения, такие же колючие, как кактусы с иглами, растущими из одного пучка. Солнце стояло почти над самой головой. Его лучи словно прожигали насквозь. Камни, у которых сидели девочки, были так раскалены, что казались красными от жара.

– И воды у нас нет, – тихо произнесла Лиза, – и есть нечего, и жарко. Что же нам делать?

– Сидеть здесь бесполезно, – немного помолчав, ответила Сима. – Все умные книги советуют не сидеть на месте, советуют выбрать какое-то направление и идти вперед. Здесь нам никто не поможет. Нужно идти, может быть, удастся выйти к людям. – Она немного помолчала, глядя на солнце, и негромко добавила:

– Лишь бы правильно сориентироваться...

– Только давай пойдем куда-нибудь на север, по-

дальше от жаркого солнца, и куда-нибудь вниз с этих гор, хорошо? – Лиза встала. – Пошли скорее. А то я скоро так захочу пить. – она запнулась, не договорив.

– Подожди. – Сима достала из кармана джинсовых брюк носовой платок и повязала им голову сестры. – Вот так, – улыбнулась она, – так будет лучше. Пошли.

Легко было сказать это «пошли». Усеянная камнями почва позволяла делать очень коротенький шаг. Приходилось тщательно высматривать место, куда поставить ногу – так много было этих камней и очень маленьких кактусов. Крошечных, едва заметных, но довольно густо усеивающих поверхность. Они напомнили о своем существовании почти сразу: одно неосторожное движение надолго остановило передвижение девочек, заставив идущую впереди Симу сесть на камень, сбросить кроссовок, отогнуть носок и, наклонившись к самой стопе, вытаскивать ногтями впившиеся в кожу малюсенькие иголочки:

– Смотри не пытайся брать в руки эту гадость, – кривясь от боли, постаралась скорее предупредить сестру Сима. Она знала упрямство Лизы, потому еще раз повторила:

– Не бери в руки. Около каждой большой иглы, наверное, десятка два маленьких и очень острых иголочек. Они впиваются в кожу так глубоко, что я никак не могу подцепить их ногтями.

Лиза промолчала – уже несколько минут она пыталась зубами вытащить из пальца эти иголочки – она уже, втайне от сестры, попыталась погладить маленький кактус.

Спустя добрый десяток минут, проведенный в борьбе с колючками, девочки пошли дальше, старательно обходя заросшие кактусами камни, искривленные стволы невысоких деревьев. Эти деревья чем-то напомнили им старинных, давно вымерших зверей: худых, с колючей, обросшей волосами чешуей и зубастой пастью. Им удавалось некоторое время как-то обходить деревья одно за другим, но чем ниже они спускались, тем гуще становился этот странный лес. Наконец, они остановились совсем – путь им преградила целая роща этих деревьев. Девочки решили вернуться, чтобы обойти внезапно возникшее препятствие, но едва они повернули назад, как тотчас потеряли ориентировку. Они в испуге вновь повернули вниз по склону, и скоро эти деревья, с торчащими во все стороны длинными, почти в полметра длиной иглами, обступили их со всех сторон.

– Сима, – втянув голову в плечи, прошептала Лиза, – мне кажется, что сок этих растений ядовит. – Глаза ее были широко раскрыты, и она уже готовилась закричать от страха, но Сима ее опередила. Она

провела ладошкой и по стволам, и по ветвям дерева – опробовала пальцем острие иглы.

– Это не так страшно, – сказала она, – по крайней мере, не страшнее обычного шиповника или сбившегося в клубок ежика.

Она взяла сестру за руку, улыбнулась ей как можно спокойнее и, стараясь не задевать острых веток, медленно пошла вперед. Лиза закрыла глаза, чуть втянула голову в плечи, но покорно пошла за сестрой, считая пройденные шаги. Так продолжалось несколько минут. Внезапно они остановились: удивленный возглас сестры заставил ее открыть глаза. Они стояли на самом краю узкой промоины, или неглубокого оврага, тянущегося вниз, куда-то к подножью склона. Промоина образовалась, видимо, в результате редких, но сильных дождей, время от времени выпадающих на склонах гор. По дну этой промоины шла хорошо натоптанная тропа, причем следы были довольно свежие: последние из них хозяева оставили, очевидно, час или два назад.

Заминка была недолгой:

– Пошли по тропе, – прошептала Лиза. – В первых, выйдем к людям, во-вторых, эта тропа ведет на север, подальше от солнца, а я уже так хочу пить... – она запнулась, готовая зареветь.

По тропе было идти легче: деревья теперь возвышались по краям оврага, склоны и дно его, похоже, состояли из серого глинозема. Нога вязла почти по щиколотку, но зато не было этих проклятых кактусов. Солнце поднималось все выше: казалось, сам воздух начал потрескивать от жары. Пить хотелось настоящему, а конца промоины не было видно.

«Если так дальше пойдет, – подумала Сима, – мы, пожалуй, не сможем идти дальше». Она взглянула на Лизу: сестренка держалась, но было видно, что силы ее на исходе. Внезапно Сима вздрогнула, с трудом сдержавшись от крика: она увидела мелькнувшее среди кактусов лицо. Секунду спустя уже ничего не было видно, но Сима готова была поклясться, что видела человека с темной, очень темной кожей, с белой повязкой на голове и копьем в руке.

Пока Сима стояла в замешательстве, вниз по тропе действительно бежал индеец, а спустя какое-то время он стоял перед главным жрецом Тлалока, Бога дождя и изобилия:

– ...Они белые, их кожа сверкает на солнце, словно вершина Звездной горы в разгар зимы, – он указал на вздымающиеся почти круто вверх склоны горного хребта. – Они не похожи на людей, – он ткнул себя в грудь, – они идут сюда, – сбиваясь и перескакивая с одного на другое, пытался он рассказать об увиденном им на тропе.

Жрец, который имел имя Махузох, что означало «великолепный человек», а также его помощник Золин молчали. Несколько дней назад до Ошитипана (именно так назывался город, где ему удавалось быть главным жрецом всю жизнь) дошла весть о странных белых людях, приплывших на облаке к берегам его страны далеко на юге. Это известие сильно озадачило жреца.

Махузоху пришлось пройти долгий путь от сына простолюдина до Главного жреца их города. Его отец, как каждый ацтек мечтал о воинской славе и почестях, которые выпадали на долю любого удачливого воина. Отец Махузоха участвовал походах и войнах,

но неудачно. Он вынужден был уйти из армии, посвятив себя клочку земли и семье. До конца дней он остался простолудином, которому никогда, до конца своих дней не разрешено уже было носить ни расшитую одежду, ни ювелирные украшения, являвшиеся у ацтеков наградами. Поэтому его сын Махузох не мог учиться в школе для детей знатных особ. С детства он панически боялся военных действий. Он не признавался в этом никому, но, когда другие юноши школы в нетерпении ожидали первой в своей жизни битвы, он – Махузох – надеялся как-то избежать этого. Он, так же, как и его сверстники, танцевал военные танцы, отрабатывал приемы рукопашного боя, но всячески искал для себя великий, но более спокойный путь. В самый главный час его раздумий и поисков, когда нужно было принимать решение о своей дальнейшей судьбе, случилось наводнение, во время которого Махузох спас Главного жреца Бога Дождя в городе Ошитипане. Тот случай, а также его необыкновенное рвение к служению богам помогли ему: Главный жрец взял его к себе в храм, превратившись в наставника.

О-о, он, Махузох, хорошо служил Тлалоку – древнему Богу дождя и изобилия, Богу, который защищает от голода и засухи здесь, в Ошитипане. Он изучил все признаки приближения дождя, чтобы вовремя провести все церемонии: он научился безжалостно отправлять на жертвенный камень не только добровольцев и пленных, но и неугодных ему людей. И ни разу не ошибся... Бывший наместник города прислушивался к его голосу и не делал ни единого шага без его совета. Нынешний наместник – молодой Куаутемок, дерзок и смел, но он, Махузох, отыщет тропинку и к его сердцу.

О-о, спокойная жизнь стоила ему немалых средств... Сколько только потребовалось времени и сил, чтобы свести на нет попытки прорицателей вмешаться в правление этой северной провинции государства, попытки разделить власть или заставить военачальника Ксипила замолчать и заниматься лишь выполнением его указаний.

И вот, похоже, его спокойной жизни пришел конец. Вести с побережья говорят, что тела появившихся на облаках белых людей также сверкают на солнце, а руки способны вытворять чудеса. Вести говорят, что пришельцы владеют громом. Предсказатели советуют направить против них войска, но он – вершитель судеб – будет действовать хитростью.

– Ты видел облака? – спросил он разведчика.

– Нет, Великий, они шли по земле, держась друг за друга, и я не видел облаков.

– Может быть, ты слышал гром?

– Нет, я слышал только треск ломающихся от солнца камней.

– Ты свободен, – опуская взгляд, произнес Махузох, – ты можешь идти.

Воин исчез. Жрец повернулся к своему помощнику, немного помолчал:

– Надо выслать им навстречу воинов. Будет лучше, если мы будем решать их судьбу, а не люди на улицах. – Он даже прищелкнул языком от досады – именно сегодня по всем признакам должен пойти дождь, он хотел объявить это всенародно как знак своей великой силы, и вот...

В тот самый момент, когда жрец отдал приказание воинам встретить гостей, девочки ступили на улицу города. Сначала закончились кактусы, затем

тропа превратилась в неширокую, мощенную камнем дорогу, бегущую посреди полей, засеянных кукурузой, картофелем и помидорами, а еще чуть позже они увидели людей с тяжелыми деревянными мотыгами в руках. Она даже приостановилась на миг: эти люди были одеты в набедренные повязки и накидки из грубой ткани. Сима даже закрыла и вновь открыла глаза, словно прогоняя сон. Нет, эти набедренные повязки не исчезли, а сами люди, увидев девочек, побросали мотыги и, держась чуть поодаль, пошли за ними, громко обсуждая что-то.

– Мы, похоже, попали к индейцам, – тихо прошептала Лиза. – Горбатые носы, темная кожа. Но одежда... Странно...

– Это точно, – подтвердила Сима, – и дома здесь какие-то странные, ни в Куско, ни в Кальентес мы таких домов не видели, – кивнула она на целую стену из домов, показавшихся впереди.

– Да, – кивнула Лиза, – белые какие-то. – она запнулась, увидев бегущих навстречу воинов, вооруженных легкими копьями и странными, похожими на мечи плоскими дубинками. Лиза в замешательстве схватила Симу за руку:

– Каменный век какой-то...

* * *

Улицы не было, дома роились в беспорядке, словно разбросанные по полу зерна кукурузы или гороха, но впереди, в самом центре, виднелись ступени, поднимающиеся над крышами и ведущие вверх, образуя при этом наклонную каменную лестницу.

– Пирамида... – облизывая пересохшие губы, едва слышно пробормотала Сима, – это настоящая пирамида...

– Пирамида, – повторила вслед за ней Лиза. – Видишь лестницу?

Сима кивнула:

– Видимо, там наверху находится храм.

Действительно, каменные ступени уступали место ровной площадке, на которой примостилось громоздкое квадратное строение, а вместе все сооружение представляло собой усеченную пирамиду, с правильными гранями и массивным основанием. Все это девочки увидели в самую первую минуту, затем им стало не до наблюдений: их окружила толпа. Никто не падал перед ними ниц, никто не возносил рук к небу, но каждый из этих босоногих людей, стараясь дотронуться до одежды или провести ладонью по обнаженным рукам девочек, пытаясь, то ли сравнить цвет кожи, то ли желая лично поприветствовать невесть откуда взявшихся незнакомцев. Они вскидывали вверх руку, показывая им раскрытую ладонь, и повторяли странно звучащие слова «микспанцинко» и «ошитипан». В результате девочки даже вынуждены были остановиться на несколько минут, но воины быстро образовали защитное кольцо и предложили юным спутницам продолжить путь к центру селения уже под защитой. Девочки же успокоились – кто-то из окруживших их людей оказался практичнее, протянув им небольшую тыквенную бутылку с водой. Пока девочки пили, несколько раз передавая бутылку друг другу из рук в руки, люди вокруг молчали, но едва вода закончилась, снова загомонили. Но это теперь не очень-то беспокоило сестер – после того, как они утолили мучившую их жажду, жизнь показалась

им довольно сносной.

– Что это – О-ши-ти-пан? – стараясь сохранить самообладание, произнесла Сима.

– Думаю, что скоро узнаем, – в тон ей ответила Лиза. – Скорее всего, так называется город, куда мы попали.

– Странное название... – начала было Сима, но опять замолчала. Было от чего: среди вооруженных людей, одетых в толстые хлопчатобумажные панцири, было несколько человек, наряженных в странную одежду из шкур ягуара и пумы, причем казалось, что голова владельца такого одеяния находилась прямо в раскрытой пасти. По бокам тел воинов свешивались лапы с когтями и деревянные щиты, тела были раскрашены разноцветным узором, который состоял из бесчисленных кругов и зигзагообразных линий. Даже сквозь краску было видно, что воины имели коричневый с медным отливом цвет кожи, лица же, горбоносые и чуть вытянутые, оставались непроницаемыми, хотя кое-кто из воинов время от времени поглаживал висящую на поясе плоскую дубинку, усеянную по краям осколками какого-то острого камня, или вытаскивал опять же каменный нож.

– Судя по всему, мы в Мексике, причем, в Древней Мексике, – облизывая губы, произнесла Сима. – Лица людей, цвет их кожи, растения, строения, оружие, – продолжила свои размышления Сима. – Видишь острые куски полупрозрачного камня, которыми отделаны края их боевых мечей? Это обсидиан, вулканическое стекло, а его использовали ацтеки – древние мексиканцы. Я читала об этом, да и в школе на уроках говорили. Вскользь, конечно, но все же.

– Ацтеки – это интересно... – в тон ей протянула Лиза.

– Чего уж интересного! Наверняка нас тащат в какой-нибудь храм на жертвенный камень или во дворец, где будет решаться наша судьба. Узнать бы еще, который здесь год...

– Это так важно?

– Еще бы. – Сима внимательно посмотрела на сестру. – Хотела бы я...

Сопровождающая их толпа вдруг заволновалась, зашумела, не дав ей договорить. Люди показывали на девочек руками и повторяли друг за другом какую-то фразу. Воины, невозмутимые и спокойные до сих пор, как-то напряглись, сжимая крепче оружие и беспокойно поглядывая то на окружающих их людей, то на девочек, то куда-то назад, на крыши домов и выше.

– Что случилось? – Сима, словно замороженная настроением толпы, тоже стала оглядываться и крутить во все стороны головой. – Что-то они забеспокоились...

– Тучи собираются, – кивнув куда-то назад, на горы, перебила ее Лиза, – похоже, будет дождь.

Действительно, на небе, чистом до сей минуты, внезапно появились серые тяжелые облака. Они быстро сгустились, опускаясь все ниже и ниже, подкрадываясь к солнцу, накрывая тенью склоны гор и улицы города.

– Ого! – не сдержалась Сима. – Действительно, похоже будет дождь! Но и мы почти пришли.

Улица, а точнее – настоящий лабиринт из домов, ибо никакой планировки девочки так и не увидели – вывела их на широкую квадратную площадь, в самой

середине которой стояла пирамида, выстроенная из круглого камня, умело спрессованного раствором. Складывалось впечатление, что камни сначала складывались друг на друга, выравнивались, чтобы получилась нужная форма будущего строения, а затем все тщательно проливалось раствором. С восточной стороны к вершине пирамиды карабкались широкие ступени, противоположная сторона оставалась сплошной, без намека на окна и двери.

Сама пирамида казалась невероятно тяжелой и угрюмой. Вокруг же были разбросаны дополнительные строения: смотровые площадки, к которым так же вели ступени и отделанные камнем тропы и проходы, алтари, а также площадка для игры в мяч, с каменными кольцами и местами для зрителей – вельмож и жрецов. Все эти тонкости взгляд девочек выхватило сразу, в несколько секунд. Они чуть замешкались, но замешательство их продолжалось недолго: один из воинов, видимо, старший, указал им вверх, предлагая ступить на лестницу. Там, на вершине центральной пятнадцатиметровой пирамиды, действительно находился храм, у массивного дверного проема которого стояли двое.

Девочки оглянулись. Толпа – и воины, и простолюдины – остались стоять, не смея последовать за ними.

– Вот ведь история, – крепко сжимая в своей руке ладошку сестры, пробормотала Сима, готовая ступить по идущей вверх лестнице.

– Выкрутимся как-нибудь, – уверенно ответила ей Лиза, – я только шнурок завяжу. – Она остановилась и наклонилась, чтобы завязать шнурок на кроссовке. Пальцы у нее чуть-чуть дрожали, она никак не могла завязать хороший узелок, а по своей привычке бормотала что-то вслух, время от времени поднимая голову и глядя на Симу. Толпа замерла. И действительно, со стороны могло показаться, что эта маленькая девочка молится, преклонив колени и поднимая взгляд к небу. Наконец, шнурок был завязан, и девочки начали восхождение.

По случайному стечению обстоятельств именно в этот момент на площадку, на храм, на стоящих людей упали первые капли долгожданного дождя. Толпа за спинами девочек зашумела, а Сима, внезапно что-то сообразив, обернулась, подняла лицо и руки к небу, словно приветствуя эту льющуюся с небес живительную влагу. Раздались возгласы удивления, восторга и даже страха. Дождь же с каждой секундой все усиливался, и, когда девочки достигли вершины пирамиды, превратился в настоящий тропический ливень.

Жрец был обескуражен и какое-то время стоял в оцепенении: дождь показался чудом и ему самому. Уже три недели он молился. Молился громко, на виду у народа, обещая долгожданную влагу, без которой мог погибнуть урожай, но солнце жгло и жгло землю беспощадно, не прислушиваясь к его молитвам. И вот наконец появление этих непонятных людей. Значит, сообщение, которое дошло до него несколько дней назад, оказалось правдой: действительно в их стране появились белые люди.

Махузох сглотнул слюну, едва сдерживая страх. Правы были прорицатели, предсказавшие скорую гибель страны. И этот дождь! Неужели могущество этих маленьких девочек сильнее его заклинаний?

Замешательство жреца было недолгим: он не был

бы Великим жрецом Бога Дождя, если бы не умел использовать любую ситуацию в свою пользу. Кроме воинов и простолюдинов перед храмом никого не было – видимо, весть о появлении девочек еще не дошла до Куаутемока – наместника города.

– Слушайте, люди! – громко закричал он, стараясь перекричать шум дождя. Глашатаи подхватили его слова, разнося их сквозь толпу. – Слушайте! Молитвы оказались всемогущими, и Солнце снизошло до нас, поглаз нам своих посланников вместе со священной влагой, ниспадающей с небес! Радуйтесь, люди! Ступайте домой и расскажите всем о великой силе заклинаний служителя Бога Дождя! – В ответ раздались громкие крики приветствия и благодарности Солнцу, жрецам и невесть откуда появившимся посланникам самого Солнца. Жрец еще некоторое время стоял, вознеся руки к небу. Струи дождя стекали с головы, текли по его рукам и плечам. Наконец, он поклонился стоящим внизу людям и дал знак об окончании церемонии приветствия посланниц. Люди и воины, не прекращая удивляться, разошлись.

Теперь они остались одни у ворот храма – девочки и жрец. Жрец молчал несколько минут, словно раздумывая, затем кивнул головой, приглашая девочек следовать за ним. Пройдя через квадратный дверной проем и перешагнув через порог, и сам служитель храма, и девочки оказались внутри довольно большой комнаты.

Грубо отесанные базальтовые стены уходили вверх, образуя нечто вроде квадратного свода. Посередине находился алтарь – своеобразное каменное ложе с углублением посередине и узкими канавками, ведущими с поверхности ложа вниз, к основанию. Свет попадал через узкое окно в восточной части храма, а в темное время суток, видимо, все помещение освещалось факелами. Нет, не все – часть храмовой комнаты была спрятана за тонкой каменной перегородкой.

Девочки остановились у алтаря, густо покрытого бурными пятнами. Сима мельком взглянула на сестру – но нет, та не догадывалась, что именно на этот камень укладываются жертвы. Сима вздохнула чуть спокойнее и перевела взгляд на жреца. Здесь, находясь один на один, она, наконец, могла как следует рассмотреть жреца – невысокого очень смуглого мужчину с цепким, непроницаемым взглядом и длинными волосами, спадавшими на плечи густыми грязными прядями. Эти пряди волос как-то не очень сочетались с длинным плащом из белой хлопчатобумажной ткани, спускающимся почти до щиколоток. Кажется, ничего неприятного или отталкивающего не заметила Сима в облике жреца, но она готова была поклясться, что жрецу не нравится их появление ни здесь – в храме, ни на улицах города. Может быть, виной тому было выражение его глаз? Или исчезновение того, второго человека, еще совсем недавно стоявшего рядом с этим жрецом?

– Ну что, – простояв так в полном молчании несколько минут, наконец, вымолвила Сима и сама удивилась тому, как легко она находит слова на индейском языке. – Может быть, мы что-то решим?

– Может быть, мы что-то решим, – в тон ей пробормотала Лиза, удивляясь не меньше сестры. – Цельный день мы в пути.

Жрец ничего не ответил, и если бы девочки мог-

ли читать мысли, они, пожалуй, не были бы так спокойны. Махузох умел скрывать под непроницаемой маской все свои мысли – и веселые, и радостные, и тревожные. «Видимо, они обладают очень сильной магией, – лихорадочно думал он, – и если не предпринять каких-то действий, народ отдаст им главенствующую роль в моем храме. Сейчас, когда с их появлением пошел дождь, самое время объявить их дочерьми Дождя, самое время совершить богоугодное дело, положив их на жертвенный алтарь. А до той поры они побудут у меня, и я успею разузнать секреты их силы. Вот только Куаутебок... Как быть с ним? Ему уже наверняка доложили».

– Я, Махузох, главный жрец Бога Дождя города Ошитипан конфедерации Анахуак, рад приветствовать дорогих гостей, – торжественно произнес он. Девочки облегченно вздохнули – установившееся было молчание начинало их тяготить.

– Мы также рады приветствовать Великого жреца, – произнесла в ответ Сима.

– Поесть бы, – перебив сестру, выпалила Лиза. – Есть очень хочется, путь был неблизкий.

Жрец улыбнулся:

– Конечно.

* * *

Смолистые факелы освещали убранство дворца правителя. Стены из кирпича-сырца были украшены циновками и цветами, вдоль стен стояли крытые тканью сплетенные из тростника корзины, в которых хранились одежда, ткани и драгоценности. Молодой наместник сидел, скрестив ноги, на подушке низенького стула у очага, глядя в огонь. Он гордился своей должностью. Это в его обязанности входило следить за тем, чтобы местные властители и племенные вожди проводили политику, соответствующую интересам Теночтитлана. Его звали Куаутебок, и он являлся родным племянником самого Монтесумы, был участником многих битв, считаясь заслуженным воином – «орлом», взявшим в плен четырех врагов. Здесь, в городе Ошитипане, Куаутебок служил второй год, и правление его было справедливым и достойным его великого дяди и прославленного отца. Сейчас он сидел у очага и смотрел на горящие угли. Высокая плетеная спинка стула позволяла откинуться назад, поэтому правителю было довольно удобно.

Сейчас он сидел перед мерцающим пламенем и думал. Он думал о Семпоале – городе на побережье. На том самом побережье, где высадились неведомые доселе белые люди. Кто они? Зачем? Откуда взялись? А переставшая торговать Семпоала? Как быть с ней? Мысли Куаутебока роились в голове, сменяя друг друга. Он вдруг начинал думать то о Теночтитлане – столице их государства, то о матери – сестре великого правителя, то вдруг прислушивался к голосам, доносившимся снаружи, – голосам торговцев и купателей.

Только что главный жрец Бога Солнца рассказал ему о внезапно появившихся белых девочках, о дожде, который они принесли с собой. Молчаливый слуга время от времени подбрасывал на угли кору, не дающую дыма, а Куаутебок сидел почти без движения. Далеко на востоке, на самом побережье на берег ступили белые люди. И жрец Бога Солнца, и военачальник Тлакатеки рады этому, считая, что наконец-то поя-

вилась возможность совершить много очень славных подвигов, воюя с иноземцами. Но ему – Куаутебоку очень тревожно.

Он чуть придвинулся к очагу и бросил на угли кусочек коры. Кора, сопротивляясь, свернулась на огне в жесткую трубочку, выпрямилась, замерла на миг, но вдруг вспыхнула ярким пламенем, плеснув огнем в глаза наместника. Куаутебок едва заметно усмехнулся – ему показались смешными усилия коры, но внезапно лицо вновь приобрело серьезное выражение: а что, если эта гибнущая в огне кора – они, жители Анахуака? – Куаутебок вздрогнул, затем тряхнул головой, словно отгоняя эту назойливую мысль.

– Нет, нет, – пробормотал он вслух, – воинов немало в стране.

Несколько дней назад ему – Куаутебоку – рассказали, что Семпоала – город, стоящий там, где высадились белые, на побережье, отказался торговать. Эту весть принес ему посланник сборщика податей, и она еще неизвестна никому. Куаутебок знал, что отказ торговать в его стране был своего рода вызовом империи, объявлением войны. Семпоала – небольшой город, и войско его слабое. Но что, если их решат поддерживать иноземцы? Что тогда? Его дядя – император Монтесума боится: он приказывает сжечь святилище бога Семпоалы без всяких переговоров и заставить их провозгласить волю Бога Солнца.

Монтесума боится: по древнему преданию со стороны большой соленой воды должны вернуться боги. Предание рассказывало, что в стародавние времена в том краю, где теперь простирается их государство, обитали странные люди. Они утверждали, что их родина находится далеко на востоке, за Большой Соленой водой и что на землю великих ацтеков их привели звезды. Те люди были очень странные, говорит предание: кто-то из них имел очень светлую кожу, а кто-то очень темную, черную, как ночь. Но все они как один были искусными строителями и воинами. Те люди учили предков Куаутебока строить пирамиды, точить камень, читать звезды и управлять народами. Но однажды, как гласит предание, те люди сели на большие лодки и ушли навстречу Солнцу, обещая когда-нибудь обязательно вернуться.

Кто знает? Обещали вернуться люди огромной силы и огромного роста, оставившие напоминание о себе на побережье, – огромные каменные головы. История об огромных людях известна не всем, это великая тайна. Как бы там ни было, посланник именно сегодня передал приказ императора идти в Семпоалу, чтобы наказать виновных, развязав Священную войну, а затем спешить в столицу на Большой совет. И он – Куаутебок, готов. Он уже выслал вперед своего тайного агента – Куолли, переодетого в торговца, он уже отдал приказ собираться воинам. Но вдруг еще одно сообщение об этих девочках...

Куаутебок резко встал, готовый отдать приказ отправить их в храм Бога Дождя для жертвоприношения, как того требовал жрец. Он уже было взмахнул рукой, подзывая посыльного, но на полуслове замер.

– Дождь, который они вызвали, вознаградит об их могуществе и великой силе, – пробормотал наместник в раздумье. Отношение к способностям человека и к его силе, воспитанное с детских лет взяло верх.

– Сила этих двух девочек велика, если им удалось вызвать дождь. Может быть, стоит узнать их получше,

прежде чем мы отправимся на побережье, – вновь вслух, словно разговаривая с кем-то, пробормотал он задумчиво. Он обернулся к дверному проему залы, в которой все еще горели угли его очага, и громко произнес:

– Пусть их доставят ко мне во дворец. – Он помолчал немного, и, видя, что воин, к которому он обращался, ждет от него уточнения, и закончил указывая на угли:

– Тех девочек дождя! Пусть их доставят сюда, к этому очагу.

* * *

...По тропе, натопанной сотнями ног, передвигался небольшой караван – несколько мужчин, одетых в набедренные повязки и плащи из хлопчатобумажной ткани. Каждый нес большую, доверху заполненную корзину. К верхним краям корзины был прикреплен кожаный ремень, который носильщики укрепляли на лбу. Оружия у них не было – было видно, что по тропе следуют не воины – не было в них той выправки и высокомерия, которое характерно для носящих оружие. Сутуловатые спины выдавали в них ремесленников – людей, чья жизнь проходит в бесконечной кропотливой сидячей работе. Лишь идущий впереди – мужчина, одетый в неброскую одежду – набедренную повязку, хлопчатобумажный плащ и шапку колпаком, надвинутую на самые брови, выделялся среди них широкими плечами и прямой спиной. Он даже посох свой – толстую, прямую палку – нес как копьё, хоть и старался придать своему виду покорность и безразличие. На плече у него висела длинная кожаная сумка, и ступал он твердо, как человек, точно знающий, чего хочет. Это была группа обычных странствующих ремесленников-торговцев, получивших разрешение на путешествие по приморским селениям.

Этот небольшой отряд находился в пути уже три недели и следовал к побережью в Семпоалу и Тахин, на знаменитые рынки этих городов. Вечерами, сидя у костра, ремесленники-торговцы подсчитывали возможную выручку и строили планы на ближайшее будущее. И никто из них не догадывался об истинной цели путешествия. Они не знали, что Куолли – предводитель каравана, которого они все знали как успешного торговца, – получил тайное задание от самого наместника Ошитипана, чьим доверенным лицом он являлся. И хотя Куолли спешил выполнить задание, он не нарушал традиции странствующих торговцев. В селениях, встречавшихся на пути, путники отыскивали постоянный двор и поселялись в нем на два-три дня. Они знакомились с обитателями и хозяевами постоянного двора и неизменно выходили на рынок. Они не садились группой, а занимали места в разных местах рынка, вытаскивали из корзин: кто-то – искусно ограненные изумруды, кто-то – разноцветные перья, умело мастера из них прямо на глазах снующих по рынку людей мозаичные украшения или плащи. Куолли же ходил от одного своего ремесленника к другому, устраивая сделки и незаметно поглядывая по сторонам.

К самому концу третьей недели пути они наконец подошли к Семпоале. Город оказался довольно большим, вытянувшимся вдоль побережья. Центр его, примостившийся на плоском берегу реки, занимали

две большие пирамиды, невысокие, но умело и основательно построенные из круглого камня, скрепленного цементом. Стена одной из пирамид – глухая и широкая, с гранью в семьдесят, а то и восемьдесят шагов – глядела на залив океана. Между пирамидами свободно уместилось место сбора жителей города, поле для игры в мяч, трибуны для зрителей и алтарь с жертвенным камнем. Здесь же, бок о бок с главной пирамидой, находился утопающий в садах дворец правителя. Городские дома окружали центр плотным бесформенным кольцом, разбредая широко в стороны вдоль узких каналов. Из-за высокой глиняной ограды дворца правителя время от времени доносился глухой рык ягуаров, крики птиц и рев обезьян: подобно правителю Теночтитлана, местный правитель завел себе зверинец. Это был вызов – в государстве ацтеков зверинец мог позволить себе только Великий Монтесума Второй, и Куолли понял, что недаром в Ошитипан была принесена весть о волнениях в Семпоале.

С самого утра он уходил в город, пытаясь выяснить все как следует. Внешне все было как обычно. Кропотливо работали ремесленники, целыми отрядами спешили на поля крестьяне, чинили дома и каналы рабочие. Лишь отряды воинов – многочисленные и хорошо вооруженные – уходили за город и целыми днями отрабатывали воинское искусство. Это было не принято в государстве – войско формировалось лишь на время войны. В мирное время воинов на улицах можно было увидеть лишь столько, сколько необходимо было для того, чтобы следить за порядком.

Куолли не спешил. За два дня он неплохо изучил подходы к дворцу правителя, изучил порядок смены стражи, старался незаметно подкармливать собак. Здесь, у дворца, он видел только бывалых и заслуженных воинов, принадлежавших к воинской элите, – воинов-ягуаров, вооруженных мечами, копьями и... метательными дощечками. При помощи этих дощечек воин мог метнуть копьё вдвое дальше. Куолли сам умело владел этим оружием, хотя отдавал предпочтение луку и стрелам – оружию, считавшемуся недостойным настоящего воина: ацтеки предпочитали встречаться с врагом, что называется, грудь в грудь. Главным результатом любой войны являлся захват пленников. Врага нужно было взять живым, и именно количеством плененных вражеских воинов исчислялись заслуги и мужество настоящего воина. Куолли видел, что охрану несут именно такие воины – опытные, видимо, побывавшие не на одной войне. Попади к ним в руки – наверняка закончишь жизнь на жертвенном камне!

Но Куолли тоже был не менее опытен, чем воины-ягуары, хоть и предпочитал пользоваться другим оружием. Он происходил с севера. Его дед – кочевник из полудикого племени чичмеков научил внука, как следует обращаться с луком – главным оружием всех кочевых племен. Еще будучи ребенком, Куолли научился ловко сшибать с веток попугаев и чешуйчатых голубей – небольших юрких птиц. И потом, став старше, он не забросил стрельбу, продолжая почти ежедневно практиковаться в этом нелегком, но красивом искусстве. Умение стрелять несколько раз спасало Куолли жизнь во время выполнения тайных заданий военачальника. Лук он непременно брал

с собой в каждый поход. Куолли изготовил для него специальный тайный чехол: выдолбил внутри посоха отверстие и помещал туда лук со снятой тетивой.

Как бы то ни было, к концу третьего дня Куолли решил на главную вылазку. Он тщательно подготовился, и, казалось, продумал все, даже путь возможного бегства. Куолли шел на большой риск: он понимал, что в случае поимки его вряд ли оставят в живых, хотя сейчас его больше беспокоила не собственная жизнь, а то задание, которое он должен был выполнить, и сын, который остался в городе. То, что ему довелось увидеть здесь – в Семпоале, подтверждало данные о желании местного правителя освободиться от влияния Теночтитлана. Но Куолли хотел знать намерения правителя наверняка, поэтому он и решил пробраться во дворец. Он долго раскрашивал лицо и тело: скорее всего, стражники знали друг друга в лицо и обмануть их можно было только при великой удаче. Но он должен был выполнить приказ военачальника. Он очень надеялся на свою почти врожденную хитрость, на годами отработанную ловкость. У тропы, ведущей на запад от города, он спрятал одежду торговца и оружие – обсидиановый нож и лук со стрелами.

Куолли дождался захода солнца и, прихватив короткую тяжелую палку, медленно пошел в сторону дворца. Он пересек центральную площадь, прошел мимо пирамиды и почти вплотную подкрался к стене дворца. Здесь он сел, прижавшись к большому камню, и замер, в ожидании полной темноты. Луна еще не взошла, на быстро темнеющем небе одна за другой проступали звезды. С каждой минутой они становились все ярче, тихо мерца в вышине, словно молча переговариваясь друг с другом. Было тихо – с заходом солнца жизнь в селениях государства замирала. Лишь за глухой стеной дворца слышались крики и рев животных и птиц зверинца и доносились мелодичные звуки музыки – спать во дворце ложились позже обычного. У входа во дворец слышались приглушенные голоса – это был обычный час смены стражи. Куолли знал, что следующая смена последует на рассвете, знал, что в целях собственной безопасности нужно было подождать в надежде, что внимание охранников притупится, но времени на ожидание не было.

Двое воинов охраняли вход во дворец снаружи, и еще один находился внутри, сразу же за дверным проемом. Воины охраны не стояли неподвижно – они прохаживались вдоль стены, то удаляясь друг от друга, то вновь встречаясь перед дверью. Куолли дождался, когда они чуть удалились друг от друга, снял сандалии, пригнулся к самой земле и, не спуская глаз с дверного проема, быстро пересек площадь, бесшумно ступая по пыльному ее покрытию, мысленно благодаря солнцу, иссушившее землю. В последнюю секунду стоящий в дверях воин вышел ему навстречу, то ли увидев мелькнувшую тень, то ли услышав какой-то шорох, но он не успел ничего предпринять – Куолли нанес ему удар тупым концом своей тяжелой палки прямо промеж ребер. Воин без единого звука повалился набок. Куолли снял с него плащ и шлем – искусно сделанную из дерева и материи голову ягуара, а самого находящегося без сознания воина быстро оттащил в сторону и прикрыл снятой со стены циновкой. Он не хотел проливать кровь – годы научили его ценить человеческую жизнь. Куолли надел плащ из шкуры ягуара и шлем, имитирующий голову этой огромной кошки так, чтобы клыки раскрытой пасти

закрывали лицо. Затем взял в руки копьё оглушенного воина и встал в дверях. Это было сделано вовремя – именно в тот же самый момент оба других стражника встретились у входа и даже заглянули внутрь. Куолли молча кивнул им и тотчас, не теряя ни мгновения, бесшумно скользнул в глубь дворца, туда, откуда доносились голоса. Люди там, видимо, спорили о чем-то или что-то шумно обсуждали. Он достиг большой комнаты, освещенной мерцающим светом смолистых факелов, и замер. Из темноты ему хорошо был виден низкий стол, на котором стояли полупустые золотые и серебряные тарелки и сидели шесть человек, видимо, самых знатных и влиятельных в городе – это было видно по их украшенной золотом одежде.

– ...белые люди любят украшения и золото, – услышал он конец фразы. Это был наместник Семпоалы – широкоплечий, но слегка погрузневший человек. – За золотом они пойдут куда угодно.

– С ними нам не будут страшны войска того, «кто хорошо говорит», – подтвердил сидящий напротив худой длинноволосый жрец.

– Может быть, нам удастся даже наладить с ними торговлю и больше не платить дань Теночтитлану? – осторожно вклинился в разговор смотритель торговых дел.

Лишь один человек молчал. Он сидел, задумчиво переводя взгляд с одного говорившего на другого, время от времени опуская голову и прикрывая глаза. Это был военачальник – опытный воин, прямой и честный человек. Главный сановник ждал ответа именно от него:

– Что скажешь ты, ведущий воинов?

Военачальник поднял голову и несколько секунд смотрел прямо в глаза сановнику.

– Слухи несут разные вести, – наконец, произнес он. – Говорят, белые люди имеют сильное оружие и крепкие доспехи.

Куолли весь превратился в слух, забыв о коридоре, забыв об оставленном у дверного проема оглушенном воине. «Значит, все правда, – подумал он, – значит, не зря я совершил этот длинный путь. Белые люди уже здесь».

– Их оружие оставляет страшные раны, которые очень трудно лечить, – продолжал между тем военачальник. – Еще говорят, они совсем не держат данного слова. Что если они заберут золото и обманут нас?

После слов военачальника наступила тишина. Лишь из-за ширмы продолжала доноситься музыка – флейты, рожки, морские раковины и свистки пытались поддержать ритм вертикальных барабанов.

– Нам нужен союз с Тлашкалой, – тихо, но уверенно произнес наместник.

Куолли при этих словах вздрогнул. Он знал, что сановником в ацтекском государстве не мог быть человек тщеславный и подлый – слишком уж высоко ценилась честь среди людей высшего круга, слишком хорошую школу они проходили. Слова наместника сейчас перечеркивали это понятие. Неужели они пойдут на обман? Он знал, что на западе, на самом пути в Теночтитлан осталась непокоренной Тлашкала – сильнее могучее государство. Тлашкальтекам удалось выиграть несколько битв с ацтеками, сохранив тем самым независимость. Да, они платят дань Теночтитлану, но это, скорее, не дань побежденного, а дар равному, ибо они сами выбирают, чем платить. Если они вступят в союз с белыми людьми, это будет

очень плохо, но если еще и Глашкала! «Нужно скорее рассказать об этом Куаутемоку, племяннику Монте-сумы», – подумал он, готовый уже броситься вон из дворца. Он оглянулся и прислушался. За спиной пока было спокойно и тихо. «Так, – почти про себя прошептал Куолли, – что там с союзом?».

– Ты пошлешь в Глашкалу отряд? – вновь обращаясь к военачальнику, произнес наместник.

– Нет, – медленно покачав головой, ответил тот. – Отряд, это слишком заметно. Пойдет один человек. Ты дашь ему сопроводительное письмо. Для этой цели подойдет...

Куолли не успел расслышать имени – там, позади у входа во дворец он услышал неясный шум и голоса. Куолли тотчас двинулся к выходу. Как раз в это время двое воинов охраны, отбросив в сторону циновку, поднимали на ноги того оглушенного стражника. Один из охранников, увидев внезапно появившегося врага, бросился тому под ноги, и Куолли упал в узкий проход. Второй стражник тотчас навалился сверху, закручивая назад руки.

Спустя несколько минут он уже стоял в одной набедренной повязке, связанный перед теми самыми людьми, разговор которых слышал совсем недавно. А еще через несколько минут он уже знал, что на рассвете он будет принесен в жертву Солнцу. Жрец Бога Солнца настоял на этом, и смерть свою Куолли должен был принять в схватке с четырьмя сильными противниками.

Всю ночь он просидел связанный у главной пирамиды города. Он видел отправившегося в путь гонца, видел воинов, готовых двинуться в поход по первому зову. Звезды постепенно гасли, уступая место встающей из-за гор заре. Он понимал, что теперь никто в Ошитипане не будет знать правды, но он понимал также, что удостоен чести умереть в бою. Обычно жрецы поили приговоренного к смерти особым отваром, который делал человека безразличным ко всему, даже к собственной жизни. Тогда его укладывали на алтарь и обсидиановыми ножами вскрывали грудную клетку. Сердце же бросали на алтарь в дар Богу Солнца.

Он – Куолли – удостоился чести умереть в бою. Он еще раз посмотрел в сторону восхода и встал на ноги. Тотчас, словно по его желанию появилась группа жрецов и воинов. К нему подбежало несколько человек, сняли веревки и повели на площадку перед главной пирамидой, заполненной жрецами и воинами. Здесь его привязали за пояс к большому камню и вручили деревянное оружие.

Он еще раз обвел взглядом стоящих вокруг людей и даже услышал доносящийся с восточной стороны города шум прибоя. Там, над заливом, всходило солнце. Вот его лучи скользнули по воде, затем осветили храм на вершине пирамиды. Куолли сжал в руках плоскую деревянную палицу. Еще миг и четверо хорошо вооруженных воинов бросились на него. Куолли перестал что-либо видеть – он уворачивался, отбивал удары, снова уворачивался. Веревка мешала – дважды он падал, спотыкаясь об нее, но оба раза чудом оставался в живых. На что он надеялся – он и сам не знал, но в голове вертелась одна мысль: ему во что бы то ни стало нужно было сообщить все, что он успел услышать в Семпоале. Уже кровь появилась на его теле – копье одного из воинов сильно оцарапало

бок, палица другого из воинов коснулась его головы, оставив широкую кровоточащую ссадину. Почти иссякали силы, но Куолли продолжал сражаться – он слишком любил жизнь. Внезапно он почувствовал, что веревка, до сих пор плотно державшая его, ослабла – это копье одного из воинов случайно перерубило ее. Куолли низко пригнулся и рванул вперед, прочь от воинов, прямо на стоящую перед ним толпу. Сильным толчком он отбросил в сторону одного, оставил свою палицу в руках другого воина и под пронзительные крики выскочил на площадку перед пирамидой.

Солнце светило всюду. Оно уже успело подняться над листьями пальм высоко. Площадь ожила – воины, словно очнувшись, бросились вслед, и теперь за Куолли со всех ног бежало не меньше двадцати воинов. Они выстраивали полукруг, пытаясь отрезать его от улиц, ведущих к побережью, взять его в кольцо. Но он не зря все эти дни изучал город. На ходу сбросив обрывок веревки, он выскочил на самый край неширокого канала, огляделся вокруг и нырнул в воду, стараясь укрыться в заросших тростником его берегах. Он сделал это вовремя – целая группа воинов выскочила вслед за ним на берег и, помедлив несколько мгновений, разбежалась вдоль канала. Куолли облегченно вздохнул – его не заметили. Стараясь почти не прикасаться к воде, он постарался отплыть как можно дальше от этого места. Дважды рядом проходила лодка, и ему с трудом удалось не запутаться в широкой сетке – люди старались выловить хоть немного рыбы для обеденного стола. Мясо у ацтеков считалось роскошью и добывали его в основном только на охоте: если охотнику везло, он мог принести домой дикую свинью – пекари или оленя, хотя чаще всего его добычей становились кролики, суслики и птицы. В каналах и озерах, на берегах которых обычно выстраивались города, люди занимались рыболовством, а также собирали многочисленных насекомых – личинок и муравьев. И вот эти люди в лодках пытались выловить рыбу.

Несколько раз он видел вооруженных воинов или слышал возбужденные голоса – видимо, поиски его продолжались, но ему все-таки удалось дожидаться темноты. Он сильно замерз, и когда, наконец, наступил вечер, и ему удалось выползти из воды, он долго не мог сделать ни шагу – мышцы казались скованными холодом и совсем непослушными. Куолли долго растирал все тело пучком травы, не забывая осматриваться по сторонам. Наконец, он почувствовал, что кровь вновь побежала по телу, горячая и быстрая, и вновь он мог полагаться и на свое тело, и на ставшую легкой голову. Стараясь ступать как можно тише, Куолли направился вон из города – туда, где он оставил одежду и оружие. Он вовремя добрался до тайника: едва он успел завернуться в плащ, едва успел сунуть за пояс нож, едва успел надеть на лук тетиву, появились воины. Их было немного, и они не знали наверняка, что преследуют беглеца, но ему опять пришлось бежать. Когда город остался позади и тропа поднялась по горной тропинке в невысокий перевал, воины почти настигли его. Но сейчас Куолли был вооружен: трижды он натягивал лук и трижды его стрелы находили цель, сбрасывая с тропы преследователей, а затем луна, до этого светившая ярко, скрылась за плотными облаками, остановив преследователей и дав возможность беглецу оторваться от погони...

Молодые голоса

Нина ЯГОДИНЦЕВА, секретарь Союза писателей России, профессор Челябинского государственного института культуры

ВЕСНА, ВОЛГА, ПОЭЗИЯ

17-18 июня в Ульяновске в рамках 40-го Гончаровского праздника состоялось Всероссийское совещание молодых писателей «На родине Гончарова».

Я так давно мечтала побывать в Ульяновске – здесь жили мои предки по материнской линии, и, когда я записывала воспоминания мамы о детстве, уже представляла, воображала эти края... Но, как бывает, действительность превзошла все мои ожидания.

Получив приглашение поработать руководителем семинара на Всероссийском совещании молодых писателей «На родине Гончарова», в первую очередь, еще в Челябинске, я обратила внимание на прекрасно подобранный первый поэтический семинар. Я была рада вести его вместе с симбирской поэтессой редактором журнала «Симбирскъ» Еленой Кувшинниковой.

Большое впечатление произвела встреча писателей с губернатором Ульяновской области Сергеем Ивановичем Морозовым на открытии совещания в музее И.А. Гончарова. Губернатор уделяет особое внимание вопросам сохранения и развития литературных традиций, и забота его о молодой литературе – залог того, что традиции эти будут продолжаться.

С приветственным словом обратился к участникам совещания Николай Федорович Иванов, председатель правления Союза писателей России. В программе совещания были самые разнообразные мероприятия, творческие встречи в библиотеках города (нам выпало побывать в Пушкинской – имя Пушкина остается культурным паролем по всей стране). Участники совещания присутствовали на вручении международной премии имени Гончарова. Строгая, лаконичная и в то же время яркая и торжественная церемония стала одним из эмоциональных акцентов этих дней.

Но основным рабочим событием, конечно, были творческие семинары поэзии и прозы, которыми руководили Н.И. Дорошенко, С.С. Куняев, О.Г. Шейпак, Е.В. Кувшинникова, Е.С. Мартынова (Данилова), Г.В. Шувалов, К.К. Сейдаметова, Е.В. Декина, А.Н. Тимофеев.

Из многих регионов России приехали на совещание молодые авторы. Могу сказать, что нам очень повезло с нашим семинаром (участвовали молодые поэты Е. Мельников, Ж. Кобзева, А. Лошкарев, В. Долматова, В. Ванюков, С. Скуратовский, М. Бессонова, Е. Марченко, С. Рыбкин). Во-первых, все прочли под-

борки своих коллег. Поэтому все и приняли участие в обсуждении. Во-вторых, критика была взвешенной, в первую очередь отмечались удачи, потом уже речь шла о том, что не получилось. Лучшие подборки молодых будут опубликованы.

В подарок я получила номер журнала «Симбирскъ» с моими стихами. Впервые я увидела этот журнал еще в Москве, на съезде Союза писателей России, и удивилась его своеобразному облику: с праздничной радостной обложкой, изящной версткой. Понимая, какой труд стоит за видимыми легкостью и изяществом, я не могла не порадоваться тому, что поддерживает издание руководство области – ведь именно литературные журналы сегодня «просеивают» литературный поток через частое сито и отыскивают «золотники», которые со временем составляют славу края.

Отдельно хотелось бы отметить и еще один момент – организаторскую работу Александра Дашко, активного члена Совета молодых литераторов, а также поблагодарить всех организаторов этого события. Итоговое заседание проходило в Торжественном зале Дворца книги. Здесь было объявлено, что Ульяновск и впредь будет собирать молодых авторов на литературную учебу.

Спасибо, гостеприимный Ульяновск, за щедрое летнее солнце, похожую на море бескрайнюю Волгу, за радость творческого общения, за молодые таланты, которые внушают уверенность в будущем нашей культуры и нашей страны!

Участники поэтического семинара: Евгений Мельников, Сергей Скуратовский, Мiroслава Бессонова, Александр Лошкарев, Владислав Ванюков, Елена Марченко, Вера Долматова, Жанна Кобзева.

В первом ряду: Е. Кувшинникова, Н. Ягодинцева, Г. Анисимова.

Александр ЛОШКАРЕВ, г. Липецк

РАДИ ГОРСТИ ВНЕЗАПНЫХ СТИХОВ...

ЗИМА

Пластинка солнца отзвучала –
Затихли звуки.
Зима берет свое начало
В осенней скуке,
Пытаясь обелить, быть может,
Наш мир пропащий,
В котором горе горе множит,
И не иначе.
Среди развала и забвенья,
Подобно вспышке,
Зима – минута облегченья
И передышки.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

Сохрани, если хочешь, в альбоме
Эти сумерки и фонари –
Мне сегодня и нечего кроме
Мокрых улиц тебе подарить.
А в провинции сумрачней осень,
Тяжелей ее пристальный взгляд...
Извини, что я слишком серьезен –
Я в несчастьях твоих виноват.
Через время дойдут отголоски
Этой правды, как стон или вскрип.
Обними лучше город неброский,
Что известен цветением лип.
Может, станет немного теплее
В позабывшей про нежность груди...
Мы идем по пустынной аллее,
Но не спрашивай что впереди.

* * *

Под бледной желтизной заката
Так мало значит, в самом деле,
Что я любил ее когда-то,
Что эти чувства облетели...
Оставив сердце под замком и
Забыв ключи, захлопнув двери,
Я вновь скитаюсь по знакомым
С различной степенью доверья.
Я – павший лист, что долго кружит,
Ища приют в сырой ложбине,
А потому искать не нужно –
Кто виноват, а кто – невинен.

ЗИМНИЙ ГОРОД

Зимний город. Истоптанный снег,
Как скрипучий надорванный смех...
И глаза ты отводишь устало,
И уже, не считая бокалы
В громыхающей нервной пивной,
Остаешься зачем-то со мной...
Мой придуманный мир охраняя,
Как апостол с ключами от рая,
Не пуская в него дураков,
Ради горсти внезапных стихов.

КОНЕЦ ЛЕТА

Сгорают над городом август-свеча,
И лето к вокзалу бредет, бормоча
О сжатости сроков, о чем-то еще,
Прохожих едва задевая плечом...
...Среди багажа долго ищет билет.
Встречающих – нет. Провожających – нет.
Качнулся со вздохом скрипучий вагон,
Полночные ветры задули огонь.

* * *

Отчаливаем от отчаянья,
доверив паруса ветрам,
мы – незатейливо печальные
герои повседневных драм,
подъездных баек или опусов
на стенах заспанных домов,
выходим в океан без компасов
и без надежды на любовь.

Но нет причин на это сетовать
и сокрушаться об ином –
нам жизнь сама еще неведома
и смерть – отрывок из кино.

* * *

Подъезд, заплеваные лужи,
и непромытое окно,
петля, скрипящая недужно,
петля, манящая давно.
И в комнате бардак недельный,
и неустроенность в душе...
На крае скомканной постели
на предпоследнем этаже,
надежду вознестись над глушью,
подняться над самим собой
стихи, наваливаясь, душат
своей массивной пустотой.

ПОВСЕДНЕВНОЕ

Жизнь колотится птицей остервенелой в окно,
и о ребра стучит, обезумев, проклятое сердце.
А меня все куда-то зовут и, не дав оглядеться,
приглашают к столу, говоря о пустом все равно.
За блестящей рекой серый дым выдыхает завод,
дым среди облаков изовьется вдруг змеем аптечным...
Если б кто-нибудь знал, до чего суета быстротечна,
скоро птица моя с подоконника прочь упорхнет...

* * *

Сентябрь ознобом в городке,
где сквозняки между домов
Тебе гадают по руке на несчастливую любовь
И покупают зори щек
за горсть блестящего вранья,
Спокойно закрывая счет, себя ни капли не вина.
А остальное – просто дым слегка горящих сигарет
И утро, полное воды, где правды не было и нет.

Елена МАРЧЕНКО, г. Омск

ОТМЕРЬ, КУКУШКА, СЧАСТЬЯ МНЕ...

* * *

А на улице, посмотри,
 Март и мыльные пузыри,
 Их мальчишка лет девяти
 Выдувает мечтательно.
 Вместо первых весенних птах
 Отраженьем в больших глазах
 Счастье в радужных пузырях
 И любознательность:
 Как становится вдруг пузырь
 Ровным и в высоту и вширь?
 Пролетит ли через пустырь
 Или лопнет дорогою?
 Он хохочет, и звонкий смех
 Разливается по весне
 И улыбкой наивной всех
 Проходящих трогают.

* * *

Шагаю к тебе, поднявшись на кончики пальцев,
 тянусь всей душой.
 На улице звонкой капелью март осыпается
 с хмурых карнизов.
 Весна – это время влюбляться
 и, сняв капюшон,
 Смотреть, как в небесную высь
 возвращаются птицы.
 Я прячу перчатки, вручаю ладони тебе,
 дороги плывут.
 Луч яркого солнца на черном пальто оставляет
 теплые пятна,
 И я застываю в блаженстве
 коротких минут,
 Наполненных светом, тобой
 И дыханием марта.

* * *

Солнце спряталось, день удивительно пуст.
 Я пойду и куплю желтый шарик воздушный.
 Отпущу в небо серое с ним свою грусть –
 Пусть летит, отражаясь в разлившихся лужах.
 Не беда, что так пасмурно – лишь бы весна!
 Даже если прогнозы дожди обещают,
 Я в тебя, мой апрель, все равно влюблена,
 Я тебе непогоду и слякоть прощаю.
 Яркой точкой игривой пронзив облака,
 Улыбается шар и кричит ветром свежим:
 «Ты меня отпустила – спасибо! Пока!
 Я на солнце похож?» Отвечаю: «Конечно!».

* * *

Жарким дыханием мне в плечо,
 Зноем по позвонкам на шее –
 Так упоительно горячо,
 Так восхитительно сердце греет...
 Щедро июнь разбросался теплом,
 Спелой клубничкой ладони испачканы,

Просто не думаю ни о чем
 И хохочу, потому что счастлива.
 Солнце, рассыпавшись на лучи,
 Гладит меня по веснушкам рыжим,
 Слышу, как ярко оно звучит –
 Лето на раскаленной крыше.

* * *

В детстве забот-то было:
 Ссадина на коленке,
 Вдруг расплелась косичка,
 Мячик пропал в траве.
 Я все вокруг любила,
 Кроме молочной пенки,
 Запаха жженных спичек,
 Йода и сна в обед.
 Так поскорей хотелось
 Вырасти – взрослым проще,
 И интересней даже –
 Взрослые могут все!
 Выросла, повзрослела,
 Ссадины стали больше,
 Йод перестал быть страшным,
 Жалко, что не спасет.

* * *

Пролился дождь на жаркий луг.
 Июньский полдень пряный. Душно.
 По травам босиком бегу
 В тенистый лес кукушку слушать.
 В слегка растрепанном венке
 Дрожат пугливые ромашки.
 Что мне отмерено и кем?
 Я звук ку-ку ловлю бесстрашно.
 Пять, десять, двадцать, пятьдесят,
 Один, два, три... собьюсь со счета,
 А надо мной ку-ку летят
 Как будто вечность дарит кто-то...

Отмерь, кукушка, счастья мне.

* * *

Небо падает первым снегом,
 Улыбается зябко ноябрь,
 Человеку согреть человека
 В день такой непременно надо.
 Не горячая батарея
 И не свитер с носками теплыми,
 А чтоб, душу об душу грея,
 Видеть утренний снег за окнами.
 Ветер легкий мотив напевает,
 Тротуар белеет заснеженный,
 А в широком цветном одеяле
 Человек человеку нежное
 Тихо шепчет. Среди белых улиц
 В этот миг нет счастливей наверное:
 Человек с человеком, целуясь,
 Улыбаются снегу первому.

ЧЕЛОВЕК, ОДИНОЧКА, ПОЭТ...

ЧУЖИЕ НЕБЕСА

Вновь снег, возникший из небытия,
собою укрывает пыль эпохи.
Под плотным слоем делает земля,
подобно людям, выдохи и вдохи.

Бледнеет солнца огненный неон.
В безмолвие отчетливее слышен
качающийся мятник. А он,
должно быть, кем-то управляем свыше.

Хронической зимой переболев,
я возвращался в мыслях к ней не раз, но
лишь понял, что тогда – бессильный гнев,
теперь – смиренье с тем, что все напрасно.

Пусть птицы за меня, лишившись сна,
взывают к воле, и в мгновение ока,
крылами не задев чужого бога,
врываются в чужие небеса.

* * *

Реальность грустна: ты жив, а потом отпет,
и солнцем душа садится за горизонт.
Неважно, где жил и сколько десятков лет,
каких и когда стремился достичь высот;
что ел на обед, как часто ходил смотреть
в туманную даль, которой за все прощен.
Но музыка дней твоих не воскреснет впредь
на клавишах тех, что могут звучать еще.

Я знаю, ты жил неспешно и не спеша
успеть – опоздать, найти – потерять, обрести
бесценную мысль, в которой так хороша
минута, что, здесь пройдя, остается здесь.
Я знаю, ты жил, в душе небеса храня,
как белый цветок, камыш, полевой вьюнок...
И грезил взлететь бескрыло, когда земля
начнет уходить стремительно из-под ног.

* * *

Реминисценции созвал, навлек
день проходящий. С музыкой и без
лежали мы кровати поперек,
забыв о том, что времени в обрез.
Делились словом и по существу,
и нет. Гуляли вдоль дорог, аллей.
И прежде чем на пеструю листву
упасть, висели в воздухе над ней.
И пряный запах листьев унося
в ладонях, шли, нисколько не стыдясь
того, что жизнь оставшаяся. Вся.
Прямую нашу одобряет связь.

* * *

Внеземной наблюдатель, пока ты
крепко спал, из кармана пальто
судьбоносные выронил карты:
жизнь на грани
и взгляды на то,

что вокруг существует. Не важно:
свет фонарный, чужой силуэт,
щит рекламный, корабль бумажный...
Человек, одиночка, поэт –

это ты. Перед миром разверстый,
находящий по всем сторонам
только звезды,
одни только звезды,
безответно горящие нам.

* * *

Не бейся, небо, не слезоточи,
пока ступаем по земле несмело,
пока не помним, кто мы есть и чьи.
Два человека.
Две души.
Два тела.

Кто нашим тропам сумрачным помог
перекреститься? Слово в параллельной
Вселенной наш грядущий диалог
давно звучал. Мольбой и колыбельной.

Дождем размочет, снегом занесет
скрижали лжи и истины скрижали.
Однажды мы проснемся, вспомнив все
и осознав кому принадлежали.

Совещание молодых писателей, состоявшееся в Ульяновске, порадовало сильным составом участников из разных регионов страны. Много одаренных авторов заявили о себе на семинарах поэзии. Представили свое творчество талантливые молодые прозаики: Анастасия Чернова, Юрий Фофин, Розалия Вахитова, Елизавета Базаева, Иван Катков, Аграфена Кузьмина, Антон Лукин, Елена Тулушева, Егор Ликсон, Евгений и Кирилл Никишины, Андрей Олех, Виктория Румянцева, Ксения Шнейдер, Георгий Панкратов и другие. В следующих номерах журнала «Симбирск» мы продолжим публиковать стихи и прозу молодых литераторов. Сегодня предлагаем вниманию читателей повесть Екатерины Огаревой.

Екатерина Огарева, кандидат психологических наук, доцент СЗИУ РАНХ и ГС, поэт и прозаик. Родилась и выросла в г. Пенза, окончила с отличием Пензенскую Школу искусств для одаренных детей по классу «Поэзия». Автор сборника стихотворений «Стежки и стёжки». В 2006 году, поступив в аспирантуру, переехала в г. Санкт-Петербург. Активно участвует в деятельности Петербургского отделения Союза Молодых Литераторов. По итогам совещания Екатерина Огарева рекомендована к вступлению в члены Союза писателей России.

Екатерина ОГАРЕВА

ВОЗВЕДЕМ МАРКИРЫ К БОЮ

Глава 1. Простой разговор

Я увидел ее имя на афише клуба Commode в центре. Просто свернул с Невского по пути на работу, остановился прикурить и зацепился взглядом за неброский черно-белый плакат:

Литературный вечер
«ДЫШИ СЛОВОМ»

Читают стихи знаменитые петербургские поэты:
Михаэль Вейн, Гера Шилов, Лина Ли...

Ни о ком из этих «знаменитостей» я, естественно, и слыхом не слыхивал. Зато среди десятка имен, объединенных заголовком «А ТАКЖЕ», я безошибочно выцепил ЕЕ имя. И фамилию. Новую.

Не знаю, что я почувствовал в тот момент: радость от такой нечаянной встречи или злость? Удивление от того, что она выступает? Или даже какую-то ревность?

Я постоял у дверей клуба всего каких-то три минуты, докуривая сигарету и разглядывая афишу. А потом заторопился дальше и поспешил о ней забыть.

Но в моей душе началось какое-то брожение. Смутное беспокойство (или предчувствие?) не давало покоя весь оставшийся день. И даже вечером, когда гостей в ресторане стало заметно больше, и дел прибавилось, мне было как-то не по себе.

Меня то ли знобило, то ли лихорадило. Я как-то особенно старался быть веселым и беззаботным. Шутил удачно и неудачно, барабанил кулаками по барной стойке, кричал что-то официантам через весь зал. И только к концу смены, слегка захмелев и устав от собственного остроумия, я наконец-то расслабился... И решил ИДТИ.

Я, конечно же, опоздал к началу. Намеренно. Вернее сказать, опоздали мы. То ли для балласта, то ли для внутренней устойчивости я прихватил своего приятеля и с некоторых пор сожителя Бобу.

Как и большинство приезжих, Боба (по паспорту

Владимир) был вскормлен байками о питерских интеллигентах и втайне мечтал затереться в их ряды.

Завелся он уже задолго до начала мероприятия и всю дорогу до клуба нервно бубнил что-то неодобрительное по поводу современной литературы.

Внутри было неожиданно много народу. В основном зале, где и происходило поэтическое действо, мест не нашлось. Люди сидели впритирку не только за столиками и на диванах по периметру, но и на подоконниках, подлокотниках, приставных стульях. Тесное помещение, явно не ожидавшее такого аншлага, грозило лопнуть. Поэтому двери в зал пришлось открыть. Все «неуместившиеся» могли наблюдать за происходящим из общего бар-холла сквозь широкий портал дверного проема. Нам с Бобой повезло – мы успели занять два внезапно освободившихся высоких стула у барной стойки. Это было идеальное место для того, кто желал присутствовать и оставаться при этом незамеченным. Мы заказали по коктейлю Old Fashioned¹ и окунулись с головой в «высокодуховную атмосферу» (с гуманным ценником в 250 рэ за вход).

Импровизированная сцена располагалась прямо напротив нас, в угловом эркере зала, и представляла собой «слепое пятно», безжалостно высвеченное софитами. Время от времени из общей темной массы присутствующих поднималась чья-нибудь фигура и под приветственные аплодисменты зрителей перетекла на «светлую сторону» – явить свой поэтический талант.

Знаменитый поэт Михаэль Вейн, заявленный на афише первым, выступал еще и чем-то вроде конфераэе: объявлял тцецов и разбавлял их выступления пространными комментариями.

Но главным комментатором вечера был, несомненно, Боба! Уже после первой порции алкоголя его язык развязался, и он безостановочно бубнил свое внахлест на драматические выступления поэтов. Особенно доставалось от него читающим дамам.

То ли из зависти, то ли из чувства какого-то внутреннего злорадства после каждого их выступления Боба выдавал что-то вроде: «Ох уж мне эти замужние

поэтессы, за т'идцать. Неудовлетво'енные женщины. Пыжуются, ст'очат чего-то высокопа'ное в свои блокнотики, а потом на сцене воют, как волчицы на луну...».

Я был готов уже отпустить какой-нибудь колкий комментарий по поводу его собственного, весьма сомнительного творчества, но тут услышал знакомое имя. ЕЕ имя.

– ... итак, Кира Ольшанская! Встречайте!

Аплодисменты. От плотной тени зала отделяется фигурка и спешит к сцене. Какой она кажется маленькой и беззащитной на этой слепящей поэтической арене.

Кира...

Как давно я тебя не видел? Пять лет? Семь?

Худенькая. Волосы собраны. Сама натянута, как струна. Тонкий свитерок под горло, прямые брюки. Без изысков. Не зная, за что зацепиться, взгляд падает на лицо...

– О! Еще одна фа'соньетка...

– Боба, закройся.

Назвалась судьба твоим именем,
Не стучась, вошла в мою дверь.

Или я тебя,

Или ты меня!

Нет иных исходов теперь.

Коли выменял ум прагматика

На порыв безумный и страсть,

Или ты меня,

Или я тебя!

Кто-то должен сдаться и пасть.

Станет кто, любя,

Уязвимее?

Жизнь за нас решит этот спор.

Или я тебя,

Или ты меня...

Вот и весь простой разговор.

– Не, ну а че? Сильно! – голос Бобы вывел меня из транса. Он явно собирался комментировать дальше.

– Пошли.

– В смысле? Куда?

– Домой пошли.

Я буквально силком выволок приятеля на улицу. Мне было душно. Мне было шатко. Голова гудела, и тело пробирал нервный озноб.

– Ты че? Пе'епил?

– Перепел я! Пошли, пока метро не закрыли.

Под мерный бубнеж Бобы мы прошли почти половину пути до метро. Начал накрапывать дождь. Рассеянно ступая в непросыхающие темные лужи, я размышлял о произошедшем. Интересно, заметила ли она меня? В какой-то момент мне и впрямь показалось, что читает она МНЕ, и стихотворение это про НАС: про меня и про нее. Но, конечно, она не могла меня видеть. Я сидел далеко, было темно... Ну а что, если...?

– Слушай, я кое-что забыл там.

– Б'ат, ну ты ваще! Не бумажник, надеюсь?

– Нет, поважнее.

– Паспо'т, что ли?

– Боб! Ты иди, а то на метро не успеешь. Я попоз-

же подскочу.

– Не. Ты че? Я тебя такого не оставлю.

– Я сказал: езжай домой!

Я резко развернулся и почти побежал обратно, оставив на полпути растерянного приятеля.

К моменту моего возвращения народ из клуба стал потихоньку вытекать.

Кира стояла под козырьком у входа, явно раздумывая: стоит ли ей нырнуть под набирающий силу дождь?

– Привет.

– Привет. А я думала, ты так и исчезнешь, не поздоровавшись.

– Извини. Я тут с приятелем был... Вот проводил немного.

– Да ладно. – Кира улыбнулась. – А я вот, представляешь: зонт забыла.

– Я тоже.

Мы немного постояли молча и посмотрели на то, как идет дождь. Многие из выходящих на улицу начали в нерешительности останавливаться в дверях. Под козырьком становилось тесно.

– А ты торопишься? Может, переждем где-нибудь?

– А давай! – неожиданно для меня согласилась Кира.

Мы забежали под первую попавшуюся неоновую вывеску и нырнули в темную нору бара. Внутри былолюдно и шумно. Все столики оказались занятыми.

И, наскоро стряхнув с себя холодные капли дождя, мы двинули прямо к барной стойке. Со знанием дела я начал изучать коктейльную карту.

– Может, чего-нибудь согревающего? Глинтвейн или кофе с коньяком?

Кира пожала плечами и обратилась прямо к бармену:

– Стопку водки. Вскленье.

– Не понял. Вам в шот налить или?..

Кира закатила глаза:

– Вскленье – значит до краев.

– Две. И соленый огурец, пожалуй, – даваясь от смеха, добавил я – Для аутентичности (это уже в сторону Киры).

– У нас есть только оливки и корнишоны, – виновато заметил бармен.

– Давай последних!

Кира картинно уронила голову на скрещенные руки.

– А чего ты хотела? Изъясняешься выражениями из «Словаря изящной русской словесности». Вскленье...

– Нет такого словаря. Я по завету Солженицына стараюсь удерживать «ближний пласт языка». Но он безвозвратно дохнет!

Я поморщился:

– Можно было и поизящнее выражение найти. «Испускает дух», например?

– Нет. Здесь он именно дохнет! Не чокайся.

И Кира подхватила только что поставленный перед ней шот² водки. Старательно налитый вскленье.

Удивительно!

Я столько представлял себе нашу встречу. С томительным ожиданием кофе за аккуратным столиком.

² От англ. shot, – стопка для крепких напитков, выпиваемых «залпом».

Мхатовскими паузами. Взглядами вскользь. Опадающей пенкой и возрожденными надеждами. Вздохами. Экивоками. Потугами на интеллектуальный цинизм...

А мы даже не сидим – стоим бок о бок у стойки бара. Пьем водку. И смеемся.

Глава 2. Берлога

Еще не было сказано ничего о нашем прошлом. Никаких «мы» и никаких «если б...». Ни поцелуев. Ни обещаний. Ни томных взглядов, настойчиво ворошащих в глубинах памяти забытые чувства.

Но только лишь захлопнулась дверца попутки, увозившей Киру домой, я начал готовиться к ее возвращению в свою жизнь.

И начал я, как водится, с нашей с Бобой «берлоги».

Мы снимали бывалую двушку на четвертом этаже пегой хрущевки.

Когда-то, вероятно, двушка была трешкой. Но уость кухни, напоминавшей скорее кладовую или бойлерную с огромным газовым котлом над раковиной, вынудили хозяев снести одну стену и провести незаконную перепланировку. В результате сердцем нашего жилища стала довольно просторная гостиная, разделенная посередине барной стойкой. Собственно, эта барная стойка с ядрено-желтой глянцевой столешницей и хромированной ногой-пилоном и определила мой выбор квартиры.

Я снял ее около двух лет назад. Через четыре года после нашего с Кирой расставания. И почти сразу в ней появился Боба.

Незадачливый бармен-на-подхвате, картавый любитель рэпа и всевозможных творческих проектов. Боба находился в перманентном поиске: часто менял планы на жизнь и работу. В нашем баре он продержался от силы месяца три, и это еще было о-го-го как много! Летом Вован неизменно вписывался в какой-нибудь «важный проект» (оказывающийся на деле работой диджея в детском лагере или должностью официанта на теплоходе) и исчезал на месяц-другой. Являлся ничуть не разбогатевшим, зато обросшим новыми речитативными небылицами и любовными победами. В реальности за два года он не привел домой ни одной девушки. Что, впрочем, я тоже эгоистично причислял скорее к плюсам нашего сожительства. Боба был непритязателен и главное – абсолютно безобиден. После неудачной смены или скандала с подружкой я мог послать подвернувшегося под руку Бобу так далеко и наговорить ему таких вещей, что все! – любой дружбе конец! Но через десять минут я как ни в чем не бывало стрелял у него сигарету. И в многозначительном молчании мы пускали дым в узкий тамбур прихожей.

Нет, я, конечно, пытался жить с другими женщинами. Но как бы бурно и многообещающе ни начинался новый роман, со временем он съезжал на давно известный сценарий со слезами, истериками и обвинениями во всех смертных... Выслушав обильную порцию претензий и не выказав желания каяться и клясться в вечной любви, я затевал очередной мучительный переезд.

Жилье на двоих с Бобой помимо вполне оче-

видной экономической выгоды давало и иные преимущества. Теперь, когда в моих отношениях с женщинами начинало маячить ненавистное «съезжаться», водворение на мою территорию становилось невозможным из-за органичности жилого пространства и наличия еще одного жилья. А переезд на сторону прекрасной половины откладывался на месяц-другой, «пока друг не подыщет себе нового соседа». За время этих псевдопоисков отношения неизбежно сходили на нет, и мой «переезд» ограничивался сбором ненужных вещдоков в квартире бывшей возлюбленной.

Работали мы с Бобой почти всегда в разные смены (конечно, когда у него была работа), так что абсолютно друг друга не напрягали.

И вот, впервые за все время нашего безмятежного холостяцкого сосуществования, фигура Бобы на карте моей жизни показалась сомнительным элементом.

Теперь, открывая дверь квартиры, я смотрел на нее иначе: как бы со стороны, свежим взглядом незнакомца, критично оценивающего чужую обстановку.

Я пытался угадать, что подумает обо всем этом Кира? Что смогут сообщить обо мне эти предметы? Какие секреты откроются ей за этими стенами?

Я всерьез взялся за прихожую: распихал по коробкам нестройные ряды летней обуви, свалил Бобины кеды и сандалии в мусорный мешок, прозрачно намекая на их участь, не разбери хозяин кучу в ближайшее время.

Отчистил кухонную стену, покрытую жирной ссылью – следствием нашего нездорового увлечения морожеными ашановскими чебуреками.

Дольше всего я возился со своей комнатой. Воскресил из небытия ночные шторы. Приклеил на стену постер, скрывающий след чьей-то помады. И даже зачем-то замазал черным маркером оголившиеся ребра стола. Несколько раз я снимал и вешал обратно на ночное бра старый «ловец снов», висевший когда-то над нашей с Кирой кроватью.

Шерстяная выцветшая паутинка, украшенная бусинами из девичьей феньки и варварски вытасченными из наших подушек перьями... Бесприютная и ненужная, она осталась висеть в оставленной Кирой комнате, так и не сумев сберечь нашего хрупкого беззаботного сна.

Стоило ли признаваться в том, что этот нечаянный свидетель разрыва скитался со мной с места на место, затягивая Киру в мои дремучие темные сновидения? Я все-таки решил, что стоит.

Боба надо мной подшучивал: «К нам должна наведаться в ближайшее время твоя мамаша? Или санэпидстанция?» К моему рвению в наведении порядка он отнесся равнодушно и вяло «исправлял» свои бытовые промахи...

Пока, наконец, я не выкинул пирамиду.

Пирамида – была чудом инженерной мысли и арт-объектом одновременно. Мы методично и тщательно возводили ее из окурков последние полгода. Это было похоже на игру в голололомку с поиском баланса или медитативную практику. Каждый раз, когда один из нас втыкал бычок в щетинистый бок пирамиды, другой, затаив дыхание, ждал, что она вот-вот обвалится прямо на ноги неудачнику и поднимет густое облако табачной золы.

Боба всерьез считал пирамиду своим главным

проектом и даже собирался выложить о ней видео на ютуб-канале.

Но смердящий и шаткий символ нашего холостяцкого пофигизма не мог быть первым, что увидит Кира, ступив на мою территорию.

Поэтому пирамида отправилась в мусорку.

Впервые Боба лютовал и неистовствовал. Он называл меня последними словами, грозился «съехать к че'товой мате'и» и демонстративно уходил курить на лестничную площадку. Мне кажется, выкинь я всю его обувь разом, он бы меньше расстроился. Боба оплакивал свою пирамиду как любимого питомца: собаку или кота. Он носил траур по пирамиде положенные девять дней.

А на десятый приехала Кира.
Как раз в Бобину смену...

Глава 3. Старая новая любовь

* * *

Как говорит Писание:
Страсть не имей к чужому.
Взгляд ли, одно касание –
Я в него, будто в омут!
Грани запрета строгого
Я все равно нарушу.
Встану пред оком Боговым
Грешной душой наружу.
Где была длань Господняя
В час, когда он был близко?
Я не молю, чтоб подняли,
Падая низко-низко.
Я не прошу, чтоб поняли,
Не зарекаюсь, ибо...
Каждому свыше доля и
Выпадет либо/либо.

Кира О., октябрь 2016

Ее волосы пахли так же: свежим хлебом или травой, разогретой палящим солнцем. Непослушные русые локоны, разметавшиеся по подушке, щекотали ласково щеки, норовя прилипнуть к губам.

Ее тело осталось прежним: те же линии и изгибы, те же родинки, длинные пальцы... Та же мелкая нервная дрожь.

Только грудь слегка опустилась. У сосков – бесцветные шрамы. Было видно: она стеснялась. Прикрывала ее руками, не давая долго смотреть.

Я любил ее, узнавая. Я искал забытые точки. Трогал пальцами и губами, восстанавливал с ними связь. Я не верил, что это возможно – ощущать каждой клеточкой тела безвременность любви и близость, отрицаемую на словах.

Все теперь казалось возможным. Мы упали, вернулись в «раньше», где остались больше собою, чем в реальном «сейчас и здесь». Все ошибки можно исправить. Все обиды стереть. И снова верить в лучшее и пытаться склеить «вместе», любить и жить...

Проводив ее до дверей (Кира хотела побыть одна, чтобы «прийти в себя»), я завис в пространстве тамбура и закурил. Я не мог совладать с собою. В голове и нервным пульсом под кожей стучали огромные тяжелые вопросы. Что же ДАЛЬШЕ? Что МНЕ делать?

С чего начать? Могу ли я принимать решения САМ, ОДИН?

Неотвратимость перемен не поддавалась сомнениям. Я и страшился, и ждал их с тревожным нетерпением. Казалось, какая-то неизвестная энергия, бурлившая до времени где-то глубоко внутри, вдруг поднялась и грозила разом прорваться наружу... Поднося к губам очередную сигарету, я заметил: рука дрожит – и тихо рассмеялся.

В этот момент в двери раздался скрежет ключа. И, поворочавшись вхолостую, смолк. Кажется, я забыл запереть замок. В проеме появился возбужденный Боба.

– О! П'ивет, б'о! Ты не пове'ишь, кого я сейчас вст'етил у подъезда!!!

– Надо думать, слова «парадная» ты намеренно избегаешь из-за своей ка'тавости?

Боба на пару секунд завис, осмысляя мой недружелюбный выпад, но махнул рукой:

– А, забей! Я вст'етил дамочку из того лите'ату'ного кафе! П'едставляешь? Инте'есно, что она тут забыла?

– Действительно. Интересно.

– Что-то ты не выглядишь удивленным.

Боба с подозрением уставился прямо мне в лицо.

– Погоди-ка, погоди-ка... а ты случайно не...

– Не знаю, о чем ты.

– Да как же! 'езко так увлекся лите'ату'ой, потащил меня на это сбо'ище 'ифмоплетов. Потом слился по пути домой...

– Пффф. Эркюль Пуаро – не иначе!

В ошеломляющей догадке Боба молниеносно сбросил кеды и двинул в мою комнату.

– Куда это ты направился?

Я рванул за ним.

Застыв над раскуроченным нутром кровати, Боба качал головой:

– Ну, ты – жгу-у-у-чий пе'ец, б'о!

Он явно намеревался выдать еще парочку одобрительных рецензий в мой адрес, но я резко дернул его за локоть.

– Иди ты, знаешь куда?

– Ладно, ладно... Пошли чайку выпьем или чего там?

Разливая успокоительный и примиряющий пуэр по чашкам, Боба начал новый заход:

– Так чего у тебя: новая любовь? Все се'езно?

– Нет. В смысле не новая.

– Ста'ая значит?

– Старая.

– А насколько ста'ая? Когда вы познакомились?

– Двадцать седьмого мая две тысячи первого года...

Да, я помню точно. 27 мая 2001 года. Это был День города. Надвигались последние беззаботные каникулы перед одиннадцатым классом. И, нисколько не переживая за школьные экзамены, мы с друзьями отправились на Невский.

Немного потолкались среди гуляющих и осели в дешевой и многолюдной «Барракуде» на углу. Каким-то чудом нам достался свободный столик. Купили в складчину одну пиццу и бутылку колы – такие уж у школьников скромные возможности – расправились с едой за пять минут и сидели, пялились в окно.

И тут один парень из нашей компании, недавно переведенный заботливой мамашей в «нормальную школу», усмотрел своих новых одноклассниц.

Девчонки как девчонки, вроде и выглядят поскромнее наших. Подошли к столику, поздоровались, с парнем этим в щеки расцеловались. Тот аж пунцовый стал от гордости и предложил присесть с нами. А присесть-то и некуда! Свободных стульев нет. А нам ради его одноклассниц вставать неохота.

Две девочки стали озираться по сторонам, а третья, не дожидаясь наших любезностей, просто села к незадачливому кавалеру на колени...

Надо было видеть лицо этого товарища! Он явно не ожидал такого расклада и просто замер на своем стуле, как замороженный. Это выглядело так, будто ему на голову села какая-то редкая птица. И вот он сидит и боится, бедняга, пошевелиться, чтобы ее не спугнуть.

Я с интересом стал разглядывать девочку: русые вьющиеся волосы до плеч, серые глаза, родинка на левой щеке, в ухе – три серебряных колечка, на руках – какие-то фенки...

Внезапно я понял, что она и меня разглядывает. Так же просто и беззастенчиво. Буквально – сидит у моего друга на коленях, а смотрит на меня!

Наши взгляды встретились. Я думал, секунда-другая – и девчонка отведет глаза. Но ничего подобного. Она все так же смотрела на меня. Без тени смущения или кокетства, просто, по-настоящему... И... я не знаю, как описать то, что я тогда почувствовал. Это... как будто прыгаешь с тарзанкой или ухаешь с высоты на американских горках. Какие-то доли секунды ты как бы замираешь в воздухе и раздваиваешься: одна часть тебя уже безвозвратно летит в пропасть и орет, а вторая остается в начальной точке и зависает в пространстве и времени...

Я не знаю, сколько мы смотрели друг на друга... секунд десять? Может, тридцать... Мне казалось, что это длится невероятно долго.

Не могу сказать, что это была любовь с первого взгляда. В тот момент я даже не был уверен, что она мне нравится.

Но было в этом безмолвном нетелесном контакте что-то неотвратимое, что-то запретно-интимное и возбуждающее одновременно. Будто бы мы не смотрели друг на друга, а, едва встретившись, беззастенчиво целовались на виду у всех.

Вот так я встретил Киру.
И безнадежно влип.

Брошен взгляд, будто мост над Невою:
В два пролета, но неразводной.
Для того, чтоб и после отбоя
Без тебя не остаться одной.

Кира К., май 2001

Глава 4. Ноумен

Едва заметно другим, тонкой пунктирной линией Кира снова входила в мою жизнь.

Мы встречались три, иногда четыре раза в неделю. Чаще всего она приезжала ко мне домой. Мы смотрели фильмы, болтали, валялись, пили литрами чай и кофе, заказывали пиццу или доедали ресторанную снесь.

Иногда она заходила ко мне на работу. Если было свободно, мы плюхались в обнимку на один из кожаных диванов. Если случался аврал, то Кира просто сидела с чашкой кофе за каким-нибудь столиком так, чтобы я мог ее видеть. И хоть такие встречи больше походили на свидание Штирлица с его женой в кафе «Слон», все равно они шли в зачет!

Но больше всего я любил, когда она приезжала утром после моей смены. Выдернутый из сна дверным звонком, я топал непослушными ногами в тамбур открывать. Наспех целовал, стараясь не промахнуться мимо лица, и тут же плелся обратно. Кира ныряла ко мне под одеяло шустрой рыбешкой. Я обнимал ее крепче и засыпал. Плотные шторы, очень кстати водворенные мною на место, почти не пропускали свет. И можно было представить, что сейчас не утро, а ночь, что впереди у нас как минимум восемь часов в обнимку и целый непочатый день.

Поначалу мне было удивительно: как ей удается так часто «улизнуть» прямо посреди рабочего дня. Не дожидаясь моих расспросов, Кира пояснила сама:

– Когда родился сын, все разом переключились на него и отстали от меня!

«Все» – это, надо думать, родители. Мечтавшие о надежном и перспективном месте для дочери, сразу после института они запихнули ее переводчиком на какой-то оборонный завод. Кира корпела над секретной технической документацией по 8 часов в день и при этом считала себя ярым пацифистом.

– Я просто перешла на фриланс: делаю частным образом переводы, занимаюсь репетиторством... Денег, кстати, даже больше!

Неизменно неприкасаемыми оставались только крупные праздники и выходные – суббота и воскресенье (дни семьи, как поясняла Кира), но меня это обстоятельство мало огорчало – я просто выходил в эти дни на работу.

Многим, наверное, такая квартирная «любовь в первую смену» казалась бы странной и даже унижительной...

Но мне она была вполне привычна.

Как бы и где бы ни начинались наши отношения, рано или поздно они оказывались втиснутыми в периметр одной комнаты или максимум квартиры. Камерный вариант любовной драмы. Предельное напряжение в минимуме декораций.

Я объяснял это тем, что в более широкую обстановку Кира попросту не вписывалась. Вокруг нее всегда существовало какое-то особое заряженное поле. И проникнуть в него решался далеко не каждый. Когда, например, она занимала столик в шумном баре, где я тогда работал, никому и в голову не приходило к ней подсесть. Хотя мест всегда не хватало. Даже официантки старались поскорее проскочить мимо. Да и сам я в ее присутствии как-то сразу напрягался, подбирался, начинал следить за каждым собственным словом и жестом. Хотя сама Кира ничего особенного при этом не делала: сидела в задумчивости над чашкой кофе, витала в своих мыслях. Никем не понятая. Отторгнутая шумной и суетливой обстановкой ве-

³ Ноумен – философский термин, обозначающий скрытую сущность предмета, постигаемую только в процессе глубокого изучения, в отличие от феноменов, постигаемых восприятием.

черного веселья. Загадочный ноумен³ – «вещь в себе». Вернее, ноуумен.

Стыдно признаться, но тогда я, бывало, скрывал, что «странная девушка за дальним столиком» – моя возлюбленная. Старался побыстрее выпроводить ее домой.

В компании моих приятелей, школьных ли товарищей, веселых ли коллег, она всегда смотрелась «инородным элементом»: мало пила, разговаривала тихо, не понимала наших острых шуточек.

Со временем я даже решил, что Кира и вовсе не предназначена для всяческих «сборищ». Гораздо мудрее и безопаснее «предъявлять» ее изредка как хрупкий раритет или музейный экспонат. Пусть окружающие любят порционно, издалека. Втайне завидуют. А вот изучать и владеть этим сокровищем буду Я ОДИН.

Поразительный эгоизм. Мне никогда и в голову не приходило узнать: что думает по этому поводу сама Кира?

И вот теперь мы будто бы поменялись местами. Раньше она ждала, когда я вернусь с ночной смены. Открывала дверь, беспокойно оглядывала с ног до головы: все ли в порядке? – наскоро целовала, отправляя спать. Ловила мой случайный недовольный взгляд в барной суматохе. Впечатывала наши встречи лирическим свидетельством в свои стихи...

А сейчас я ищу ее отражение в кривых зеркалах ресторана. Боюсь уснуть, чтобы не пропустить дверной звонок. Бесконечно воскрешаю в памяти наши свидания. И тайно мечтаю при всех назвать «СВОЕЮ».

* * *

Чуждым прихотям потакая,
Смерив взглядом меня чужим,
Обвиняешь: мол, не такая.
Но какая же? Расскажи.
Все стандарты, увы, двойки.
Якорь нужен и кораблю.
Может, просто глядишь не так и
Забываешь, что я люблю?

Кира К., декабрь 2006

Глава 5. Ассоциации

Как-то раз мы лежали на кровати в моей комнате и от нечего делать играли в ассоциации. Кира, преджившая игру, спросила первой:

– С чем я у тебя ассоциируюсь? На что я похожа?

Я провел рукой по ее волосам:

– Ты... киска. Ласковая, пушистая кошка. Иногда злая. Царапаешься. Ты часто гуляешь сама по себе, бывает пропадаешь. И тогда я ничего о тебе не знаю... Но потом ты приходишь, ложишься ко мне на грудь вот так, как сейчас. Я тебя глажу. И мы счастливы.

– Здорово, – Кира улыбнулась и тихонько замурлыкала в самое ухо.

– Ай! – Я засмеялся и слегка отодвинулся. Было щекотно.

Настала моя очередь спрашивать:

– А я кто? На кого я похож?

– Ты... Лед.

– Что? Йод? – Я не расслышал. Кира говорила тихо. – Такой же жгучий и врачующий раны?

– Нет! Нет... ЛЕД. – Кира задумалась. – Ты такой красивый, манящий. На тебя хочется смотреть. Тебя хочется касаться. Но когда я беру тебя в руки, ты так холоден, что обжигает... И я думаю: он – огонь! Но лед тает. Ты превращаешься в воду и убегаешь сквозь пальцы...

Некоторое время я молчал, осмысляя услышанное. Ассоциация была красивой, и потому даже лестной. Но что-то едва уловимое, неприятное защеколало внутри. Это новое чувство было таким мимо-летным, что я попросту решил не обращать на него внимания. И, отбросив в сторону лишние сомнения, поцеловал Киру.

– М-м-м-м-м-м... Кажется, я таю!

* * *

Под бочок да под одеяло я
Заньрну, будто в пруд рыбешка.
Усмехнешься, пустив: «Усталая
То ли женщина, то ли кошка!»
Не охочусь я за мужчинами.
Хвастать незачем, да и нечем.
Птичий щебет, возня мышьяна –
Комом в горло, кинжалом в печень.
Знаешь, я начала сутулиться,
Девять жизней скостив на шесть, и...
Впредь боюсь выходить на улицу,
Где всегда гладят против шерсти.
Возведи вокруг стеной объятия,
Скрой от взглядов косых и едких –
И позволю «своей» назвать меня,
Сделать ласковой домоседкой.
Я к насилию непривычная.
Не другим за меня решать: чья?
Лишь тебя выбираю лично я,
А вернее, душа кошачья.

Кира О., декабрь 2016

Закрыв за Кирой дверь, я отправился на кухню. Хотелось выпить. Я пробежался взглядом по разношерстному бутылочному ряду над барной стойкой и стащил с полки тяжелый и мрачный Jack Daniel's Old⁴. В морозильнике как раз оставалось немного льда.

Я высыпал морозные кубики в высокий стакан, плеснул на глаз виски, долил колы... Решил не возвращаться к холодильнику за лимоном – сойдет и так! – и плюхнулся на стул.

На кухню зашел Боба. Все это время он тактично сидел в своей комнате, стараясь не помешать свиданию с Кирой. Теперь стесняться было нечего – Боба беззастенчиво открыл холодильник и стал выгребать еду. Дверь в его комнату осталась неприкрытой, и оттуда доносились приглушенные голоса. Видимо, шел какой-то фильм.

– А кола где? – Боба выглянул из-за дверцы холодильника. – А! Понятно.

Кое-как уместив в руках сыр, ветчину, хлеб и еще какую-то снедь, он двинулся к столу. Я к этому времени уже прикончил коктейль и задумчиво рассматривал на дне бокала тающий лед.

– Че, на лед медити'уешь? – участливо поинтересовался Боба, доставая себе бокал.

Я поднял на него глаза и непроизвольно улыб-

⁴ Выдержанный американский виски одноименной компании, крепость 40 градусов.

нулся. Веселила меня эта его способность – употреблять какие-нибудь специфические термины и сложные слова в совершенно обыденных ситуациях.

– А знаешь такую шутку, – продолжил Боба. – Если заколоть человека сосулькой, то никто не найдет о’удия п’еступления, ибо...

– Оно растает!

– Да. И эта мысль не дает мне покоя. Пошли фильм смотреть.

Глава 6. Три «О»

Если бы Киру попросили вывести идеальную формулу отношений, она наверняка сказала бы что-то вроде: «Ответственность. Осознанность. Обоюдность».

Определяя нашу с ней связь, я скорее бы назвал: «Одержимость. Отчуждение и Отчаяние». Причем три этих состояния вполне можно рассматривать как последовательные стадии наших отношений. В циклическом варианте.

Нас тянуло друг к другу с какой-то непреодолимой силой.

Помню, на нашем самом первом свидании мы сидели на скамейке рядом с кинотеатром «Родина» (билетов на модный арт-хаусный фильм нам, по счастью, не досталось), и я рассказывал всякие остроумные небылицы о себе же самом. Кира улыбалась и слушала очень внимательно. Я принимал это за добрый знак и старался еще пуще.

– И вот, представляешь, открываю я, значит, где-то дня через три после той дискотеки почтовый ящик, а оттуда штук десять писем высыпается! От одноклассниц, конечно...

– Похоже, ты очень популярный.

– Ну, не так чтоб очень. Хотя, чего скромничать? Да.

– А вот что бы ты мог сказать о себе плохого? По-честному?

– Я почти идеален. Разве что немножечко врун.

Кира засмеялась.

– А ты?

– Я? Я категоричная. Перфекционистка. И еще привязчивая.

– Привязчивая – это как?

– А вот если начнешь со мной встречаться, потом никак не отвяжешься. Так всю жизнь и будешь, как на привязи.

– Категоричное заявление. Но я рискну проверить.

Похоже, она действительно знала, о чем говорит.

Но когда первая эйфория летних свиданий схлынула и наступила осень, все изменилось.

Место действия нашего романа естественным образом перенеслось в границы привычного района. А там с началом учебного года, как грибы после дождя, отовсюду повывлазили старые приятели. У каждого из них было полно новостей. И всем не терпелось поделиться своими летними приключениями.

Моей главной новостью было, конечно же, то, что у меня появилась девушка. Приятели одобрительно похлопывали по плечу: встречаться с девчонкой из «хорошей школы», да еще с дочкой завуча – такого от меня никто не ожидал. В общем, не без гордости, я привел Киру на один из наших «парадных» выходов.

«Парадным» он назывался потому, что вся тусовка собиралась в чьей-нибудь парадной. Компания из пяти-шести человек зависала на лестничной площадке между этажами. Счастливики (обычно какая-нибудь влюбленная пара) занимали подоконник, остальные – подпирали стены. И в этой непритязательной обстановке мы курили, болтали, подшучивали друг над дружкой. Короче, весело проводили время.

Но стоило мне привести с собой Киру, как настроение в нашей тусовке заметно изменилось. Количество матерных выражений резко снизилось. Шуточки приобрели более благовидный характер. Да и само направление бесед медленно, но верно стало входить в непривычное культурное русло. Говорили в основном про учебу.

Прислонившись к стене, я обнимал стоящую впереди Киру и с любопытством наблюдал за происходящим. «Выступал» Жорик:

– Рожденный ползать летать не может! Это еще Горькин сказал.

– Горький.

Все в недоумении уставились на Киру.

– Алексей Максимович Пешков. Великий русский писатель и драматург. Он же Максим Горький. Ты же о нем говоришь?

– О нем... – смущенно признался Жорик.

«Горький... Ха, Горькин!» – по компании прокатился сдавленный смешок. Жорик попытался переключить внимание присутствующих. Но не тут-то было. Ему не простили попытки казаться умнее других. Минут пятнадцать его оплошность смаковали со всех сторон, то и дело скатываясь на хохот. Я смеялся чуть ли не громче всех. Но тайне думал о том, что не хотел бы оказаться на месте Жоры. Прозвище Горькин прилипло к нему на долгие годы.

Я стал отправляться на «парадные вылазки» в одиночку, стараясь «разделаться» с нашими свиданиями пораньше. Встречал Киру после школы, провожал домой, мы проводили час или два вместе (до прихода родителей), и я сбегал.

К концу осени частота наших свиданий заметно сократилась. Я мог пропасть на неделю или даже на две. Мобильного телефона у меня тогда не было. Поэтому узнать мое местоположение не представлялось возможным. Да и вряд ли Кира стала бы этим заниматься.

Беспечно «залетая» в гости время от времени, я упустил момент, когда ее Одержимость мной сменилась Отчуждением.

Я понял все слишком поздно.

Пришел вечером 14 февраля поздравить с Днем всех влюбленных. Принес в подарок белую розу. И буквально замер на пороге Кириной комнаты – на столе обжигающей лавой кипел вулкан алых роз, неприлично большой и опасный. Мой хрупкий альбинос казался рядом с ним жалким и обреченным.

Отчаянье. Вот что я почувствовал в тот момент.

И чувствовал каждый раз, когда по своей же глупости и беспечности терял Киру снова и снова...

* * *

Мы с ним расставались раз 20 – не меньше.

И каждый раз, умирая...

Он забывался в объятиях женщин, я – в плясках «вслепую» у края.

Он часто носил маску «подонка».
 Расчет был предельно точен:
 таких обожают «плохие» девчонки.
 И я обожала. Очень.
 Раз сотый поверив весьма простодушно,
 что он до утра на работе,
 я вместо него обнимала подушку,
 впитавшую запахи плоти.
 Он падал в кровать, придя на рассвете,
 порой не успев раздеться.
 И спал...беззаботно, как спят только дети
 с невинным и чистым сердцем.
 Мы снова сходились. Раз 20 – не меньше!
 Подруги ругали: «Дура!»
 Но, видно, у нас (у любящих женщин)
 такая «дурная» натура.
 Мы вновь расставались и снова сходились.
 И в этой сумятице страшной
 томились, стремились друг к другу и бились
 сердца безрассудные наши.
 И все-таки порознь. И все-таки выжили.
 (Дай каждому, Боже, здоровья!)
 Но имя его останется выжженным
 на сердце моем любовью...

Кира О., май 2012

Глава 7. Никогда и Снова

Если честно, я даже не помню, по какому поводу мы расстались второй раз. Какая-то телефонная кантата с предсказуемым финалом: «И не звони мне больше, не звони!». Я и не звонил. Года три. И не собирался даже. Пока случай (или судьба?) не свел нас снова.

Я тогда работал в модном баре на Большой Кошуненной. Заметное проходное место. Интересная публика. И полная свобода творчества!

Был конец июня. Пора выпускных и шумных гулянок.

Я делал коктейль за коктейлем, то и дело направляя свою работу каким-нибудь зрелищным финтом в духе гуру флейринга⁵.

Шумная компания из пяти наряженных в вечерние платья девушек и двух тщедушных парней в выходных костюмах заняла последний зарезервированный столик в углу зала. Я подумал, что, верно, так выглядят выпускники какого-нибудь педуза.

Мне было не очень хорошо видно новых посетителей (да и времени особо не было их разглядывать). Но они меня видели точно. Я лишь вскользь заметил, что две или три причесанные головки выглядывают из-за спин своих спутников, чтобы лучше разглядеть барменов.

Официант принес заказ от их столика. Стандартно:

большой клубничный «Дайкири» – дамам;

две текилы – парням;

безалкогольный мохито – какой-то зануда, видимо, за рулем;

водка-шампанское-Калуа – это кто же там улететь-то собрался, не успев присесть?

Я с любопытством повернулся, чтобы взглянуть на выпускников. И замер от неожиданности: в проходе между столиками, чуть отодвинувшись от остальной компании, сидела Кира. Скрестив руки на груди, она пристально смотрела прямо на меня.

Я почувствовал, что в груди у меня прокатилась горячая волна и тут же сменилась ознобом нервного возбуждения.

Именно в такой момент и понимаешь, что такое Судьба. Это не просто абстрактное понятие, за которым скрывается невесть что... Судьба – это, когда реальность начинает вращаться вокруг тебя вибрировать, звенеть, проступать миллионами отдельных пикселей. Время замедляется, ты стоишь и ловишь жизнь в каждом ее проявлении, в каждой подробности... Потому что еще мгновение – и она рухнет.

Это как смотреть на огромную волну, которая вот-вот тебя накроет. Ты, конечно, можешь бежать... Но она-то бежит быстрее и точно настигнет, напрыгнет со спины и придавит. Поэтому ты предпочитаешь встретиться с ней лицом к лицу. Просто стоишь, заглядываешь ей в самую пасть и решаешь: стоит ли набрать в легкие побольше воздуха?

Не знаю, что чувствовала в этот момент Кира. Но она явно не была похожа на тех, кто при встрече с Судьбой спасается бегством.

Оправившись, я многозначительно поднял брови в знак своего искреннего удивления и козырнул рукой. Кира улыбнулась в ответ и тут же повернулась к своим спутникам.

Я принялся за работу, убеждая себя в том, что ничего, в сущности, особенного не произошло. Я старался быть расслабленным и непринужденным, как раньше. Но чем больше силился вернуть себе прежнее безмятежное состояние, тем хуже у меня это получалось. Мой взгляд то и дело падал на столик Киры, выхватывая ее смеющееся лицо или изгиб оголенного плеча из мельтешащего сумбура компании. Мне хотелось не замечать ее и в то же время не терпелось рассмотреть получше. Я старался выглядеть безучастным, боялся обнаружить свой интерес, но изнемогал от желания узнать: смотрит ли она на меня? Ищет ли моего взгляда?

Компания выпускников тем временем изрядно подгуляла: парни уже, не стесняясь, пили водку, да и девушки перешли к коктейлям покрепче. Разгоряченные дамы попеременно вскакивали, пританцовывая в такт новому треку, громко смеялись и отчаянно кокетничали с парнями. Сделав очередной дозаказ, три из них выбрались из-за столика и направились, очевидно, в «дамскую комнату». Среди них была и Кира. Я углубился в приготовление очередного коктейля: отчаянно тряс шейкер и лишь краем глаза следил за передвижением стайки выпускниц. Когда они поравнялись с барной стойкой, нарочно отошел к полкам с алкоголем и стал пристально изучать их содержимое. Напарник легонько постучал мне по плечу. Я обернулся. Прямо напротив, облокотившись о столешницу, стояла Кира и выжидательно смотрела на меня.

– Хотела поблагодарить вас за отличную работу. Коктейли – супер! – Кира слегка перегнулась через стойку, чтобы ее было лучше слышно. Музыка играла довольно громко.

Я слегка пожал плечами:

– Всегда рады стараться...

⁵ Флейринг (англ. flairing) – в работе бармена приготовление коктейлей с использованием трюков и элементов жонглирования.

– Легко быть «добреньким», потакая слабостям. Отдал ему пачку и думаешь, что ты хороший?

– Прекрати! Ты мне сейчас свою мамашу напоминаешь! А! Я и забыл: ты и сама стала мамашей. Тема детского здоровья особо болезненная теперь...

Лучше бы я этого не говорил. Лучше бы заткнулся. Онемел или на время оглох.

Изменившись в лице, Кира отшатнулась в сторону. Как будто ее ударили. И тут же рванула ко входу в метро.

– Кира... Кира!

Она уже обогнула здание и скрылась за углом.

Я сделал было пару шагов в сторону дома, но, резко передумав, бросился за ней.

Вбежав в вестибюль, я увидел только мелькнувшую на эскалаторе знакомую шапку.

– Черт...

У меня не было с собой ни жетона, ни проездного. Времени покупать всю эту дребедень тоже не было.

В каком-то зверином рывке я перемахнул через турникет и под негодующие возгласы работниц метрополитена ринулся вниз по эскалатору.

Я нагнал ее почти на середине пути. Встав на ступень ниже, спиной по ходу движения (так мы были почти одного роста), я заглянул в Кирины глаза. Они были влажными и блестящими, как у больного.

Я попытался притянуть Киру к себе. Она сделала шаг навстречу, но не обняла меня в ответ (даже не вытащила руки из карманов пальто).

Мы доехали вниз до платформы, а потом перешли на соседнюю полосу и снова начали путь вверх.

Мы совершали наше восхождение в полном молчании. Каждый мысленно копил слова и силы на новое столкновение. Оно неминуемо должно было случиться там же – на выходе из метро.

Но не случилось.

Как только мы сошли с эскалатора, два сотрудника в полицейской форме направились напрямик к нам. Они явно меня поджидали.

– Молодой человек, пройдите с нами...

Кира испуганно вцепилась в рукав моей куртки, явно не желая отпускать.

– А вам, девушка, сюда не нужно.

Охранники ловко протолкнули меня в «пытошную», захлопнув перед Кириным носом неприметную с виду дверь.

Даже не помню, сколько я там пробыл. Мне кажется, от силы минут двадцать. Я не хамил, не пререкался. Соглашался со всеми обвинениями. В конечном итоге чистосердечное признание и тысяча рублей «штрафа» решили вопрос положительно.

Когда я снова оказался в вестибюле, Кира бросилась ко мне и буквально повисла на шее. В руке она сжимала телефон (видимо, судорожно соображала, кому можно позвонить).

– Прости! Ну прости меня. Это все из-за меня...

Я не без злорадства отметил про себя, что лучшей мести было и не придумать.

Тысяча рублей не такая уж и большая плата за перевоплощение из преступника в героя-страдальца.

Я обнял Киру за плечи, и мы пошли домой.

* * *

Нам верить предсказаниям не с руки,
Интуитивным суть или ментальным –
Мы тянемся друг к другу вопреки,
С беспечностью частиц элементарных.
И только слишком близко подпустив,
Угадываем собственную участь.
Меняем плюс на вечный негатив
И веру на неверящую сущность.
Пусть предначертан нам опасный путь,
Ведущий лишь туда, куда не надо,
Молю я об одном: чтоб оттянуть
Час взрыва или срок полураспада.
Кира О., ноябрь 2016

Глава 9. Отцы и дети

Это удивительно, но как бы тяжелы и мучительны ни были наши с Кирой расставания, сходились мы всегда легко. Я бы даже сказал, естественно. Будто бы жизнь входила в свое привычное русло.

В тот далекий вечер, после встречи на «Гостинке», мы действительно отправились ко мне домой. И больше уже не расставались.

Жил я тогда все еще с родителями.

Они, к слову, о существовании Киры даже не догадывались. В школьные годы я своей рабоче-крестьянской семье немного стыдился, что ли... И постоянно придумывал разные поводы, чтобы не приглашать Киру к себе домой.

И вот теперь чета Каткиных восседала на кухне в нетерпеливом ожидании встречи (накануне отец вернулся со смены слишком поздно для знакомства, а мать в одиночку вторгаться на мою территорию не решилась).

Я буркнул что-то вроде «мам-пап-привет-это-Кира-моя-девушка» и полез в шкаф за чашками.

Я решил, что Кира справится со знакомством гораздо лучше меня и предпочел наблюдать «со стороны», с затаенным предвкушением грядущего триумфа.

Кира начала с извинений за позднее вторжение. И этим явно подкупила.

И хоть дальше ее представление больше походило на заученный английский топик⁶ «Let me introduce myself»⁷, на родителей она произвела неизгладимое впечатление.

Единственная дочь. Папа – отставной военный. Имеет небольшой строительный бизнес. Мама – завуч в школе. Закончила иняз. С отличием. Конечно, бюджет. Работает по специальности – переводчиком. С Марком? Все серьезно.

Наконец, явно озадаченная такой положительной характеристикой, мама задала свой финальный (провокационный) вопрос:

– Куришь?

– Нет! – выпалила Кира. И, немного подумав, добавила:

– Даже не пробовала.

Последний форпост родительского недоверия пал. Отец довольно хмыкнул в кружку с недопитым кофе. Мать принялась намазывать маслом бутерброд

⁶ От англ. topic – «тема»

⁷ Позвольте мне представиться (англ.).

для нового члена семьи.

Но вот с Кириными родителями все было не так просто.

Тем же днем мы отправились к ней домой – взять кое-какие вещи.

– Я, наверное, теперь тоже должен какую-то речь толкнуть перед твоими родителями? С отцом поговорить...

– Если ты не собираешься прямо сейчас на мне жениться, то пока не стоит. Подожди меня здесь.

И Кира нырнула внутрь, оставив меня на лестничной клетке.

Через несколько минут из-за двери послышались громкие голоса. Потом и вовсе крики. Это была Кирина мама. Ее голос звучал то тише, то громче – явно перемещался по квартире.

Я невольно поежился, представив, как Кира отбивает материнский натиск. И втайне устыдился своей неприкаянной выжидательной роли.

Наконец, финальным аккордом прогремел отцовский львиный рык, и все смолкло.

Через пару минут дверь открылась, и Кира помашила меня к себе:

– Возьми сумку – и пошли.

Кирина мама не сдавалась еще месяца два, атакуя дочь ежедневными звонками и пространными эсэмэсками. Иногда Кира попросту не отвечала, но чаще все же выходила поговорить на балкон или лестничную площадку. Разговоры эти всегда были долгими и очень эмоциональными.

А как-то вечером к нашему дому подъехал мордастый джип Кирино отца.

Я наблюдал с балкона, как Кира садилась в подсвеченный салон черного гиганта, и опасался, как бы ее силком не увезли обратно.

– Все-таки это не по-человечески как-то, – сетовала мать. – Спустись, пригласи человека! Сядем за стол...

– Мам! Отстань. Без тебя разберемся.

Устав пялиться на лоснящийся в фонарном свете кузов машины, я вернулся в комнату и включил комп.

Кира вернулась усталая и сосредоточенная. Села ко мне на колени и брякнула на клавиатуру связку ключей.

– Что это?

– Ключи от нашей с тобой самостоятельности. И квартиры. Пока, правда, съемной...

* * *

Былому покровительству конец –

Я не кричу, нуждаясь в пище, Отче.

Внезапно оперившийся птенец

Дом покидает под покровом ночи.

Ты мог бы не пустить (и был бы прав),

Закрывать окно, подранить – что угодно!

Но учишь, как не путаться в ветрах,

И курс держать по звездам путеводным.

В отсутствии страхующий руки

(Не заслониться впредь, не опереться)

Ты просишь быть внимательной с другим

И не пускать без надобности в сердце.

Кира К., август 2007

Глава 10. Каренина

Новогодняя ночь 2017-го выдалась жаркой. Встречал я ее, как водится, на работе. Кажется, мы наскоро обменялись с Кирой SMSками часов в одиннадцать. А потом начался какой-то адский аврал.

Кое-как я пришел в себя только второго января.

Мы сидели с Бобой на кухне друг напротив друга, ели ложками «авторский оливье» прямо из пластикового ресторанный контейнера и смотрели в окно. Там шел дождь.

– Спо’им, я знаю, о чем ты сейчас думаешь?

– Удиви меня, телепат.

– О своей девушке!

– Ну, допустим.

– И я вот, что хочу тебе сказать... Заканчивай о ней думать.

Я прямо опешил от такого ультимативного заявления и чуть было не подавился.

Боба отложил ложку в сторону. Видимо, готовился к разговору.

– Б’о, я понимаю: у вас там любовь длиною в жизнь, ст’ась, помноженная на тво’ческие по’бвы... Но в сухом остатке что? Ты спишь с чужой женой.

– Ну это ПОКА с чужой!

Тут замолчал Боба. Он явно не ожидал такого резкого отпора.

Я было подумал, что на этом разговор окончен, и даже принялся открывать контейнер с подернутым слюдяной коркой жира «горячим».

Но не тут-то было:

– То есть ты все’без думаешь, что они ‘азведутся?

– Поживем – увидим.

– М-м-м-м... и ты все’без готов принять ее ‘ебенка? Кто у нее, кстати, девочка?

– Сын. С чего ты, собственно, взял, что ребенок останется с ней?

Боба округлил глаза:

– А с кем?

– С отцом. Боба, не беси меня.

– Ну ты и жу-у-ук... так-то удобный ‘асклад получается. Для тебя.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ну как же, как же? Ты же ничего не те’яешь. Выбо’-то делать ей. Кстати, не боишься, что она не сможет? Б’осится под поезд, как Ка’енина...

Я взбесился:

– Прекрати немедленно этот назидательный бред! Ты уже залез с ногами туда, куда тебе и нос совать не позволяли!

Словив мой угрожающий тон, Боба ретировался. Примирительно пожал плечами и принялся за мясо. Правда, напоследок, с набитым ртом, он все же пробубнил:

– Не знаю, чего ты там поп’осил у Деда Мо’оза – я загадал, чтобы у вас не сложилось.

Я хмыкнул и отвернулся к окну. Смотрел я уже не на улицу – в потемневшей глади стекла, как в зеркале, силился разглядеть свое отражение. Темные круги под глазами, двухдневная щетина на щеках, невнятная мятая майка... Вот он – коварный искуситель, увлекающий в пучину грехопадения невинную жертву.

В таком ключе я о себе еще не думал.

Я замедлила шаг, устав:
 С каждым днем тяжелее ноша.
 На любой из твоих застав
 Обвинения в нехорошем.
 Я сама себе адвокат
 И судья себе самый строгий.
 Только мне не свернуть назад
 И не выбрать иной дороги.
 Лишь на миг прислонюсь к стене –
 И летят в меня камни, словно,
 Как мишень, на моей спине
 Проступает клеймо «Виновна».

Кира О., декабрь 2016

Чувствовал ли я угрызения совести? Нет.
 Стыдился ли своей роли? Нисколько.
 Чувствовала ли себя виноватой Кира?
 Уверен, что да.

Чувство вины – это была особая «фишка» Киры. Много в своей жизни она делала именно потому, что считала себя виноватой и обязанной как-то «оправдаться».

Ходила на нелюбимую работу, винясь перед собой, что «прозябает». Решалась бросить, стыдясь своей непутевости перед родителями. Читала стихи, виновато озираясь по сторонам (будто извинялась за свое «рифмачество»). Старалась писать «лучше» ради случайных слушателей и читателей. И всюду оставляла обрывки рифмованных мыслей, безжалостно прижатые к бумаге виной за свою неказистость.

И тут не надо было быть великим психологом, чтобы понять: все это – из семьи.

Даже мне под сканирующим взглядом ее отца, отставного военного, и прицелом бесконечных распросов мамы, завуча языковой гимназии, становилось не по себе. Взгляд непроизвольно начинал бегать по полу в поисках заветной щели, в которую можно бы было спрятаться и затаиться. Хотелось немедленно покаяться и хоть как-то оправдать свое нежелание служить в армии, троичный аттестат, невыученную таблицу неправильных глаголов, работу бармена и явное несоответствие их единственной дочери. А дочь, впрочем, тоже немного до совершенства не дотягивала. Хотя бы тем, что выбрала меня.

Конечно, Кира порой бунтовала против своего предназначения «быть лучшей во всем»: ночевала «у подруг», улизнув из-под бдительной опеки родителей, злостно прогуливая занятия в универе, намереваясь его бросить и поступить в Литинститут.

Но все эти порывы всегда заканчивались одинаково – чувством вины. Кира легко ему отдавалась, с какой-то даже мазохистской покорностью.

В выходные мы непременно заглядывали к родителям на чай. В дипломе не было никаких оценок, кроме «отлично».

Из чувства вины она прощала. Из чувства вины шла на уступки. Была щедрой, доброй... В общем, очень даже удобной. Только какой-то грустной.

Я понял это очень скоро после нашего первого расставания.

Мы тогда часто встречались, но не здоровались. Я сам так решил. Просто смотрел в упор и не отвечал на

Кирины приветствия.

Потом и она оставила попытки сохранить видимость приятельских отношений.

Если же мне случалось проходить мимо скамейки или столика в летнем кафе, где Кира сидела с Андреем (своим новым парнем), то я попросту их «не замечал».

Но каждый раз я знал, чувствовал кожей, что Кира провожает меня взглядом. И взгляд этот грустный...

Когда у меня, наконец-то, появилась подружка – рыжая Поля с узлом африканских косичек на голове – «не замечать» Киру стало еще приятней. Я просто до изнеможения прогуливался со своей новой пассией по району и особенно крепко обнимал ее там, где за нами следили грустные глаза.

Где-то через месяц Андрей стал появляться без Киры: часто крутился у компьютерного клуба или пил на лавочке пиво с друзьями. Он изо всех сил старался быть «своим в доску». И я понял: чувство вины сделало свое дело – Андрей был отправлен в отставку. Все, что оставалось, – это просто набрать номер Киры...

Но сейчас нам уже не по семнадцать лет. Да и соперник у меня посерьезней.

В этот раз чувство вины вряд ли станет моим союзником. Скорее, оно сыграет против меня. И будет явно сильнее...

Двое против одного. Кирина семья: муж и ребенок... Как сильно она их любит? Как тяжело ее чувство вины перед ними?

И если с мужем Киры я мог бы соперничать открыто, то против ребенка – я бессилён... Тут вступали в борьбу какие-то новые, неизвестные мне мотивы и чувства, какая-то необъяснимая животная привязанность, разорвать которую было сложнее, чем расколота человека пополам.

Все это было понятно. Логично. Предсказуемо.

Но я чувствовал, ЧУВСТВОВАЛ, что судьба на моей стороне! Я уже столько раз побеждал, столько раз отвоевывал ее у родителей и друзей, безобидных ухажеров и вполне себе женихов. Все наши разлуки представлялись не более, чем нелепой случайностью. Все соединения и встречи – подтверждением неразрывной связи, прямым доказательством правоты. Я! Имею на нее прав больше, чем кто-либо другой! И всем им, да и самой Кире уже давно пора понять и смириться с тем, что именно я, Марк, – ее судьба, ее счастье...

Глава 11. Презумпция невиновности

Вы наверняка знаете, что такое презумпция невиновности? Пока твоя вина не доказана, ты чист.

Так вот в отношениях этот закон не работает!

Если твоя вина не доказана и даже если тебя никто не обвиняет в том, что ты что-то разрушил, ты виновен. Ты вынужден с этим чувством жить и искать доказательства своей правоты. Бесконечно прокручивать в голове сцены ссор, нелепых объяснений и фатальной последней встречи...

И вот уже из моего подсознания вырастает огромный Зал Суда.

Я-обвиняемый, сижу на высоченном, под потолок, детском стуле с длинными ножками-спицами.

Конечно, надежно пристегнутый.

За массивным судейским столом возвышается Кирин отец в темной мантии и военной фуражке. Справа от него – Защитник, слева, как водится, – Обвинитель. Это все тоже Я.

Оба моих Я одеты в одинаковые костюмы «с блеском» (шик школьного выпускного). Одинаково сосредоточены на себе (или на мне?) и до времени молчаливы. Пожалуй, различаются они только очками: Обвинитель прячет глаза за зеркальными «авиаторами», Защитник предпочитает роговые с толстыми стеклами (видимо, силится разглядеть смягчающие обстоятельства).

– Итак, приговором Высшего суда... – грохочет судейский голос.

– Подождите! – взвизгивает Я-Защитник. – Приговор не может быть вынесен, пока не заслушано Дело!

– Какое еще «дело»? Да все и так ясно! Делов-то... – раздаются чьи-то знакомые голоса в зале.

– И все же! В чем, собственно, обвиняется подсудимый? – не сдаётся мой адвокат.

– Выслушаем Обвинителя, – соглашается Судья.

– Согласно материалам Дела, – начинает на распев Обвинитель, – Подсудимый многократно нарушал условия Контракта.

– Какого еще Контракта? Что за Контракт?

– Вот этого! – Обвинитель трясет над головой пожелтевшим тетрадным листом. – Вступая в отношения с Потерпевшей, Обвиняемый клялся «любить так, чтобы Потерпевшая никогда не пожалела о своем выборе», «всегда заботиться» о Потерпевшей, «быть рядом в трудные моменты» и «сделать все, для того, чтобы она (Потерпевшая) была с ним (Обвиняемым) счастлива». Ваши слова?

Это он явно мне. Я неуверенно киваю.

– Впрочем, можете не отвечать – здесь все записано.

– Да кто же не обещает такого в самом начале? – парирует Защитник.

– Тот, кто начинает заново! Прошу принять во внимание, что Обвиняемый является Злостным Рецидивистом!

– Протестую!

– Отклонено.

– Подсудимый многократно злоупотреблял Доверием потерпевшей.

– Голословное обвинение...

– У нас есть свидетели.

Дружной вереницей по залу идут девушки: подгулявшие красотки на высоких каблуках, смешливые официантки с блестящими подносами.

– Он флиртовал с нами! Он угощал нас коктейлями! Он взял мой номер телефона! Он душка! Проводил меня домой после смены. Пили на брудершафт и...

– Был установлен факт измены? – громыкает Судья.

– Нет, – машет рукой Обвинитель, – измены не было... Хотя доподлинно известно, что Подсудимый запрещал Потерпевшей бывать у него на работе. Скрывал их отношения. И намеренно создавал впечатление своей доступности...

– Но позвольте! – не выдерживает мой Защитник, – это совершенно необходимые меры. Профес-

сиональные издержки! Кто же будет оставлять чаевые угрюмому бармену, вечно жужжащему о своей жене?!

– И вот тут мы подходим к главному пункту обвинения! – не без злорадства объявляет Обвинитель.

Защитник прикусывает губу, явно раздосадованный своим промахом.

– Он НЕ ЖЕНИЛСЯ.

– Но он собирался...

– В течение трех лет Подсудимый попросту обманывал Потерпевшую. И фактически склонял к сожительству, обрекая на осуждение...

– С чьей это стороны? – ехидно интересуется Защитник.

– С моей, – грозно бросает Судья.

Обвинитель одобрительно кивает. Защитник берет слово:

– Он правда ее любил. Он хотел ее сделать счастливой! И он обязательно бы на ней женился. Потом... чуть позже!

– Когда?

– Когда наладится с финансами.

– Ха! – ухмыляется Судья.

– Когда у него будет настоящая работа. Когда будет свое жилье!!!

– Жилье было приобретено, – равнодушно замечает Обвинитель.

– Кем?

– Мной, – подтверждает Судья.

– Ну хорошо... Возможно, он слегка увлекся... отвлекся. У него ведь только-только стало получаться! Работа требовала отдачи. Примите во внимание возраст! Двадцать пять для мужчины в наше-то время...

– Факты? Фа-а-акты!!! – взывает Обвинитель.

– Вот. – Мой Защитник ставит на судейский стол пыльную коробку.

– Что это?

– Доказательства!

Из коробки на стол извлекаются: засушенный букет, шерстяная беретка (купленная мной без случая, просто за схожесть с цветом Кириных глаз), пара записок, подарочное издание Бродского, чашка капучино с пенным сердечком (кофе в постель), последней вылетает стайка блеклых бабочек («SMSки!» – догадываюсь я).

– В конце концов, – продолжает Защитник, – мы можем спросить саму Потерпевшую! Что она скажет?

Все дружно поворачиваются в сторону. Там, на вокзальной скамейке у окна, сжимая в руках пластиковый стаканчик с растворимым кофе, сидит Кира.

– Я... я..

Ее голос дрожит. Глаза наполняются слезами. Стаканчик с кофе падает и разливается грязной лужей у ног...

– Достаточно! – рывкает вмиг рассвирепевший Судья.

– Потерпевшая натерпелась... – сочувственно заключает Обвинитель.

– Виновен. Виновен!! Виновен!!! – раздается со всех сторон.

Судья стучит по столу тяжелым деревянным молотком.

– Властью, данной мне Мною же самим, объявляю Подсудимого виновным в ЭГОИЗМЕ и приговариваю его к Отлучению от Потерпевшей. Навсегда!

– Без права переписки, – подсказывает Обвинитель.

Я чувствую, что тонкие ножки стула подламываются и я лечу вниз. Последнее, что я слышу: чей-то горький плач в незримом коридоре. «Мама! – успеваю догадаться я. – Ее сюда даже не пустили».

Черное/белое
Черное или белое?
Грани не различимы.
Слово – что пуля в тело и,
Помня о том, молчим мы.
Если любовь не вечная,
Есть ли порядок в мире?
С кем коротает вечер он?
Прячется в чьей квартире?
Мертвой водою сбрызнули,
Не окропив живую.
Счастлива взглядом издали,
А в приближеньи – вою!
Сплетни о нем досужие
Я обрываю резко.
Песнями о НЕсуженом
И поделиться не с кем...

Кира К., почти уже Кира О., июль 2011

Я часто задавал себе вопрос: что я сделал не так? Что упустил? Что в моем поведении заставило Киру бежать и так отчаянно сопротивляться моим попыткам вернуть ее?

В этих размышлениях я рано или поздно наталкивался на гигантскую стену внутреннего сопротивления: из глубины подсознания поднималась волна возмущения и злости на Киру: какого ...? Может, она меня вовсе и не любила? Ведь если любила, то как могла так запросто от меня отказаться? Как могла так быстро меня забыть и выскочить замуж?

Наверняка постарались родители. А кто же?

«Вещи приедет забрать папа».

Тогда я до позднего вечера не мог себя заставить зайти в опустевшую квартиру. И как последний удар по моей уязвленной гордости – новенькая пятитысячная купюра на тумбочке в прихожей. Видимо, в счет грядущей арендной платы, которую мы делили с Кирой на двоих. От щедрого папы.

А может быть, она давно все решила и просто искала повод «слить» меня? Разыграла сцену и взвалила на меня весь этот груз вины и тупого непонимания. Оставила без ответов. Без шансов на оправдание. Просто оставила...

В такие моменты мне становилось легче. Я злился, и злость «выжигала» вину в моей душе. Но, как подлый сорняк, всего через пару дней вина прорастала снова. И снова душила меня своими вопросами. Садомазохистский круг, доводящий до отчаяния.

Но задать все эти болезненные вопросы Кире я не решался. Не знал, с чего начать. Боялся, куда все это может завести?

Да и случая подходящего не представлялось.

Пока...

Глава 12. Маркиры

Это было 14 февраля. День всех влюбленных. Я ломал голову: как бы нам с Кирой его отпраздновать?

Мы не могли отправиться в романтическое путешествие. Не могли провести вечер в уютном ресторане или отеле... Я даже не мог подарить ей букет цветов: заявись она с ним домой, это вызвало бы кучу ненужных вопросов.

Накануне Кира сообщила, что на выходные уедет из города.

В преддверии разлуки хотелось провести этот день как-то по-особенному. И я решил устроить сюрприз.

Мы договорились встретиться в 9:30 утра на углу Невского и Рубинштейна.

Кира морщилась от холода и недоуменно смотрела по сторонам:

– Куда ты меня поведешь в такую рань? На спектакль марионеток театра Деммени⁸?

– Лучше.

Мы свернули на Рубинштейна и заспешили мимо слепых витрин спящих ресторанов.

– Только не говори, что мы идем к тебе на работу.

– Ты меня раскусила.

– Вы же вроде с двенадцати?

На входе в ресторан действительно висело безапелляционное Closed.

Я подтолкнул Киру в гулкую арку внутреннего двора и позвонил в дверь служебного входа.

Заспанный Ярик (наш бдительный охранник) мгновенно сменил суровое выражение лица на мармеладно-приветливое и, сделав два шага назад, даже склонился в почтительной позе, приглашая войти...

В зале было темно (верхний свет еще не включали). И только в арке главного витринного окна на одном из столиков приветливо и деликатно светились в предвкушении встречи две свечи.

Я втайне порадовался, что утро выдалось пасмурным и темным. Именно таким, когда непонятно: утро за окном или вечер?

– Это для нас? – удивленно спросила Кира.

Я помог ей снять пальто.

– Это для тебя. Сегодня здесь все для тебя. Правда... только до двенадцати.

– Как в сказке про Золушку, – добродушно засмеялась Кира.

Едва мы уселись за столик, из кухонного царства явился облаченный по всей форме су-шеф⁹ (даже не спрашивайте, чего мне стоило уговорить его на эту авантюру!).

– Сегодня у Вас VIP-обслуживание. Блюда «с пылу с жару» буду подавать я сам. Позвольте порекомендовать Вам...

Конечно, мы выбрали то, что порекомендовал су-шеф. И, конечно, блюда явились почти незамедлительно.

– Что будете пить? Какой коктейль Вам приготовить? – дождался своего выхода на сцену Бармен внутри меня.

– Ну, в десять-то утра ни о чем, кроме крепкого кофе, и не мечтается, – улыбнулась Кира, – Впрочем, можете добавить туда немного ирландского виски.

⁸ Санкт-Петербургский театр марионеток им. Е.С. Деммени. Расположен на Невском проспекте.

⁹ Су-шеф – главный заместитель и помощник шеф-повара.

Это было чудесное утро, так похожее на чудесный вечер только для нас двоих.

– Я хотел купить тебе цветов, но...

– Не стоит. Правда. Ты и так сделал мне просто потрясающий подарок!

– Это потому, что я тебя люблю.

Я потянулся через столик и поцеловал ее.

– Я тоже приготовила тебе сюрприз. Не такой шикарный, конечно, но от души...

На стол, будто бабочка, выпорхнуло легкое бумажное сердечко. Я осторожно взял его в руки. Валентинка.

Внутри витиеватым Кириным почерком было вписано стихотворение:

Я тебя, как счастливый билетик
Или клевер с четвертым листом,
Спрячу там, где никто не заметит –
За душой, за нательным крестом.
В тайном пункте «не будет дороже»
Я закрою тебя в закрома,
Где среди воскрешающих «Может»
Потерялась когда-то сама.

С любовью, Кира.

Я перечел его несколько раз.

– Красиво. Почему-то мне представляется, что «закрома» находятся где-то в районе бюстгальтера.

– Ма-а-арк! Это же надо так опошлить.

– Ну, я не прочь был бы там спрятаться.

– Ужасно. Прекрати пялиться туда, куда ты сейчас пялишься.

Я изобразил невинный взгляд и пожал плечами.

– Кир, а помнишь, ты придумала стих, где так смешно еще соединила наши имена в название оружия?

– А-а-а... про маркиры?

– Точно! Точно. «Возведем маркиры к бою...»

– Сейчас...

Своейравною судьбою
Не избалованы – пусть!
Возведем маркиры к бою
И начнем нелегкий путь.
В устрашенье – горечь дыма,
Капли крови на обшлаг...
Будь в бою непобедимым,
Выбрось к черту белый флаг!

Удивительно, что ты это помнишь!

– Кира, я помню. Я все помню! И я, как никогда, готов. Реально... к черту все белые флаги!

И, будто слов было недостаточно для того, чтобы выразить всю мою решительность, я крепко-крепко (что есть силы) сжал ее руку.

– Ай! – Кира дернулась и зажмурилась от боли. – Кольцо...

Я раскрыл ладони: на безымянном пальце сверкнул, съехавший на бок бриллиантик.

И тут же, царапаясь и раня, в моем горле начала кристаллизоваться злость.

Поймав мой взгляд, Кира отдернула руку и спрятала ее под стол.

– Так куда ты уезжаешь?

– В Лугу на выходные.

Луга. Невзрачный городок к югу от Петербурга. При одном упоминании о котором у меня пересыхает во рту и начинает глухо колотиться сердце.

– Бабушку навестить?

– Бабушка умерла три года назад. Там родственники мужа живут.

Меня будто стукнуло током. Я покрылся холодной испариной и снова оказался втиснутым в грохочущий вагон ползущей в Лугу электрички...

Два с половиной часа пути в сомнениях и надеждах. Монументальный «сталинский» вокзал. Внутри душно, влажно и неожиданно розово, как за щекой прожорливого великана. Покрытый клеенкой столик летнего кафе. Непонятно зачем заказанный растворимый кофе. И Кира напротив. Плачет, плачет, плачет. Я говорю ей, что люблю. Я говорю, что исправлюсь. Что я готов на все. Я готов жениться... Но она мотает головой: «Поздно». Я прошу дать мне последний шанс. И тихо сквозь слезы она отвечает: «Разве ты не понял? Это и был твой последний шанс...».

– Почему ты вышла замуж?

– Странный вопрос. Я хотела замуж.

– Так сильно, что выскочила за него всего через год после нашего разрыва?

– По-моему, год вполне достаточно для траура по трижды неудавшимся отношениям!

– Ты могла быть моей женой.

– Прекрати.

– Нет, почему же? Я же позвал тебя замуж.

– И сделал мне превеликое одолжение. Мол, раз уж это так необходимо... Для тебя все это было игрой! Вспомни свои постоянные «Вот выгорит это дело – и женимся!» или «Ха, какое забавное место – сыграем свадьбу здесь».

– Ты сама смеялась этим шуткам!

– Первый год это было действительно смешно. Потом утомительно. В конце – больно. Ты был, как собака на сене: и не отпускал меня, и не делал шага вперед. Ты позвал меня замуж из страха потерять или взять на себя ответственность за разрыв. Вряд ли это вообще можно было рассматривать как предложение.

– А он?

– А он... Он не боялся, не сомневался. Был уверен за нас двоих. И делал мне предложение, понимая: какое-то время я даже не смогу его любить.

– Значит, ты его не любишь?

– Теперь уже люблю. Может, сначала это было и не так. Но теперь у нас сын и ...

– Хватит!

В горле противно саднило. Будто случайно проглоченный кубик льда застрял прямо посередине пути и теперь мешал говорить. Я попытался сглотнуть – но не тут-то было.

Вскочив, направился к барной стойке. Стащил коренастую бутылку ирландского виски, оставшуюся стоять на виду.

¹⁰ От англ. Highball – высокий стакан цилиндрической формы, используемый для коктейлей на основе высокоградусных напитков и содовой.

Кира молча смотрела, как я наполняю прозрачный хайбол¹⁰, как делаю смелый глоток. Еще один... А потом тихо сказала:

– Нaley и мне.

* * *

Тает лед на дне бокала,
Разбавляя алкоголь.
Я тебе не рассказala –
Утаила в сердце боль.
В ряд стоят пустые шоты.
Разговор ведешь, как бой.
Я шепчу: «Ну что ты? Что ты!
Что ты, милый... Бог с тобой».
Видно, зря тебя искала
И прокладывала путь.
Тает лед на дне бокала
И желание вернуть.

Кира О., февраль 2017

Глава 13. Дом

На следующее утро противный ледяной ком обернулся настоящей лавиной, окончательно сковав горло и придавив грудь вечными льдами. Три дня я провалялся дома с температурой. Боба всерьез опасался за мое здоровье: подавая очередную таблетку парацетамола, грозился вызвать скорую и отправить в больницу. Но в субботу я как ни в чем не бывало вышел на работу.

От Киры вестей не было.

Мы условились, что встретимся в понедельник, когда она вернется.

Во вторник я отправил ей очередную смс. Безрезультатно. А в среду решился позвонить.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети», – с привычным равнодушием констатировал электронный женский голос.

Сообщения во всех мессенджерах значились как прочитанные. Она пропала со всех радаров. И я впервые ощутил, как неустойчива между нами связь.

Что-то случилось? Она обиделась? Взяла паузу и размышляет? А может... как в своем поздравительном стихотворении, запрятала меня в самый дальний уголок души и решила не вспоминать? Нет! Этого точно не может быть – она не из тех, кто уходит по-английски и обрубаёт номера.

Я не мог зайти к ней на работу. Я не мог ничего узнать у ее друзей. Я и теперешних друзей-то ее не знал! Черт! Я даже не мог позвонить ее родителям. Все, что мне оставалось, – это ждать.

Но к вечеру пятницы ждать стало совсем невыносимо. И, прыгнув в грохочущий вагон метро, я отправился в Рыбацкое.

* * *

Зеленая ветка. Третья линия. С самыми длинными переездами между станциями. Долгих пятьдесят минут в пути.

«Рыбацкое. Железнодорожная станция Рыбацкое. Выход на правую сторону» – и следом: «Уважаемые пассажиры, будьте внимательны: при выходе из вагона метро не забывайте свои вещи».

Станция-обрыв, станция-ловушка, одна из не-

многих, выйдя на которой, ты не можешь просто перейти на другую сторону платформы и отправиться обратно.

Заспавшийся пассажир, разбуженный бдительным патрулем в форме, провожает недоуменным взглядом свой поезд... Он вынужден спуститься в темный туннель, зайти через другой вход, купить жетон и начать свое путешествие заново.

Я тоже сбегая вниз и топаю по темному туннелю к выходу. Вдоль стен – пьяные вдрыбаган бомжи, предприимчивые бабушки с вязаными носками, жалостливые попрошайки.

Выныриваю на морозный воздух. И чуть не захлебываюсь. Здесь всегда холоднее, чем в центре. Хотя это самый юг города. Верно сказывается близость Невы и незастроенные районные проплешины. Как многое здесь поменялось! Справа, вдоль железнодорожных путей вырос огромный торговый центр с кинотеатром и ресторанами быстрого обслуживания. Под серым полотном парковки исчез зеленый базар. На Аллее Славы пожарных явно поприбавилось деревьев. Но главное – вырос Дом. Все-таки вырос!

Первая «Вавилонская башня» этого района. Двадцатишестизэтажный гигант с гордо переливающейся аббревиатурой строительной компании на крыше. Я шагаю напрямиком на свет этих букв, как на свет маяка.

Ну здравствуй, Дом! Так и не ставший моим... Я помню тебя совсем еще маленьким.

Ты был объектом споров и предметом вождения всего района. Подземный паркинг, новенькая детская площадка прямо на пандусе внутреннего двора, скоростные лифты, бдительные консьержки...

Каждый раз, проходя мимо синего строительного забора, за которым ты рождался, мы с Кирой мечтали о том, как нам здесь будет счастливо жить. Кризис 2007-го растянул процесс проектирования нашего счастья на несколько лет.

Я так тебя и не дождался. На каком этаже мы с тобой расстались? На пятнадцатом?

Но, верно, Кира и сейчас живет здесь? И строит свое семейное счастье уже не со мной.

Кажется, третий этаж. Но какие же окна? Во двор или наружу?

Я плетусь вдоль длинного кирпичного фасада и разглядываю окна, будто картины в Эрмитаже. Каждое из них светится своим, неповторимым светом. Я вбегаю по лестнице на пандус внутреннего двора. Вот и детская площадка. Она выглядит совсем крохотной у ног Дома-гиганта. Несмотря на темный и холодный вечер, здесь гуляет пара мамаш с колясками (видимо, заболтались и не спешат домой). Может, они даже знают Киру?

Я сажусь на холодную лавочку и задираю голову. Балконы внутреннего двора топорщатся велосипедными и не вынесенными доселе елками. Свистят и хлопают двери лестничных площадок – кто-то выходит покурить. Я тоже закуриваю.

Мамаши нервничают:

– Молодой человек! Это детская площадка – здесь не курят!

– Между прочим, здесь везде камеры.

– Извините...

Я встаю с ледяной лавки и бреду прочь, но не к метро, а в глубь дворов.

Миную три ряда однотипных панельных многоэтажек, пересекаю вечнозеленое футбольное поле школы, пробегаюсь по поребрику вдоль детского сада (неисправная теплотрасса все так же радует непролазностью и мокротой!).

Вот она – стройная башенка в шестнадцать этажей. Последний городской форпост. Дальше – только пустыри и грохочущая фурами пригородная трасса.

Вот здесь мы с Кирой и жили.

Огибаю дом и прислоняюсь к перилам лестницы черного входа. Слева все так же беззаботно желтеют окна первого этажа. Придавленные грузом много-тонной постройки, будто и не ведают тяжести. С оптимизмом глядят на унылый безлюдный пейзаж.

Этот дом, как и наши с Кирой отношения, завис где-то между прошлым и будущим, правдой и небытью...

Иллюзорная монументальность, грозящая сорваться с самого края города и рухнуть в небытие.

А ведь до всех этих скандалов, допросов с пристрастием, пыток молчанием и внезапным затишьем перед самым последним решительным рывком мы были счастливы. За этими окнами. И еще как счастливы!

* * *

В этой комнате правят сырость и
Откровенность до непристойности.
Две кровати в одну сдвинуты,
И задернуты шторы полностью.
Ни к чему наблюдать прохожему,
С любопытством в окно смотрящему,
Как сплетаются сквозь кожу вновь
Две души, беззаботно спящие.
И не в силах разрушить близости,
Вбить тревогу в сердца отважные
Скромность быта и слезы сырости,
Сплетни в окна первоэтажные.
Пусть завидуют все прохожие:
– Шторы там раздвигают часто ли?
– Знаешь, нет! Не видал. Похоже, им
И без света живетсЯ счастливо!

Кира К., октябрь 2007

Глава 14. Обратимость

«Любовь так же, как и время, необратима»¹¹.

Так мне однажды сказал Кириин отец.

Не знаю, случайно или нарочно, но он тогда «заглянул» к нам без предупреждения. Кира была на работе. Я валялся перед телеком и жевал бутерброды – отдыхал после смены. Мы жили вместе уже полгода, и за все это время ее родители не изъявляли никакого желания нас навестить. Зато Кира посещала их исправно – каждые выходные. Иногда я отправлялся вместе с ней: отбывать молчаливую благодарственную повинность за оказанную честь – быть принятым в их Семью.

В общем, я никак не ожидал увидеть Кириногo отца в дверях нашей «халупки» (так мы любя называли свое скромное жилище).

– Чаевичаешь?

– Угу.

Я наскоро проглотил толком не прожеванный кусок и жестом пригласил его войти.

– Тоже не отказался бы от чая.

– Конечно. Сейчас сделаю.

Пока я кипятил чайник и готовил бутерброды, отец осматривался по сторонам:

– Неплохо вы тут вроде устроились?

– Да, спасибо.

Предполагалось, что он здесь впервые. Но меня не покидало ощущение, что оценивает обстановку человек, не раз бывавший здесь раньше.

Я засыпал во френч-пресс четыре ложки чая (по две на чашку) и хотел было залить кипятка, но гость остановил меня:

– Давай-ка я сам.

Он щедро подсыпал еще заварки, наверное, с половиной пачки и залил кипятком.

– С армии люблю покрепче.

Я смотрел, как чайные листья, толком не найдя места, чтобы развернуться, разбухают и отдают свою темную горечь воде. Думал о том, с чего начать разговор.

Наконец, когда Кириин отец наполнил чашку черным настоем и, не разбавляя, принялся пить, решился:

– Борис Александрович. Я давно хотел с Вами поговорить. О нас с Кирой.

Борис Александрович кивнул.

– Я понимаю, Кира – ваша единственная дочь. Вы хотели бы для нее самого лучшего. И, наверное, я – не совсем тот, кто... которого Вы... Но я люблю Киру. Давно! Я знаю ее, как себя. И она меня любит. Я собираюсь ей сделать предложение. Через год.

– Когда в армии отслужишь?

Я хотел было засмеяться шутке, но подавил смех. Кириин отец был серьезен.

– Вообще-то я не подлежу призыву. У меня плоскостопие.

– Понятно.

Борис Александрович долил себе чая, выпил его залпом, как стакан водки, и встал из-за стола:

– Любовь так же, как и время, необратима. Это Ремарк сказал.

Я не нашелся, что ответить.

В дверях он обернулся и добавил:

– А Киру ты все-таки недостаточно хорошо знаешь.

И пусть тогда он оказался прав, как бы мне хотелось с ним поспорить теперь! Доказать, что все обратимо: и чувства, и мысли, и даже время. Что, соединяясь снова и снова, мы возвращаем себе юность, надежды и веру в себя. Мы становимся друг для друга живым доказательством относительности любых границ. Мы ширимся, множимся, живем друг в друге. Мы продолжаемся. Мы все еще любим. Несмотря ни на что. Вопреки.

* * *

Даже если б и захотела,
Не нашла бы с орбиты выход,
Любя.

Я всего лишь небесное тело
В миллионе лет световых от

¹¹ Цитата из романа Э.М. Ремарка «Жизнь взаимы».

Тебя.
 Соглашаюсь быть обреченной,
 Замыкаясь без атмосферы
 В круги.
 Мне бы только побольше веры
 В ожидании быть «ничейной»
 Другим.
 Падать ниц, в небесах парить ли ...
 Ход желанный переиначен –
 В обход
 Волей вышнюю Покоритель
 Будет явлен мне и назначен.
 Не тот.

Кира О., октябрь 2016

Глава 15. Доброе утро

Я вплывал в серое утро понедельника совершенно разбитым. Две напряженные рабочие смены подряд помогли ослабить железную хватку тревоги, но дочиста вытянули из меня все силы. Я взял такси и впал в забытие на заднем сиденье нагретого салона. Вывалившись из машины у самой парадной, я на ватных ногах добрал до лестничной площадки и с третьей попытки попал ключом в замочную скважину. Меня знобило от холода и усталости. В глазах все расплывалось нечеткими влажными кругами. Но все же первое, что я увидел, перешагнув порог квартиры и щелкнув выключателем в тамбуре, были женские сапоги...

Из гостиной пахло кофе и доносились голоса.

В следующую же секунду, враз забыв о своей усталости, я скинул ботинки и бросился в комнату...

Кира и Боба сидели по разные стороны барной стойки и пили кофе. На столешнице и на полу валялись какие-то смятые листы.

Доброе утро?

– Привет!

– О! здо'ово, б'о! А мы тут, п'икинь? В БУ-И-МЕ¹² ип'аем! Вот послушай, что я п'идумал...

И Боба затараторил с невероятной скоростью какую-то рифмованную абракадабру. Но я не слушал его. Не слышал. Даже не видел.

Я потянулся к Кире. Поцеловал ее и, подхватив на руки, понес в свою комнату.

– Не. Ну как так? Б'о! Из тонкой интеллектуальной с'еды п'ямиком в обитель 'азв'ата?! – с наигранной обидой возопил Боба.

Вместо ответа я показал ему из-за двери руку с вытянутым средним пальцем.

* * *

Проснувшись, я вскочил как ошпаренный и тут же схватился за телефон. Сколько времени?!

– Тихо, тихо! Все в порядке. Я сегодня не тороплюсь.

Я обмяк и снова рухнул на кровать. Кира сидела у меня в ногах и улыбалась.

– Хочешь, сварю кофе?

– Ну уж нет. Я за последние двое суток выпил, наверное, литров десять этого кофе. Лучше чаю. И вальерянки...

Мы придвинули стол поближе к кровати и устроили чайную церемонию прямо в моей комнате.

Мы оба еще немного подкашливали. Оказалось, что Кира тоже переболела.

– Но я-то ладно! Вот Павлуша разболелся – страх... Два раза скорую вызывали. Ничем температуру сбить не могли. Я три ночи вообще не спала. Короче, застряли мы в этой Луге...

– Ты поэтому не отвечала?

– Да. Ты знаешь, первые дни совсем ни до чего было. Потом... просто не могла.

– Я так соскучился...

– Я тоже.

– В пятницу я, наверное, с полночи провел под твоими окнами.

Кира моментально выпрямилась, будто через нее прошел заряд электрического тока, и встревоженно уставилась на меня:

– Какими еще окнами?

– Твоими, в Рыбацком. Я не помнил точно, где твоя квартира, и выбрал окно справа, на третьем этаже. Там еще шторы такие чудные были...

– Я давно уже там не живу, Марк. Зачем ты это сделал?

– В смысле, ЗАЧЕМ? Ни за чем. Я волновался. Мне хотелось быть рядом с тобой. Я надеялся, что ты взглянешь в это чертово окно, и... Где ты, кстати, живешь теперь?

– На «Волковской». Ты же понимаешь, что мы не можем быть вместе всегда, когда нам этого хочется. Мы вообще часто не можем делать того, чего действительно хотим. А в нашем случае...

– Слушай, оставь эти высокопарные литературные фразы! Так где на «Волковской»?

– Что?

– Где конкретно ты живешь на «Волковской»?

Кира посмотрела на меня в растерянности:

– Какая разница?

– Разница есть. Так где?

– Тебе адрес, что ли, нужен? – она улыбнулась, пытаясь перевести разговор в шуточный тон.

Но я был серьезен. Более чем серьезен.

– Кира, ты можешь ответить на один-единственный вопрос: ГДЕ ТЫ ЖИВЕШЬ?

Кира перестала улыбаться. Она молчала и смотрела на меня. Я тоже молчал и смотрел на нее. Так мы сидели минуту или две, разглядывая друг друга и пытаясь угадать, что думает другой. А потом она спросила:

– Зачем тебе это?

И я взорвался.

Я вскочил с кровати, в каком-то порыве разом смахнул все со стола, и, спотыкаясь о разбросанную посуду, стал метаться по комнате и орать. На Киру, конечно. Я орал о том, что она ведет себя как последняя дрянь, о том, что ей наплевать на мои чувства, что еще не известно, кто из нас больший эгоист, что я устал от этой неопределенности, что хочу конкретных ответов, что я могу знать координаты своей любимой женщины, и по какому праву она все решает одна... Я действительно много орал в тот день. Дважды в комнату пытался заглянуть Боба. Как всегда, не к месту. В первый раз я послал его на х... Во второй – запустил в дверь подушкой. Боба исчез. Кира молчала.

А я все орал и орал. От злости, от обиды, от безысходности... Я орал, надеясь, что мне станет легче. Я орал, чтобы не взвыть. Чтобы не ползть на стену от

тоскливого одиночества, на которое обрекали меня наши с ней отношения.

И все это время Кира сидела молча. Она даже не сидела, а восседала на кровати, скрестив ноги, подобно изваянию индийской богини. С покорной отрешенностью принимала мои стенания и проклятия. Но когда мой поток ненависти наконец иссяк, и я двинулся к ней, готовый во что бы то ни стало узнать правду... она достала свой козырь – СЛЕЗЫ.

Увидев, как ее до сих пор застывшая и прямая фигура начала медленно оседать, а лицо бледнеть и киснуть, я поначалу возмутился: это ОНА меня вывела из себя, ОНА меня обидела! И я еще должен ее утешать? Но возмутился я только про себя, то есть молча.

Женские слезы – это вообще беспроегрешное орудие. А в случае, когда плачет любимая женщина, слезы могут разом смыть даже самое яростное и решительное мужское эго.

Кира плакала так же долго и беззаветно, как я орал. Ее тело сотрясалось от рыданий, волосы намокли, руки будто прилипли к лицу. Я попытался было взять ее ладони в свои и заглянуть ей в глаза, но она не дала мне этого сделать. Замотав головой, отвернувшись, спрятала лицо в колени. Сгорбленная, сломленная, рыдающая и одновременно стыдящаяся своих слез, она вызывала у меня только одно чувство – жалость... А злиться на того, кого жалеешь, уже невозможно.

Она плакала молча, будто предоставив мне право самому решать, что кроется за ее слезами. И я честно пытался понять, что происходит в ее жизни... И чем больше я об этом думал, тем менее безоговорочной и непоколебимой казалась мне МОЯ правда...

* * *

Украшает косой надрез
Яркой меткой мое предплечье.
Ты сегодня ужасно трезв
И кошмарно бесчеловечен.
Лучше враз прибей, придуши,
Чтоб не чувствовать больше боли.
Я с тобой на разрыв души...
Что ж ты тычешь в мои мозоли?
Ты безжалостно справедлив,
Обнажая сухие факты.
Я заплакала бы, всплыви,
Но не хочется больше как-то.
От нотаций пустых уволь!
И не будь ты таким серьезным.
Я узнала: любовь – НЕ боль.
Только, жаль, не с тобой. И поздно.

Кира О., февраль 2017

Глава 16. Пике

Если вы думаете, что в тот день у нас с Кирой что-то решилось, то вы ошибаетесь! Я даже не узнал ее адреса.

Скомканное примирение. Неуклюжее прощание в дверях (она даже не дала себя проводить), раздрай в душе и бардак в квартире. Вот и все итоги.

В глубине души я чувствовал: наши отношения вошли в крутое пике. Еще немного – и мы окончательно разобьемся. Или виртуозно зайдем на новый виток.

Но я даже не представлял себе, насколько скоро мне это предстоит выяснить.

Впереди был еще один выходной. Чтобы не мучиться тяжелыми мыслями, я решил развеяться. Но не придумал ничего лучшего, чем отправиться в манящую глянцевыми витринами и яркими вывесками «Галерею»¹³.

Промотавшись часа два по магазинам, я порядочно устал. Купил себе новую белую рубашку, очередные конверсы¹⁴ расцветки «вырви глаз» и так по мелочи... Не без удовольствия примерил несколько пиджаков люксовых марок. Один даже попросил отвести на пару часов. Пиджак был мне не по карману. И я не собираюсь возвращаться. Но приятнее было думать обратное.

Я явно нагулял аппетит! Хотелось съесть чего-то быстрого и вредного. Без дополнительного сервиса и ресторанной чехарды. Типа двойного «Биг Мака» с колой.

Я поднялся по эскалатору на фуд-корт¹⁵ и отправился к прилавку «Макдоналдса». То что надо!

Отстояв минут пятнадцать в очереди и заполучив, наконец, стандартный набор бургер-картошка-кола, я принялся искать свободный столик.

Обеденное время пусть и буднего дня не оставляло шансов на легкое решение задачи. Вокруг было полно народу: беспокойные семьи с маленькими детьми, растерянные туристы, возбужденные подростки, стреляющие глазками барышни... Последние, кстати, не плохой вариант на крайний случай – можно подсесть и пообедать в приятной компании.

В середине зала я все-таки увидел пустой столик и ринулся к нему. Радость была недолгой – рядом не оказалось ни одного свободного стула. Видимо, все оккупировала шумная компания студентов, расположившаяся неподалеку. Я стал озираться по сторонам в поисках выхода из сложившейся ситуации.

Наискось, через два столика, сидела семья с маленьким ребенком. Мама с мальчиком лет четырех расположилась как раз напротив, их было плохо видно за спиной рослого мужчины, вероятно, отца семейства. Рядом с ним стояли два стула, на которых висела одежда и стояли покупки. Надеясь на свое обаяние и вежливый тон, я направился к их столу.

Обогнув разделявшую нас колонну и уже практически подойдя вплотную, я замер в нерешительности.

Это была ОНА, КИРА. А рядом ЕЕ РЕБЕНОК. И ЕЕ МУЖ...

Я слегка пошатнулся, не зная, шагнуть мне вперед или назад. Но было уже поздно. Меня заметили. Мужчина повернулся в мою сторону и вопросительно приподнял брови. Кира смотрела пристально и тревожно.

Я взял себя в руки и как можно более непринужденно начал:

– Простите за беспокойство. Я тут нашел пустой столик, а свободного стула нет. Не могли бы вы...

Я украдкой взглянул на Киру: она сидела очень прямо, одной рукой обняв малыша и, казалось, ловила каждое слово.

Дослушав мою просьбу, мужчина встал (ростом

¹³ Торгово-развлекательный центр на пересечении главных проспектов города – Невского и Лиговского.

¹⁴ Кеды американской фирмы Converse

¹⁵ От англ. food court – зона питания в торговом центре

он оказался выше меня, да и в плечах пошире) и начал освобождать один из стульев.

– Вообще-то мы уже уходим. Или...– он вопросительно посмотрел на жену, – ты еще чего-нибудь хочешь?

– Нет, – отрезала Кира. И тихо, но очень четко, через паузу проговаривая слова, добавила: – Этого. Явно. Достаточно.

– Отлично. Спасибо! Тогда я... – И я заторопился к своему столику.

Когда я вернулся с подносом в руках, мужчина стоял уже одетый и держал в руках сумки. Кира, присев на корточки перед сыном, застегивала ему куртку.

Я занял освободившееся место и тут же принялся за картошку. Почти не чувствуя вкуса еды, я жевал что есть мочи и старался не смотреть на них.

Мальчик с недоумением посмотрел в мою сторону:

– Мама! Ма-ма! А дядя сел на папин стул.

Кира молча выпрямилась и тоже посмотрела на меня. Я поднял глаза. И мне стало не по себе от ее взгляда.

– Павлуш, мы уже уходим, – добродушно отозвался отец. – Мне стульчик уже не нужен, а дядя хочет кушать. Пошли?

– Пошли! – согласился малыш и спрыгнул со стула на пол.

Я проводил их взглядом до эскалатора. Кира вела за руку сына. Она ни разу не обернулась.

Как только они скрылись из виду, я отодвинул от себя поднос. Подкатывала тошнота. Есть уже не хотелось. Уже НИЧЕГО не хотелось!

У противоположного края стола стоял пустой стаканчик из-под кофе с отпечатком помады. Я долго на него смотрел. Мне вспомнился взгляд Киры: какой-то дикий, злой, встревоженный... В нем не было ни любви, ни нежности. Ни капли вины или раскаяния. Только почти звериная готовность наброситься и растерзать, сделай я хоть одно неверное движение. Возможно, она решила, что я это подстроил нарочно?

Не мне ли предназначались эти слова? «Этого. Явно. Достаточно».

Я резко схватил пустой стаканчик, смял его и бросил на поднос. Бумажные стенки сделали вялую попытку распрямиться, но так и застыли в кривой и жалкой позе.

Я накинул куртку и почти вбежал на эскалатор. Пакеты с покупками, которые так радовали меня полчаса назад, теперь казались неуместными, дурацкими. В голове стучало одно: «КУРИТЬ». Путь до первого этажа показался бесконечно долгим.

Очувшившись, наконец, на улице, я достал сигареты и поспешил свернуть с оживленного Лиговского в сторону.

Щелчок зажигалки. Затяжка.

Меня знобило. Сигаретный дым не помогал успокоить растревоженные нервы.

Я чувствовал себя одураченным, раздавленным, преданным...

Я тосковал. Я злился.

Смутные надежды сменялись удушливыми приступами безнадежности. Я ненавидел Киру, мысленно нападал на нее, обвиняя в самых тяжелых проступках. Но тут же в бессилии отступал и признавал себя проигравшим.

В этой душевной борьбе я шел не разбирая дороги. А под ногами то и дело хрустел хрупкий мартовский лед.

* * *

Ты хватаешь мои руки,
Не давая уйти к другому.
Сколько страсти и сколько муки
В этих тяжких метаньях по дому!
– Подожди! Подумай немного...
Ради Бога!
– Нет.
– Ради сына?
И на этих словах у порога
Я, как вкопанная, застыну...

Кира О., март 2017

СЕНТЯБРЬ 2018

2 сентября – 140 лет назад родился татарский писатель Закир Халимович Кадыров (Закир Кадыри) (2.09.1878, с. Абдуллово Ставропольского у. Самарской губ., ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – 22.10.1954, Турция). Начальное образование получил в с. Ертуганово, учился в Симбирском медресе. Жил в Бухаре, Стамбуле, Каире, Оренбурге, Уфе, Хельсинки. Автор более 40 книг об исламской культуре, «Арабской истории», многих переводов. В селе Абдуллово установлен бюст просветителю, в Ульяновске – мемориальная доска.

2 сентября – 130 лет со дня рождения чувашской писательницы Марфы Дмитриевны Трубиной (2.09.1888, с. Байгулово Чебоксарского у. Казанской губ., ныне Козловского р-на Чувашии – 27.11.1956, там же). Окончила женское отделение Симбирской чувашской учительской школы (1907) и педагогические курсы при ней (1909). Работала учительницей в школах и училищах Чувашии. Автор более 30 книг стихов и прозы, в т. ч. «Чувашские сказки» (1919), «Победа» (1927), «Орешник» (1958) и др. Член Союза писателей СССР (1934).

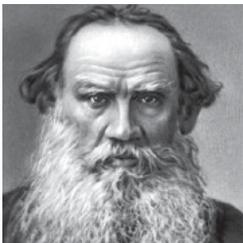
7 сентября – 95 лет назад родился поэт и прозаик Эдуард Аркадьевич Асадов (7.09.1923, г. Мерв Туркменской обл. Туркестанской АССР, ныне г. Мары, Туркменистан – 21.04.2004, г. Одинцово Московской обл.). На войне потерял зрение. Окончил Литературный институт им.

А.М. Горького (1951). Автор 47 книг, член Союза писателей СССР. В конце ноября 1985 года провел творческий вечер в Ульяновске. В письме своей знакомой о гастрольной поездке на Волгу писал: «Встречали везде великолепно. Народу битком, много цветов и горячих слов».

8 сентября – 95 лет со дня рождения поэта Расула Гамзатовича Гамзатова (8.09.1923, аул Цада Хунзахского р-на Дагестана – 3.11.2003, г. Москва, похоронен в пос. Тарки, Дагестан). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1950). Автор десятков книг, в т. ч. «Земля моя»

(1948), «Высокие звезды» (1963), «Берегите друзей» (1972) и др. С 1951 года возглавлял писательскую организацию Дагестана. Народный поэт Дагестанской АССР (1959). В 1986 году во главе делегации приезжал в Ульяновск на Неделю дагестанской культуры.

9 сентября – 190-летний юбилей писателя Льва Николаевича Толстого (9.09.1828, усадьба Ясная Поляна, ныне Тульской обл. – 20.11.1910, ст. Астапово Рязанской губ., похоронен в Ясной Поляне). Автор рассказов, повестей, романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» и др. Более 20 раз был проездом в Симбирске и губернии: в 1851-м (из Казани на Кавказ); в 1862-м, 1871 – 1876, 1878, 1881, 1883 гг. (из Ясной Поляны в Самарскую губ. и обратно); в 1869 г. (из Пензенской губ. в Н. Новгород). Имя Л. Толстого носит улица в Ульяновске.

и губернии: в 1851-м (из Казани на Кавказ); в 1862-м, 1871 – 1876, 1878, 1881, 1883 гг. (из Ясной Поляны в Самарскую губ. и обратно); в 1869 г. (из Пензенской губ. в Н. Новгород). Имя Л. Толстого носит улица в Ульяновске.

10 сентября – 240 лет со дня рождения поэта, переводчика, издателя и критика Александра Федоровича Воейкова (10.09.1778, г. Москва – 28.06.1839, г. С.-Петербург). Жил в Москве и Санкт-Петербурге. Не раз бывал в Симбирской губернии, где в с. Самайкино находилось родовое гнездо Воейковых. Был знаком с В.А. Жуковским, Н.М. Языковым, А.И. Тургеневым. Автор стихотворного памфлета «Дом сумасшедших» (1814), переводов Вергилия, Вольтера, Делиля. Был членом литературного общества «Арзамас».

Не раз бывал в Симбирской губернии, где в с. Самайкино находилось родовое гнездо Воейковых. Был знаком с В.А. Жуковским, Н.М. Языковым, А.И. Тургеневым. Автор стихотворного памфлета «Дом сумасшедших» (1814), переводов Вергилия, Вольтера, Делиля. Был членом литературного общества «Арзамас».

10 сентября – 150 лет назад родился поэт, этнограф, переводчик Аполлон Аполлонович Коринфский (10.09.1868, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 12.01.1937, г. Калинин, ныне Тверь). По другим данным, родился в 1867 году. В 1879 – 1885 гг.

учился в Симбирской классической гимназии. Автор поэтических сборников «Песни сердца» (1894), «Черные розы» (1896), «На ранней зорьке» (1896), «Тени жизни» (1897), «Гимн красоте» (1899), «В лучах мечты» (1905), «Песни голи и бедноты» (1909) и др. Написал мемуары о В.И. Ленине. С 1929 г. жил в Твери.

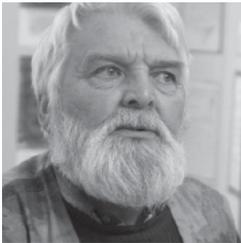
14 сентября – 125 лет со дня рождения чувашского драматурга, переводчика, актера и режиссера Иоакима Степановича Максимова-Кошкинского (14.09.1893, с. Кошки-Новотимбаево Буинского у. Симбирской губ., ныне Тетюшского р-на Татарстана – 30.08.1975, г. Москва,

похоронен в Чебоксарах). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1911). Автор более 30 пьес, нескольких сценариев и либретто. Народный артист Чувашской АССР (1933). Член Союза писателей СССР (1934).

15 сентября – 80 лет назад родился писатель Евгений Степанович Кандрухин (р. 15.09.1938, с. Майна Куйбышевской обл., ныне районный центр Ульяновской обл.). Окончил Еремкинскую среднюю школу Тереньгульского района,

Казанский университет. Работал следователем в Тольятти, позже переехал в Самару. Автор повести «Мой дед», сборника рассказов «Простить и проститься», романов «Чапанка», «Год «злой барыни», «Созвездие Тельца», «Россия, слезами умытая» и др. Член Союза российских писателей.

15 сентября – 65-летний юбилей отмечает палеонтолог и краевед Владимир Михайлович Ефимов (р. 15.09.1953, г. Советская Гавань Хабаровского края). Окончил Саратовский государственный университет (1980). В 1981 году создал Ундоровский палеонтологический музей, до

2017-го был его директором. Автор книг «Природные факторы курорта Ундоры и здоровье человека» (1989), «Позднеюрские и раннемеловые ихтиозавры Среднего Поволжья и Подмосковья» (1997), многих краеведческих статей в сборниках и журналах.

18 сентября – 70 лет со дня рождения поэта и барда Владимира Дмитриевича Васильева (р. 18.09.1948, г. Харьков Украинской ССР). Пишет стихи и прозу. Автор поэтических сборников «Бытовой романс» (1998), «Пока не закончилось время...» (2002), «На краю у прошлого» (2008), «Избранное» (2009), книги прозы «Я был писаришка штабной...» (2005). В конце сентября 2014 года побывал на праздновании 30-летия КСП «Диалог» в Димитровграде, провел бардовский концерт в Ульяновске. Член Союза писателей Москвы.

19 сентября – 65 лет исполняется писательнице Дине Ильиничне Рубиной (р. 19.09.1953, г. Ташкент, Узбекская ССР). Автор десятков книг рассказов, повестей и романов. Несколько раз была в Ульяновской области проездом из Ташкента в Москву, из Москвы в Самару и обратно. В 2013 году в Ульяновской области губернатор заменил текст Дины Рубиной на Тотальном диктante в связи с использованием в ее произведениях ненормативной лексики. Член Союза писателей СССР (1979), международного ПЕН-клуба. Живет в Израиле.

19 сентября – 45-летний юбилей отмечает литератор Павел Валентинович Слюняев (р. 19.09.1973, г. Димитровград Ульяновской обл.). Один из основателей в Димитровграде Клуба молодых литераторов (1999), литературной интернет-газеты «Глагол» (2004). Критик, литературовед, библиограф. Работал заместителем редактора газеты «Димитровград-панорама». Член Союза журналистов России. Автор поэтического сборника «Та – другая сторона» (1997). Был участником 7-го Форума молодых писателей в Липках (2007).

20 сентября – 210 лет со дня рождения литератора и этнографа Ипполита Ириарховича Завалишина (20.09.1808, г. Астрахань – не ранее 1884, предположительно г. Самара). Бывал проездом в Симбирской губернии (здесь в доме П.Н. Ивашева умер писатель И.И. Завалишин, его отец). Двоюродный брат Ф.И. Тютчева. Написал Николаю I донос о Симбирском тайном обществе. Переводил Д. Байрона, А. Ламартина. Автор повести «Затункинская красавица», поэмы «Слепец», рассказов «Парамоньч», «Аполлон Прикамский», «Ольхонянка» и др.

21 сентября – 310 лет назад родился русский поэт и дипломат Антиох Дмитриевич Кантемир (21.09.1708, г. Константинополь, ныне г. Стамбул, по другим данным, г. Яссы – 11.04.1744, г. Париж, Франция). В 1722 году, в 13-летнем возрасте, участвовал вместе с отцом в Персидском походе Петра I. Был в Симбирске 9 июня, когда флотилия остановилась под горой из-за сильной бури на Волге. Автор многих переводов, эпиграмм, сатирических стихов.

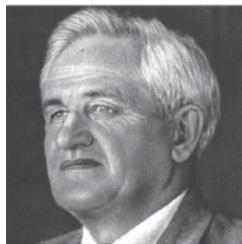
В отделе редких книг ульяновского Дворца книги хранится его сборник «Сатиры» (1751).

25 сентября – 240 лет со дня рождения русского генерала, писателя Ивана Никитича Скобелева (25.09.1778, с. Новиковка Симбирской провинции Казанской губ., ныне Старомайнского р-на Ульяновской обл. – 3.03.1849, г. Санкт-Петербург). Сын однодворца, детство провел в Оренбургском крае. Автор сборников рассказов «Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году» (1931), «Переписка и рассказы русского инвалида» (1838), «Письма из Бородина от безрукого к безногую инвалиду» (1839) и др.

26 сентября – 95 лет назад родился поэт и переводчик Александр Петрович Межиров (26.09.1923, г. Москва – 22.05.2009, г. Нью-Йорк, похоронен в Переделкино). Учился в Литературном институте им. А.М. Горького (1943 – 1947). Автор многих поэтических сборников, в т.ч. «Дорога далека» (1947), «Подкова» (1957), «Ладожский лед» (1965), «Времена» (1976), «Бормотуха» (1991). В 1970-х гг. приезжал в Ульяновск, встречался с читателями, отвечал на вопросы. Член Союза писателей СССР (1946). Лауреат Госпремии СССР (1986).

28 сентября – 135 лет со дня рождения американского публициста и журналиста Альберта Риса Вильямса (28.09.1883, г. Гринвич, штат Огайо, США – 27.02.1962, г. Оссининг, штат Нью-Йорк, США). Автор книг «Сквозь русскую революцию» (1921), «Русская земля» (1928) и др. В 1917 – 1918 гг. не раз встречался с В.И. Лениным в России. Приезжал в СССР в 1922 – 1930, 1937, 1959 гг. В одну из поездок посетил Ульяновск, побывал в музее В.И. Ленина, подарил свою книгу с автографом, хранящуюся ныне в библиотеке Ленинского мемориала.

29 сентября – 95 лет назад родился писатель Рахимжан Ибрагимович Каримов (29.09.1923, с. Старая Кулатка Хвалынского у. Саратовской губ., ныне районный центр Ульяновской обл. – 2007, ?). Участник Великой Отечественной войны, награжден боевыми орденами и медалями. Окончил Душанбинский пединститут. Работал литературным сотрудником ряда издательств. Автор шести книг. В 1992 году вернулся из Таджикистана в Ульяновскую область. Член Союза журналистов СССР. Член Союза писателей России.

30 сентября – 55 лет со дня рождения поэта Вячеслава Михайловича Первушина (30.09.1963, г. Мелекес Ульяновской обл., ныне г. Димитровград – 16.09.2002, там же). Окончил факультет журналистики Казанского государственного университета. Работал редактором

молодежных программ Ульяновской телерадиокomпании «Волга», в ряде редакций областных газет. Постертно издан сборник его избранных произведений «Иль это я приснился этой жизни» (2004, Димитровград). Член Союза писателей России (1999).

235 лет назад родился литератор Петр Васильевич Сушков (1783 – 1855). Действительный статский советник. Жил в Москве и Петербурге, по делам службы много разъезжал по России. В 1826 – 1833 гг. директор Оренбургского таможенного округа. Автор романа, писал стихи, вел переписку с Н.И. Гнедичем. Бывал в Симбирской губернии. Его отец В.М. Сушков в 1799 – 1803 гг. – симбирский губернатор, мать М.В. Сушкова – писательница и переводчица – владела в Симбирском уезде селом Фроловское (ныне с. Елшанка Ульяновского района).

80 лет со дня рождения поэта Анатолия Михайловича Намумова (р.1938, Ставропольский край). Окончил факультет журналистики МГУ. Работал в газете «Ульяновский комсомолец». В 1972 году издал первый поэтический сборник «Свежесть». В 1983 – 1991 гг. возглавлял Ульяновское отделение Союза писателей СССР. Публиковался под псевдонимами А. Михайлов и Г. Уманов. Автор 2 книг очерков и многих сборников стихов. В начале 1990-х годов переехал в Москву. Член Московской городской организации Союза писателей России.

Рубрику ведет Николай Марьянин, поэт и краевед

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ СЕНТЯБРЯ

Эдуард АСАДОВ (1923 – 2004)

* * *

Не привыкайте никогда к любви!
Не соглашайтесь, как бы ни устали,
Чтоб замолчали ваши соловьи
И чтоб цветы прекрасные увяли.

И, главное, не верьте никогда,
Что будто все проходит и уходит.
Да, звезды меркнут, но одна звезда
По имени Любовь всегда-всегда
Обязана гореть на небосводе!

Не привыкайте никогда к любви,
Разменивая счастье на привычки,
Словно костер на крохотные спички,
Не мелочись, а яростно живи!

Не привыкайте никогда к губам,
Что будто бы вам издавна знакомы,
Как не привыкнешь к солнцу и ветрам
Иль ливню средь грохочущего грома!

Да, в мелких чувствах можно вновь и вновь
Встречать, терять и снова возвращаться,
Но если вдруг вам выпала любовь,

Привыкнуть к ней – как обесцветить кровь
Иль до копейки разом проигратъся!

Не привыкайте к счастью никогда!
Напротив, светлым озарясь гореньем,
Смотрите на любовь свою всегда
С живым и постоянным удивленьем.

Алмаз не подчиняется годам
И никогда не обратится в малость.
Дивитесь же всегда тому, что вам
Заслужено иль нет – судить не нам,
Но счастье в мире все-таки досталось!

И, чтоб любви не таяла звезда,
Исполнитесь возвышенным искусством:
Не позволяйте выдыхаться чувствам,
Не привыкайте к счастью никогда.

Расул ГАМЗАТОВ (1923 – 2003)

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый –
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежутки малый –
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.

ЖИЗНЬ КАПРИЗНА

Жизнь капризна. Мы все в ее власти.
Мы ворчим и ругаем жите.
... Чем труднее она, чем опасней –
Тем отчаянней любим ее.

Я шагаю нелегкой дорогой,
Ямы, рытвины – только держись!
Но никто не придумал, ей-богу,
Ничего, что прекрасней, чем жизнь.

Лев ТОЛСТОЙ (1828 – 1910)

ДУРЕНЬ

ОТРЫВОК

Задумал дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Две избы пусты;
Глянул в подполье:
В подполье черти,
Востроголовы,
Глаза, что ложки,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают.
Дурень им молвил:
«Бог да на помощь
Вам, добрым людям».
Черти не любят, –
Схватили дурня,
Зачали бити.
Стали давити,
Еле живого

Дурня пустили.
Приходит дурень
Домой, сам плачет,
На голос воет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то тоже:
«Дурень ты дурень,
Глупый ты Бабин,
То же ты слово
Не так бы молвил;
А ты бы молвил:
«Будь ты, враг, проклят
Имем господним!»
Черти ушли бы,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались
Заместо клада».
«Добро же, баба,
Ты, бабариха.
Матерь Лукерья,
Сестра Чернава,
Вперед я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати...

Александр ВОЕЙКОВ (1778 – 1839)

1875

ДОМ СУМАСШЕДШИХ ОТРЫВОК

1
Други милые, терпенье!
Расскажу вам чудный сон;
Не игра воображенья,
Не случайный призрак он.
Нет, но мщенью предыдущий
И грозящий неба глас,
К покаянию зовущий
И пророческий для на с.

2
Ввечеру, простившись с вами,
В уголку сидел один,
И Кутузова стихами
Я растапливал камин.
Подбавлял из Глинки сору
И твоих, о Мерзляков,
Из «Амура» по сю пору
Не дочитанных стихов!

3
Дым от смеси этой едкой
Нос мне сажей закоптил,
И в награду крепко-крепко,
И приятно усыпил.
Снилось мне, что в Петрограде,
Через Обухов мост пешком
Перешед, спешу к ограде –
И вступаю в Желтый Дом.

4
От Любви сумасшедших
В список бегло я взглянул
И твоих проказ прошедших
Длинный ряд вспомянул,
Карамзин, Тит Ливий русский!
Ты, как Шаликов, стонал,
Щеголял, как шут французский.
Ах, кто молод не бывал?

5
Выслушав, я ужаснулся,
Хлад по жилам пробежал,
И, проснувшись, не очнулся –
И не верил сам, что спал.
Други, вашего совету!
Без него я не решусь:
Не писать – не жить поэту,
А писать начать – боюсь!

1814 – 1825

ПОПАЛАСЬ МЫШЬ!

Попалась мышь! Умри – спасенья никакого!
Ты грызть пришла здесь Дмитриева том,
Меж тем как у меня валялись под столом
Творения Хвостова.

1826

Аполлон КОРИНФСКИЙ (1868 – 1937)

* * *

В стенах неволи городской
Кончая хмурый день печальный,
С какой безвыходной тоской
Я вспомнил плеск реки кристальной,
Повисший над обрывом сад,
Берез развесистые сени,
В старинном доме комнат ряд,
Террасы шаткие ступени,
Поля, луга... Как будто вдруг –
Под стон озлобленной столицы –
Перечитал мне старый друг
Забывтой повести страницы...
Казалось мне: в степной глуши
Я вновь живу, – поля родные
Со мной беседуют в тиши
И мне внимают как живые;
И я люблю, люблю впервые,
Всем юным трепетом души!..

1889 – 1893

КРУГОВОРОТ

Летят часы... За ними вслед –
Как призрачная тень –
Бежит зари вечерней свет,
И гаснет шумный день...
И меркнет день... И ночь кругом.
И ночь, и мрак, и тишь.
И сном больным, тревожным сном,
Ты грезишь, а не спишь...
Уходит ночь за грани гор,
Проснулись поля,
В волшебный утренний убор
Оделася земля...

Заря румяная горит
На бархате небес;
Росой посеребренный щит
Встряхнул зеленый лес...
И – разогнав обрывки туч
В синеющую даль –
Прорезал солнца знойный луч
Ночных небес эмаль...
Опять растет в груди порыв,
Опять томит покой,
Опять хандра, опять прилив
Тоски моей больной...

1889 – 1893

Владимир ВАСИЛЬЕВ (р. 1948)

СНЕГ

В кухне пахло керосином.
Кот мостился на ночлег.
Ночью беглым Серафимом
С туч сорвался первый снег.
Пролетев над синим бором,
Волоча остатки крыл,
Сгладив скулы косогорам,
Ноги севером укрыл.
И застывшие в поклонах
До заснеженной земли
Ели в белых балахонах,
Как монахи, побрели
С еле слышными псалмами,
Кроткой радости полны,
На растущий над холмами
Бледно-бурый стог луны.
Кот не спал, таращил зенки
За окошко в темноту.
И тащила ночь поземки
Бесконечную фату.

Н.В. ГОГОЛЬ

В печке рукопись быстро сгорела,
Остается лишь пепел сгрести.
Все, что мучалось, плакало, пело,
Уместилось в единой горсти.
От бессонницы веки нависли
И круги под глазами резки,
И безумные, страшные мысли
Его пальцы втирают в виски.
Ни дороги, ни друга, ни дома –
Лишь бескрайняя степь впереди.
И промерзший комок чернозема
Он несет, прижимая к груди.

Павел СЛЮНЯЕВ (р. 1973)

ПРОСТО СТИХ

Он родился в свете месяца,
Под залятою звездой.
Ночь. Горбатая метелица
Ворошит снега клюкой.
На окошке замороженном –
Начертания судьбы
В доме диком, неухоженном
И уставшем от мольбы.

Молотя по крыше скошенной,
Гривой снег летит в окно.
Все застыло – заморожено,
Решено и суждено.
Только ветер в поле бесится
Над единой бороздой...
Он родился в свете месяца,
Под залятою звездой.

НЕ ЗАДЕНЬ

Не задень меня глазами:
Видишь – весь я твой.
В тишине пред образами
Вымоли покой.

Слышишь – сердце часто бьется?
Может не успеть.
Я устал с судьбой бороться,
Над собой корпеть,

Ждать, когда исполнят сроки
Те, кто задал срок.
Я устал быть одиноким –
Это ль не порок?

Раны мне омой слезами
И скажи: не вой...
Не задень меня глазами:
Видишь – весь я твой.

Антиох КАНТЕМИР (1708 – 1744)

ОГОНЬ И ВОСКОВОЙ БОЛВАН басня

Искусный в деле своем восколея, прилежно
Трудился, излил болван, все выразив нежно
В нем уды, части, власы, так что живо тело
Болванчика того быть всяк бы сказал смело.
Окончав все, неумно забыл отдалити
Болван от огня, где воск случилось топити.
Осягл жар пламени воск, распозлосся тело
Болванчика; пропал труд, пропало все дело.

Кто, дело свое вершив, утвердить желает
В долги веки, должен все, что тому мешает,
Отдалять и, что вредит, искоренять скоро;
Без того дело его не может быть споро.

* * *

Невелик хотя удел, но живу спокоен,
Скатерть, столик, пища есть,
в мыслях своих волен.
Не прельщает вышня честь,
Для меня то трудно снести.
Невиновну жизнь люблю, в ней моя забава.
Кто же хвалится искать, чести домогаться –
Коль удачливо ему, желаю стараться,
Пусть тот долго с тем живет,

Пусть великим век слывет.
Я ж пронырлив не бывал, не в том моя слава.
Не умею, весь сожмясь, низко поклониться
И, не зная кого в глаза, дружбою божиться,
Не умею тем сыскать,
Чтоб обманом приласкать,
Для корысти лишь одной – после хоть не знаться.
Мне несносна жизнь сия, бегу, не прельщаюсь,
Мил в посредстве мой покой,
хранить той стараюсь,
Другой жизни не ищу,
Сладко ль, горько ль – не грущу,
Лишь спокойна б та была – не хочу расстаться.

1742

Александр МЕЖИРОВ (1923 – 2009)

ГУАШЬ

По лестнице, которую однажды
Нарисовала ты, взойдет не каждый
На галерею длинную. Взойду
Как раз перед зимой, на холоду,
На галерею, по твоим ступеням,
Которые однажды на листе
Ты написала вечером осенним
Как раз перед зимой ступени те
Гуашью смуглой и крутым зигзагом.
По лестнице почти что винтовой,
По легкой, поднимусь тяжелым шагом
На галерею, в дом открытый твой.
Меня с ума твоя зима сводила
И смуглая гуашь, ступеней взмах
На галерею, и слепая сила
В потемках зимних и вполупотьмах.

МУЗЫКА

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попраля.

Какая музыка во всем,
Всем и для всех – не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру – быть бы живу...

Солдатам голову кружа,
Трехрядка под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Стенали яростно, навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке – инвалид,
И Шостакович – в Ленинграде.

1731

Вячеслав ПЕРВУШИН (1963 – 2002)

* * *

Мой любимый город – город снов,
 Снов, в которых глупость как награда,
 Лиц безгубых шепоты без слов,
 Лиц безглазых пламенные взгляды.
 Самый верный друг – который спит,
 Даже если спит с твоей супругой...
 Враг, который правду говорит,
 Лучше изовравшегося друга.

* * *

На улице пурга и мокрый снег,
 Трамвай ушел, наверное, последний,
 На остановке скучный человек,
 Как будто только отслужил обедню.
 Твое желтушное окно еще горит,
 Ты не допил иль перепил, что вероятней,
 И неоконченный стишок вином размыт,
 Он стал еще глупей и непонятней.
 И в кресле муза-потаскуха, вся в прыщах,
 В угаре пьяном что-то напевает
 О нецутевых греческих боггах
 И регулярно в паузах икает.
 Унылая картина. Бог простит
 И наши слабости, и наши прегрешенья,
 И, вероятно, скоро пригласит
 Служанку-смерть с последним угощением...
 Пурга качает стаи фонарей,
 Твой дом как снеговик с подбитым глазом.
 Ни улиц, ни деревьев, ни теней,
 Лишь снежные бесформенные фразы.

* * *

День вчерашний мне бьет по темени,
 Кровью строки из глотки рву.
 Много б надо, да мало времени,
 Задыхаюсь, но все ж живу.
 Не прощенья прошу, не жалости,
 Не дворцов золотых, не дев,
 Боже, дай же мне самой малости –
 Умереть, свою песню допев.

Анатолий НАУМОВ (р. 1938)

ПОСЛЕДНИЙ ОКЛИК

Струится воздух светло-синий,
 Струится позднее тепло.
 Над всей березовой Россией
 Звенит морозное стекло.

Зарей подтаявшее небо
 Кольшется едва-едва,
 А на лугах уже свирепо
 Ледком прихвачена трава.

Давно отрокотали грозы
 И май зеленый отшумел,
 И вот напомнили морозы,
 Что ничего ты не сумел...

Отчаянно, неповторимо,
 Качаясь и сводя с ума,
 Полжизни пролетело мимо,
 И впереди уже зима.

И поздний оклик журавлиный,
 И в лужах тоненький ледок,
 И провода электролиний
 Дают последний свой звонок.

И далеко-далеко слышен
 Предзимний этот перезвон,
 Как будто в тучах кто-то свыше
 Качнул разбитый небосклон.

УТРЕННЕЕ

Вошла березка в травостой
 В своей косынке газовой,
 А там туман такой густой,
 Что хоть на хлеб намазывай.

Туман такой, что не поймешь, –
 Да, может, не березоньки,
 А просто вышла молодежь
 Косить луга-заброшенки?

И вот сошлись девчонки в круг –
 Косить нет больше моченьки!
 Одна остановилась вдруг
 И моет белы ноженьки.

И розовеет неба край
 Над мокрою поляною;
 И как духмяный каравай –
 Облако румяное.

Подборку составил
 Н. Марянин

